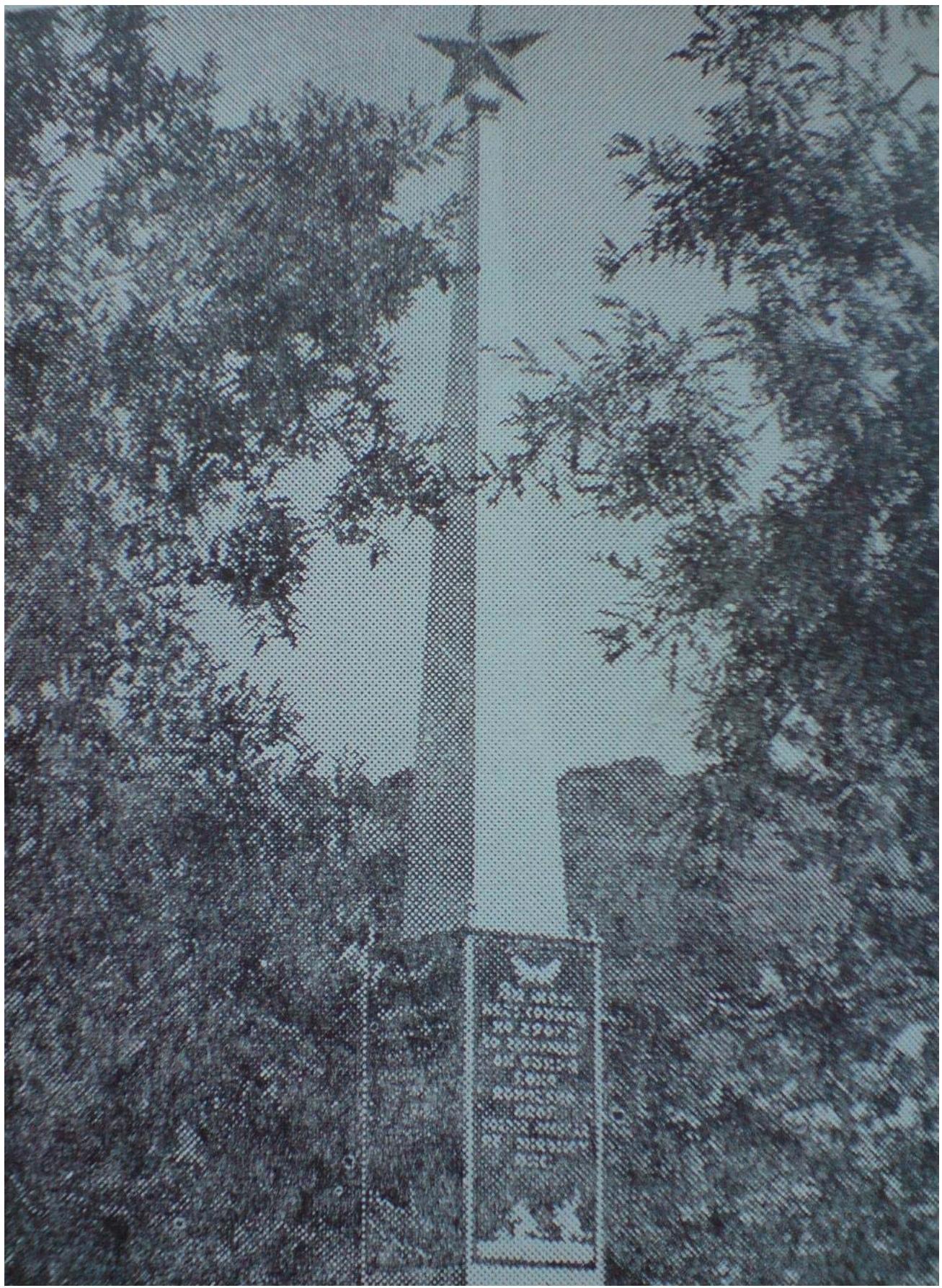

*40-летию Победы
посвящается*

Памятник-обелиск в г. Петропавловске-Камчатском
в честь воинов-освободителей Курильских островов

В. С. Акшинский

Курильский десант

Документальная повесть

Петропавловск-Камчатский
Дальневосточное книжное издательство
Камчатское отделение
1984

9(C)27
A38

Документальная повесть В. Акшинского рассказывает об освобождении Советской Армией Курильских островов от империалистической Японии в 1945 году, о героизме советских солдат и матросов.

ИБ 875

Василий Семенович Акшинский
Курильский десант

Редактор В. А. Ильина

Художник Ю. Н. Ви

Технический редактор и корректор Н. С. Сухачева

Сдано в набор 10.01.84. Подписано в печати 15.03.84. ВИ01980.

Формат 84Х108 1/32. Бум. тип. № 1. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр. огг. 8,5.

Уч. изд. л. 8,76. Литературная гарнитура. Печать высокая. Тираж 5000 экз. Цена 30 коп. Заказ № 25.

Дальневосточное книжное издательство, Камчатское отделение,
683602 Петропавловск-Камчатский, ул. Советская, 50.
Камчатская областная типография, 683024, Петропавловск-Камчат-
ский, ул. Лукашевского, 5.

© Дальневосточное книжное издательство, 1984.

ОТ АВТОРА

В 1944 году приказом командования Дальневосточного фронта был создан Камчатский оборонительный район (КОР). Это вызывалось необходимостью защиты Камчатки от возросшей угрозы нападения империалистической Японии. КОР объединил в своем составе все общевойсковые части и подразделения, которые по мере необходимости создавались здесь ранее с целью отпора любых попыток агрессора вторгнуться на территорию Камчатского полуострова.

Командующим войсками КОР был назначен генерал-майор Алексей Романович Гнечко. Ему были непосредственно подчинены сухопутные войска, обороныющие побережье Камчатки, и в оперативном отношении — Петропавловская военно-морская база (ПВМБ), 128-я смешанная авиадивизия и 60-й ордена Ленина Камчатский морской пограничный отряд.

В августе 1945 года под руководством А. Р. Гнечко объединенными усилиями пехотинцев, моряков, летчиков и пограничников, при активной помощи партийных, советских, хозяйственных органов и трудящихся Камчатки были освобождены от японских захватчиков исконно-русские земли — Курильские острова до Урупа включительно (остальные — к югу от него — были заняты советскими войсками, переброшенными на кораблях с Южного Сахалина). Ныне вся Курильская гряда входит в состав Сахалинской области.

В предлагаемой вниманию читателей повести показаны мужество и отвага советских воинов в Курильской десантной операции и вместе

с тем — боевой путь командующего этой операцией, ныне покойного, генерал-лейтенанта Героя Советского Союза А. Р. Гнечко. Изложение событий подано в виде беседы с генералом, но оно отражает и личные воспоминания автора, который накануне и в начальный период Великой Отечественной войны был редактором областной газеты «Камчатская правда» (1940—1942 гг.), а затем — политработником-артиллеристом, принимал непосредственное участие в Курильской десантной операции в качестве парторга 279-го артиллерийского полка.

Созданию повести предшествовала большая поисковая работа, которая продолжается и поныне. Многое дала переписка автора с сотнями участников Курильского десанта и членами их семей. Существенную помощь оказали пионеры и школьники — красные следопыты.

В повести использованы материалы, собранные в процессе поисковой работы, а также в переписке автора с участниками Курильского десанта и членами их семей, с пионерами и школьниками — красными следопытами. Это позволило установить новые имена освободителей Курил, уточнить в ряде случаев написание фамилий, полных имен и отчеств, определить принадлежность, воинские звания и должности, выяснить данные о награждении тех, кто упоминается в уже опубликованных работах. За оказанную помощь сердечно благодарю всех, причастных к этому делу.

Текст рукописи повести был прочитан А. Р. Гнечко перед отправкой ее в издательство и окончательно доработан с учетом всех его мнений и пожеланий¹.

Многие читатели обратят, наверное, внимание на то, что значительная часть упоминаемых участников Курильского десанта названа лишь по фамилии, без указания инициалов. Это результат незавершенности поисковой работы, которая продолжается.

Убедительно прошу читателей этой книги оказать автору посильную помощь в поисковой работе. Сообщайте, пожалуйста, адреса известных вам участников освобождения Курильских островов. А самих участников Курильской десантной операции очень прошу

¹ Герой Советского Союза генерал-лейтенант Алексей Романович Гнечко скончался 7 апреля 1980 года. Похоронен в Москве на Донском кладбище.

поделиться воспоминаниями, рассказать о себе, однополчанах и сослуживцах.

Прошу писать по адресу: 121165, Москва, Г-165, Кутузовский проспект, 26, кв. 287. Акшинскому В.С.

Время от времени мы встречались с Алексеем Романовичем Гнечко, генерал-лейтенантом в отставке, на его московской квартире, и чаще всего наш разговор невольно переходил на воспоминания о последних залпах второй мировой войны, что прозвучали па самом краю Отчизны – на далеких и бесконечно родных Курильских островах. Впервые нам довелось встретиться зимой 1944—45 года, когда он был командующим Камчатским оборонительным районом (КОР), а я, до этого сугубо гражданский человек, стал комиссаром, замполитом 1-го дивизиона 428-го гаубичного артполка АРГК, а затем — парторгом 279-го артиллерийского полка. Будучи еще редактором областной газеты «Камчатская правда», я, как и все другие ответственные работники, был «бронирован». Многие, обращались в центр с просьбой о разбронировании, но обычно все оставалось по-прежнему. Мне повезло: мое заявление рассматривал Камчатский обком ВКП(б). Перед заседанием бюро обкома я смог побеседовать с хорошо знающими меня товарищами, и они обещали поддержать мою просьбу. Так я стал военным, только вместо отправки на фронт, о чем я просил, меня оставили служить в Камчатском гарнизоне. Но я был рад и этому, так как знал, что с Дальнего Востока нередко отправляются на запад маршевые роты, и я надеялся попасть в состав одной из них.

В тот раз войска КОР проводили многодневное тактическое учение совместно с представителями других родов и видов войск.

Разгулялась пурга, трудно было обнаружить и разгромить условного противника, но полки и подразделения нашей, «красной», стороны действовали смело и решительно, и когда были найдены несколько отрядов «синих», мы решительно атаковали их. «Противник на нашем участке был «уничтожен», и нам разрешили сделать большой привал. Солдаты вмиг развели костер и уютно устроились вокруг него. Я решил воспользоваться передышкой и начал рассказывать солдатам и офицерам о международной обстановке, и мало-помалу у слушателей рассеялась усталость. После окончания беседы посыпались самые разные вопросы. Тогда-то я впервые и увидел генерала Гнечко. Я

встрепенулся, чтобы отрапортовать, как положено по уставу, командующий знаком руки остановил эту попытку и сказал:

– Продолжайте.

Посыпались новые вопросы, но я заметил, что резко изменился их характер: если прежде спрашивали, как говорится, о бытовом – вплоть до выяснения причин плохого качества и редкого подвоза махорки, то сейчас вопросы приняли сугубо политический характер: почему союзники так затянули с открытием второго фронта в Европе, о Ялтинской конференции руководителей трех держав, о ходе войны на Тихом океане.

После беседы мы окружили нашего генерала и стали спрашивать, как обстоят дела на других участках борьбы с «синими».

Улыбнувшись в пышные темные усы, он ответил:

– Все наши действуют, как подлинные герои, хотя и не без огрехов. С такими воинами не страшен никакой противник. И вы — молодцы: у костра отдохнули и беседу послушали. Теперь, наверное, и вопросы международного положения, да и задачи нашего учения стали яснее. Не так ли?

Затем, повернувшись ко мне, генерал заметил:

– Вот и встретился с вами и деловые качества ваши в какой-то мере удалось узнать. А то говорят, что в 279-м артполку один из политработников – бывший редактор «Камчатской правды». Не скрою, заинтересовался, но встретиться все как-то не выпадало случая. Значит, оторвала и вас обстановка от редакторского стола. Но ничего, судя по всему, скоро войне конец — уже за государственной границей наши войска сражаются. Ну что ж, спасибо за беседу. Будем знакомы.

С тех пор прошло более четверти века, и мы ни разу больше так и не встретились. Выручил господин «случай». Как-то, в начале 70-х годов мы буквально столкнулись с ним на Кутузовском проспекте в Москве. Узнали друг друга, разговорились, обменялись адресами, телефонами. Оказалось, что и живем-то мы почти рядом. С тех пор стали встречаться.

На этот раз Алексей Романович был в каком-то особо приподнятом настроении, может быть, потому, что мы накануне договорились о продолжительной встрече, а я предупредил его: «Буду записывать ваши воспоминания».

Беседа началась. Постепенно память уводила нас все дальше и дальше, в военные годы, в первые послевоенные месяцы, когда до начала советско-японской войны оставался уже совсем короткий срок.

Мы хорошо помнили, в каких суровых условиях приходилось пехотинцам, морякам и другим воинам нести боевую службу на Дальнем Востоке в то время, и как провокационно вела себя японская военщина по отношению к нашей стране. Она нагло и грубо нарушила пакт о нейтралитете, заключенный между СССР и Японией в апреле 1941 года. Районами таких провокаций были прибрежные зоны Камчатки, линии рейсов наших судов по Охотскому морю и Тихому океану из Петропавловска во Владивосток и по другим направлениям. Используя неблагоприятные условия, сложившиеся для России в 1855 и 1875 годах, Япония путем дипломатического нажима, поддержанного западными державами, вынудила нашу страну отдать ей открытые, описанные и освоенные русскими землепроходцами и мореходами острова Курильской гряды. В 1905 году в результате поражения царского правительства в русско-японской войне Япония захватила силой и южную часть Сахалина.

Таким образом, были закрыты все выходы нашим кораблям в Тихий океан. Превратив Южный Сахалин и Курилы в мощный плацдарм, японская военщина намеревалась осуществить отсюда нападение на Советское Приморье, Камчатку и Чукотку. Особенно наглядно это проявилось в годы гражданской войны, когда Япония вместе с США вторглись в пределы нашей дальневосточной земли. Японские интервенты были изгнаны отсюда в 1922 году, а из северной части Сахалина — лишь в 1925 году.

Однако и после этого японский имперализм не прекращал подготовку к войне против Советского Союза.

Еще в 1931 году японский посол в Москве Хирота, исходя из завоевательских замыслов своего правительства, сообщал начальнику генерального штаба японских войск — «Нужно занять решительную позицию по отношению к Советскому Союзу, приняв решение воевать с СССР в любое время, когда это окажется необходимым, ...Основной

целью является не оборона против коммунизма, а захват Восточной Сибири»¹.

Японский имперализм активно готовился к войне против Советского Союза, заключил агрессивный «тройственный пакт» с фашистскими государствами – Италией и Германией. А когда началась Великая Отечественная война, японские правящие круги только и ждали подходящего момента, чтобы напасть на СССР с востока. На вопрос советского посла в Токио К. Е. Сметанина министру иностранных дел Японии Мацуока «Будет ли Япония соблюдать пакт о нейтралитете?», последний ответил: «Основой военной политики Японии является тройственный пакт, и если пакт о нейтралитете будет находиться в противоречии с этой основой, то он не будет иметь силы»².

– Пакт о нейтралитете, — говорил Алексей Романович, — служил для Японии лишь ширмой, за которой велась всесторонняя подготовка для нападения на СССР. Уже в первые дни войны нашего народа против нацистской Германии тайное совещание японских руководителей с участием императора пришло к выводу, что если германо-советская война примет благоприятный для Японии оборот, то она выступит для решения «северных проблем». Принятая тогда же «Программа государственной политики Японской империи в связи с изменением обстановки» была положена японским генеральным штабом в основу его дальнейших антисоветских агрессивных разработок. Этой цели полностью отвечал составленный тогда план подготовки войны против СССР под кодовым называнием «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»). В соответствии с ним численность этой армии была в двухмесячный срок увеличена с 300 тысяч до 600 тысяч, а к августу 1942 года насчитывала около миллиона солдат и офицеров³.

Японская военщина всячески препятствовала нашему морскому судоходству на Дальнем Востоке. Японцы останавливали и подвергали досмотру советские суда в нейтральных водах, многие из них конвоировали в свои порты и задерживали там на длительный срок, их

¹ Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950, стр. 235

² История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945, М., 1965. Т. 5, стр. 523—524.

³ См.: История КПСС, М., 1970 г. Т. 5, кн. 1, стр. 622.

подводные лодки потопили 18 наших судов — «Ангарстрой», «Беларусь», «Обь», «Трансбалт» и др. Общие убытки судоходства СССР за это время составили около 637 миллионов рублей¹.

Советский танкер «Мариуполь», потерпевший аварию в Первом Курильском проливе из-за нарушения японской стороной навигационных условий, не разрешили нам снять с прибрежных рифов у Шумшу. Японцы установили на танкере до 20 орудий и во время Курильской операции вели из них огонь по нашему десанту.

Усилилась напряженность на нашей дальневосточной границе, где японские войска постоянно нарушали сухопутные, морские рубежи и воздушное пространство СССР. Только в Советском Приморье с конца 1941 и до начала 1943 года они совершили более 500 провокаций.

— В этом был двойной смысл их коварных замыслов, — добавляю я.

— Да, — генерал согласно кивает головой, — им очень хотелось удрожить гитлеровцам, и они делали все для того, чтобы мы держали на Дальнем Востоке как можно больше войск. С другой стороны, они отлично понимали, что главные для нас события развертывались тогда на советско-германском фронте, куда мы были вынуждены бросать подкрепления, откуда только могли. Вот они и ожидали, как коршуны, легкой добычи. Помните, как, признаваясь в этом, заместитель военного министра Японии генерал-лейтенант Кёдзи Томинага впоследствии говорил: «Мы предполагали, что СССР выведет свои войска с Дальнего Востока на западный фронт и Япония сумеет без больших потерь захватить Советский Дальний Восток»².

Я, конечно, помнил эти слова, прозвучавшие на Хабаровском судебном процессе по делу руководителей антисоветских белогвардейских организаций, агентов японской разведки атаманов Семенова, Родзивинского и других. На этих подонков и их белогвардейские банды также рассчитывал японский генеральный штаб, составляя свой план «Кантокуэн».

— Выходит, подвели мы японских самураев. Не оправдали их надежд.

¹ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, М., 1980. Т. 11, стр. 170.

² См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. 5, стр. 524.

— Не имели такого намерения, — отвечает Алексей Романович, пряча улыбку в изрядно побелевшие пышные усы. — Не привыкли потакать врагу. Они и на Камчатку зарились, рассчитывая на быстрый успех. Именно с этой целью на Курильских островах было сосредоточено более 80 тысяч японских солдат и офицеров. На одном лишь острове Шумшу, ближайшем к Камчатке, располагались 73-я бригада 91-й пехотной дивизии, 31-й полк ПВО, Курильский крепостной артиллерийский полк, часть сил 11-го танкового полка (60 танков), специальные части и подразделения — всего 8500 человек. В случае необходимости численность этого гарнизона можно было в кратчайший срок довести до 23 тысяч: за счет переброски войск с соседнего Парамушира (там дислоцировалась 74-я бригада этой же 91-й дивизии, 18-й и 19-й мортирные дивизионы и подразделение 11-го танкового полка (17 танков). На острове Матуа находился 41-й отдельный пехотный полк, на Урупе — 129-я отдельная пехотная бригада, на островах Итуруп и Кунашир — части 89-й пехотной дивизии. Девять аэродромов, шесть из которых находились на Шумшу и Парамушире, могли принять до 600 самолетов. На этих же островах находились и две военно-морские базы — Катаока и Касивабара¹.

Шумшу и Парамушир с их военно-морскими базами, расположенными друг против друга по обеим сторонам. Второго Курильского пролива, шириной до 2—5 километров, составили, по существу, единую ключевую позицию японских войск на севере Курильской гряды. Отсюда они намеревались нанести сокрушительный удар по Камчатке и другим северо-восточным районам СССР, и поэтому на протяжении многих лет укрепляли эти острова как мощный плацдарм своей агрессии. Одновременно они тщательно совершенствовали их противодесантную оборону. Руками китайских и других военнопленных здесь была создана — по всей линии побережья — густая сеть артиллерийских огневых позиций, дотов и дзотов, противотанковых рвов и эскарпов, окопов и траншей. Японское командование считало эти острова неприступными для любого противника.

Особенно сильно был укреплен остров Шумшу, отделенный от южной оконечности Камчатки — мыса Лопатка — 12-километровой

¹ См.: История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 11., стр. 290.

водной преградой Первого Курильского пролива. Здесь, на пространстве 20 на 13 километров, насчитывалось 34 дота и 24 дзота, несколько мощных опорных пунктов, имелось около 100 орудий различного калибра до 100 мм, более 310 огневых точек тяжелых и легких пулеметов¹. Все они были расположены таким образом, чтобы на берегу и в глубине обороны вести перекрестный огонь, не оставляющий без поражения ни одно из направлений. Военно-морские базы и аэродромы имели мощную противовоздушную оборону. Для самих же японских войск было сооружено несколько рядов траншей полного профиля и многочисленные разветвленные подземные галереи, позволяющие в случае необходимости скрытно отводить войска и пополнять их за счет резервных сил. В подземельях находились жилые помещения, госпитали, узлы связи, электростанции, склады продовольствия и боеприпасов. В ряде случаев их глубина достигала 50 метров, что полностью защищало от мощных артиллерийских снарядов и авиабомб. На острове имелась разветвленная сеть шоссейных и грунтовых дорог общей протяженностью до 120 километров. К сожалению, многие из этих важных сведений мы узнали лишь в процессе боевых действий.

Японское командование чувствовало себя на Курильской гряде в полной безопасности, не принимая в расчет сравнительно небольшие силы Камчатского оборонительного района и Петропавловской военно-морской базы, о которых оно, несомненно, имело общее представление по данным своей разведки. Но жизнь показала, что в определенных условиях решающим фактором является не численное превосходство и не мощность наступательных или оборонительных средств, а морально-, политическое состояние войск, их боевой дух, безграничная преданность Родине и народу, готовность сокрушить врага во что бы то ни стало. Именно это и произошла на Курилах. Противник имел здесь превосходства в силах, находился в более благоприятных условиях боевой обстановки и тем не менее потерпел поражение. Я прошу генерала подробнее рассказать об этом с момента вручения ему шифрованной боевой директивы.

ПОЛУЧЕН БОЕВОЙ ПРИКАЗ

¹ См.: Багров В. Н. Южно-Сахалинская и Курильская операции. (Август 1945 года). М.: Воениздат, 1959, стр. 43.

— События той поры, — сказал Алексей Романович, — помню не только по дням, но и по часам. Решающим условием нашего успеха был разгром Советскими Вооруженными Силами японских войск в Маньчжурии, Северной Корее, на Южном Сахалине.

Курильская десантная операция, являясь составной частью стратегической наступательной операции советских войск по разгрому империалистической Японии к Дальнему Востоку, имела и самостоятельное значение. При этом она в равной мере относилась как к действиям Второго дальневосточного фронта, так и Тихоокеанского флота. Взяв на себя общее руководство Курильской десантной операцией, командование Тихоокеанского флота осуществляло эту свою функцию путем постоянных контактов заместителя командующего операцией командира высадки и командира Петропавловской военно-морской базы (ПВМБ), капитана 1 ранга Д. Г. Пономарева с возглавлявшим Курильскую десантную операцию генерал-майором А. Р. Гнечко, который выполнял прямые директивы и приказы Военного совета Второго Дальневосточного фронта. По их указаниям штабы КОР и ПВМБ в период планирования, подготовки и проведения этой десантной операции осуществляли теснейшее взаимодействие.

Проводимая на отдельном оперативном направлении, без соседей на флангах, в значительном удалении от главных сил фронта и флота Курильская десантная операция потребовала от личного состава сухопутных, военно-морских, воздушных и пограничных войск огромного напряжения всех физических и душевных сил

В боях за освобождение Курильских островов советские десантники продемонстрировали высокую боевую выучку, морально-политическую стойкость, массовый героизм, готовность к самопожертвованию во имя великой цели — освобождения родной земли.

Алексей Романович умолк и задумался, видимо воскрешая в памяти какие-то подробности. А я смотрел на него и думал, что ему тогда было сорок пять лет и он был полон энергии и жаждал свято выполнить свой долг перед партией и народом. За его плечами был уже немалый жизненный путь: трудные годы детства, работа по найму

захарчи и одежду, побег от богатых хозяев, награждавших его подзатыльниками и всячески унижавших его человеческое достоинство, каторжный труд саночника и коногона на шахте Крындеевка в пролетарском Донбассе. Здесь он впервые встретил большевиков-подпольщиков, которые его многому научили. Вместе с ними он после Октябрьской революции вступил в шахтерский красногвардейский, отряд, добровольцем ушел в Красную Армию и до конца гражданской войны отважно сражался в ее рядах: участвовал в, разгроме деникинцев, врангелевцев, освобождал от белогвардейцев и интервентов Азербайджан, Армению, Грузию. Вырос, до командира роты.

Молодого краскома в 1922 году послали учиться в Одесскую военную школу. Он был в числе передовых курсантов, активно участвовал во всех общественных делах. Его приняли в кандидаты, а в 1924 году — в члены партии. Имя А. Р. Гнечко — в числе пяти других курсантов — было занесено на мраморную Доску лучших выпускников. «Там, — писал он впоследствии, вспоминая военную школу, — были заложены основы моего политico-морального воспитания, моих убеждений, моих военных познаний».

Алексей Романович быстро рос как военный работник. На Камчатку прибыл, уже имея высшее академическое образование и опыт командования дивизией и корпусом.

— События тогда, — продолжал свой рассказ Алексей Романович, — развивались стремительно. В ночь на 15 августа главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Васильевский отдал распоряжение командующему Вторым Дальневосточным фронтом генералу армии М. А. Пуркаеву и командующему Тихookeанским флотом адмиралу И. С. Юмашеву подготовить и провести Курильскую десантную операцию. Срок готовности войск к посадке на корабли был дан предельно сжатый — менее двух суток. Непосредственную ее подготовку и осуществление поручили мне, предоставив полную свободу инициативы. И это вполне понятно: командование фронтом и флотом находилось за тысячу с лишним километров, и невозможно было рассчитывать на немедленное согласование и одобрение каждого моего распоряжения и приказа. Заместителем командующего операцией и командиром высадки был

назначен командир Петропавловской военно-морской базы капитан 1 ранга Д. Г. Пономарев. Возглавить десант было поручено командиру 101-й стрелковой дивизии генерал-майору П. И. Дьякову (он же — командир первого эшелона его главных сил).

Эти боевые командиры на протяжении довольно длительного времени готовили вверенные им войска к обороне Камчатки с учетом опыта Великой Отечественной войны. Они обладали прочными знаниями и богатым жизненным опытом, хорошо знали командно-политический и весь личный состав своих боевых единиц, частей и подразделений, местные условия, коварство и силу вероятного противника. Особенно сложным и разбросанным было «хозяйство» генерала П. И. Дьякова: стрелковые и артиллерийские полки, отдельные батальоны и артдивизионы, различные его службы и склады находились на восточном и западном побережьях Камчатского полуострова — там, где должна быть особо прочной противодесантная оборона на случай вражеского нападения.

Не вызывали сомнений высокая боеготовность и политико-моральное состояние войск Камчатского гарнизона. Значительную часть бойцов составляли дальневосточники, сибиряки, уральцы, местные рыбаки и охотники, привычные к любым испытаниям. Многие из них — рядовые бойцы и краснофлотцы — несли воинскую службу по третьему—пятому году в пехоте и по восьмому—десятому — на боевых кораблях, в военно-морских частях и подразделениях. Они отлично знали оружие, тактику боевых действий, могли заменить командиров отделений, а последние — командиров взводов. Ненависть к японским агрессорам и желание поскорее рассчитаться с ними выражались у воинов-дальневосточников и моряков-тихоокеанцев явно и повсеместно.

Боевой приказ ставил перед нами задачу овладеть островами Шумшу и Парамушир, в последующем — островом Онекотан. Замысел операции состоял в том, чтобы внезапной высадкой морского десанта овладеть островом Шумшу и в дальнейшем, используя его как плацдарм, занять острова, расположенные к югу от него. Таким образом, захват Шумшу предопределял успех освобождения всех островов Курильской гряды, простирающейся пологой дугой на 1300 километров от Первого Курильского пролива на юго-запад, в

направлении одного из главных островов Японии — острова Хоккайдо.

Воздушная поддержка десантных войск при их переходе морем, высадке на берег и в сражении на захваченном плацдарме была возложена на 128-ю смешанную авиадивизию (командир — подполковник М. А. Еремин). Летчики этого авиаединения на тактических учениях, боевых стрельбах и бомбометании показывали хорошую слетанность и отличные результаты в поражении воздушных и наземных целей.

В оперативном подчинении этой дивизии находился 2-й отдельный морской бомбардировочный авиационный пограничный полк (2-й ОМБАПП), которым командовал подполковник В. А. Балысников. Как правило, этот полк, с моего согласия, на своих гидросамолетах выполнял задания морского командования.

В 8 часов утра 15 августа 1945 года командующий войсками КОР вместе с оперативной группой своего штаба выехал в расположение Петропавловской военно-морской базы, где и обосновался до завершения всех подготовительных работ к осуществлению Курильской десантной операции. Здесь он встретился с командиром ПВМБ капитаном 1 ранга Д. Г. Пономаревым, командирами 101-й стрелковой и 128-й авиационной дивизий генерал-майором П. И. Дьяковым, подполковником А. А. Ереминым, командиром 60-го морского пограничного отряда полковником Ф. С. Трушиным. После краткого обсуждения обстановки и первоочередных задач он дал предварительные распоряжения на подготовку десантной операции в ограниченный срок. Выполняя их, командиры названных соединений дали соответствующие указания своим штабам и службам по конкретным опросам неотложных работ, и тем самым весь сложный механизм войск Камчатского гарнизона был приведен действие.

Для четкого и всестороннего руководства осуществлением всех намеченных работ была создана единая группа представителей штабов различных соединений во главе с начальником штаба КОР подполковником Р. Б. Вороновым. В нее вошли: начальник штаба 101-й стрелковой дивизии подполковник И. В. Петров, который в первые же часы работы был по болезни заменен начальником оперативного

отделения этого же штаба майором Ф. А. Слабинским¹; начальник штаба Петропавловской военно-морской базы капитан 2 ранга Н. П. Завьялов; начальник штаба 128-й смешанной авиадивизии подполковник А. Ф. Самаркин; начальник штаба 60-го морпогранотряда майор П. Д. Ковтун. Они привлекли к отработке необходимой документации всех основных специалистов своих штабов. Эту группу штабных работников в местном масштабе стали называть объединенным штабом, но этот термин закрепился и вошел даже в специальную литературу.

Таким образом, командующий десантной операцией генерал-майор Гнечко обеспечил интенсивную работу всех звеньев огромной массы людей, причастных к планированию и подготовке операции, а сам занялся главным для себя в то время делом – определением и разработкой основного замысла операции и ее возможных вариантов. Вместе с командирами соединений, их заместителями и начальниками служб он вел одновременно уточнение и согласование главных вопросов предстоящих боевых действий.

– Это позволило мне, – сказал Алексей Романович, – в 11 часов объявить свое решение. В нем были указаны: пункты посадки и порядок сосредоточения там войск и средств; их материально-технического обеспечения; состав эшелонов десанта и их боевые задачи; этапы операции и сроки их выполнения; меры по обороне основных направлений Камчатки от вражеского нападения. Тогда же штаб КОР получил от меня дополнительные задачи на оформление плана десантной операции, указания по обеспечению авиационной разведки в направлении острова Шумшу, а также по организации контроля и помощи войсками.

Исходя из наличных сил и средств, особенно транспортных и высадочных, а также театра предстоящих боевых действий, было решено высадить десант в северо-восточной части острова Шумшу, между мысами Кокутан и Котомари, примыкающими к Первому Курильскому проливу. Это позволяло сосредоточить наши корабли перед высадкой десанта там, где японцы привыкли наблюдать советские транспорты и не раз фиксировали локаторами прохождение

¹ Подполковник Ф. А. Слабинский, как наиболее способный штабист 101-й дивизии, был назначен тогда же начальником штаба командира десанта и первого его эшелона генерал-майора П. И. Дьякова. (Прим. ред.).

грузовых караванов советских судов в их обычных рейсах из Петропавловска во Владивосток и обратно. Кроме того, именно здесь силы десанта могли воспользоваться огневой поддержкой 945-й береговой батареи, расположенной на южной оконечности Камчатки — мысе Лопатка (ею командовал старший лейтенант Семен Иванович Соколюк).

Район расположения этой батареи во время русско-японской войны 1904—1905 гг. входил в зону вторжения японских войск на Камчатский полуостров, когда они, высадив десант в устье реки Озерной, захватили близлежащую деревню Явино с целью дальнейшего продвижения на север — к крупному населенному пункту Усть-Большерецк. Именно поэтому здесь была поставлена наша батарея тяжелых (130 мм) орудий, которая предназначалась для отпора непрошеных гостей, а также для защиты наших судов при прохождении Первым Курильским проливом. Зная повадки японской военщины, которая могла в нарушение нейтралитета нанести внезапный удар по советским морским артиллеристам-береговикам, наше командование своевременно обеспечило надежное прикрытие этой батареи и всей прилегающей к ней юго-западной части побережья Камчатки одним из самых стойких воинских подразделений — 7-м отдельным стрелковым батальоном: Его личный состав жил в землянках, испытывая из-за бездорожья большие трудности в снабжении всем необходимым, вплоть до питьевой воды и топлива, стойко переносил превратности исключительно капризной здесь погоды, особенно в зимнее время. Само несение воинской службы в таких условиях было повседневным проявлением мужества и отваги.

Мы договорились с капитаном 1 ранга Д. Г. Пономаревым, что 945-я береговая батарея, начиная с 15 августа, каждую ночь, под утро, будет обстреливать район нашей предстоящей высадки, чтобы приучить японцев к обычности таких канонад. Одновременно были пополнены боезапасы созданной здесь же заблаговременно 1116-й батареи ПВО флота, зенитчики которой прикрывали от нападения японских воздушных пиратов наших моряков-артиллеристов, воинов 7-го отдельного стрелкового батальона и пограничников заставы «Лопатка». Как показали последующие события, эти меры полностью себя оправдали: японские самолеты ни разу не застали врасплох наших

зенитчиков. Все налеты воздушных пиратов оканчивались безрезультатно.

В целях быстрейшей и детальной разработки плана десантной операции, более четкого выполнения всех организационных мероприятий и координации действий участвующих в ней войск мы создали тогда упомянутый выше объединенный штаб. Это помогло в кратчайший срок спланировать десантную операцию в ряде вариантов с учетом различных обстоятельств, которые могли встретиться в условиях боевых действий. Один из них предусматривал высадку демонстративного десанта в районе бухты Нанагава.

Значительную роль в согласовании при этом различных точек зрения и в выработке общих предложение на операцию сыграл начальник штаба КОР подполковник Р. Б. Воронов.

Мы не имели точных разведданных о силах и боевой технике противника в районе предстоящих боевых действий, расположении и состоянии его противодесантных сооружений, возможностях японского командования в маневрировании резервами, однако общее представление обо всем этом было достаточно определенным: перед нами был сильный и коварный враг. Его повадки я хорошо изучил, будучи командиром одного из дальневосточных корпусов, прикрывавших в районе Гродеково нашу государственную границу от войск японской Квантунской армии. Мне были известны высокие боевые качества японских солдат и офицеров, помноженные на их фанатичную преданность японскому императору, который, как им непрестанно внушали, был якобы сыном богини солнца Аматерасу. Учитывая все это, по моему указанию в основу разработки плана десантной операции закладывалась некоторая переоценка сил и возможностей противника, чтобы не испытать в реальной обстановке горечи недооценки и просчетов, чреватых, как известно, тяжелыми последствиями.

Разработку оперативного плана и конкретных документов на предстоящие боевые действия по своему служебному положению возглавил начальник штаба КОР подполковник Р. Б. Воронов. Это был отлично подготовленный штабист с широким кругозором, обширными знаниями, богатым жизненным и профессиональным опытом.

Рустик Борисович Воронов родился в 1906 году в г. Лаишеве (ныне входит в состав Татарской АССР), в семье служащего. Его отец не смог получить высшего образования: как «политически неблагонадежного», его исключили из Казанского университета. Работая ветеринарным врачом, он подорвал здоровье в дальних выездах в суровую зимнюю непогоду и в 1918 году умер от скоротечной чахотки. Мать—воспитанница приюта—была телефонисткой. Нужда и тяжелые условия существования не позволили ей дать единственному сыну хотя бы среднее образование, поэтому юный Рустик вступил в сознательную жизнь, закончив лишь начальную школу. Настойчивость и упорство помогли ему, уже в советское время, значительно повысить свою общеобразовательную подготовку, стать активным борцом за новую жизнь. Решающим стал для него 1923 год, когда он 17-летним пареньком добровольно вступил в Красную Армию, стал курсантом объединенной татаро-башкирской военной школы.

С тех пор Р. Б. Воронов получил в рядах РККА серьезную идеино-политическую закалку, стал комсомольцем, а затем кандидатом и членом партии, прошел многие ступени служебного совершенствования: командир взвода, роты, начальник полковой школы, командир батальона, начальник штаба отдельной стрелковой бригады, командир полка. Свое назначение на Дальний Восток он воспринял как знак высокого доверия, и именно здесь полностью раскрылись его штабные и командирские способности. В 1936 году батальон, которым он командовал, занял первое место в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. После этого он был выдвинут на работу в штаб этой армии и вскоре возглавил в нем отдел боевой подготовки.

С начала 1942 года Рустик Борисович – начальник штаба 59-й стрелковой дивизии, с 1944 – начальник штаба 26-го стрелкового корпуса Дальневосточного фронта, которым мне довелось тогда командовать. Он показал себя не только зрелым и отлично подготовленным штабным работником, но и умелым воспитателем молодежи, настойчивым организатором глубокого изучения его подчиненными и всем личным составом корпуса боевого опыта Великой Отечественной войны. Учитывая это, я, будучи командующим

войсками Камчатского оборонительного района, с разрешения Военного совета фронта, поручил Р. Б. Воронову возглавить и укомплектовать надежными работниками штаб КОР. И могу с уверенностью сказать, что это был лучший выбор: на всех этапах боевой подготовки войск, а также в ходе планирования и осуществления Курильской десантной операции штаб был верным моим помощником, надежным и гибким органом управления войсками. Забегая вперед, скажу, что именно этому талантливому, инициативному и любящему свой труд и своих подчиненных старшему офицеру я сразу же после освобождения Курильских островов доверил возглавить 101-ю стрелковую дивизию, командир которой генерал-майор П. И. Дьяков выехал в центр для учебы на высших академических курсах.

В дальнейшем Р. Б. Воронов окончил курсы усовершенствования командного состава при Военной академии им. М. В. Фрунзе и по личной просьбе Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, командовавшего тогда Уральским военным округом, был направлен в его распоряжение. В сентябре 1952 года Р. Б. Воронов умер. Он прожил немногим более 46 лет.

Большую помощь подполковнику Р. Б. Воронову в планировании и разработке деталей плана Курильской десантной операции, составлении оперативных документов, а также в организации непрерывного взаимодействия моряков и пехотинцев в боевой обстановке оказал тогда участник Великой Отечественной войны, начальник штаба 3-го отдельного дивизиона подводных лодок Тихоокеанского флота, капитан 3 ранга В. С. Денисов. Учитывая его академическое образование и боевой опыт, я с согласия флотского командования назначил его своим консультантом по военно-морским вопросам, и он отлично справился с весьма сложными задачами.

Другим активным помощником Р. Б. Воронова был опытный специалист по отработке плановой и штабной документации — заместитель начальника оперативного отдела штаба КОР майор Л. Г. Радужиков. В одном из вариантов высадки ему поручалось возглавить высадку демонстративного десанта в бухте Нанагава, но в дальнейшем по ряду причин от этого пришлось отказаться. Порученные ему войска вошли в состав первого эшелона десантных сил, а Л. Г. Радужиков

вернулся к исполнению своих непосредственных обязанностей. И поскольку должность начальника оперативного отдела штаба была в то время вакантной, ему пришлось нести двойную нагрузку, но он и в этих условиях оказался достойным исполнителем порученного дела.

Объединенный штаб в тесном контакте со штабами 101-й стрелковой дивизии, ПВМБ, 128-й смешанной авиадивизии и Камчатского морпогранотряда в короткий срок подготовил тщательно отработанные оперативные документы: боевой приказ, плановые таблицы взаимодействия, графики и расчеты на все случаи предварительных и боевых действий, ордер по переходу морем, диспозицию кораблей и судов в районе высадки десантных войск и др. Они были своевременно доведены до исполнителей и стали отправными документами для дальнейшей отработки всей сложной документации и расчетов в нижестоящих штабах частей и подразделений, морских формирований и боевых кораблей.

Подполковник Ф. А. Слабинский вместе с капитаном 2 ранга Н. П. Завьяловым организовали четкое взаимодействие пехоты и военно-морских сил во всех видах подготовительных работ. Это гарантировало общую слаженность в работе пехотинцев и моряков, летчиков и пограничников. Все делалось огромным энтузиазмом. Никто не ждал дополнительных указаний, распоряжений. Это позволило в считанные часы завершить формирование сил десанта, подготовить расчеты по их размещению па корабли и суда, определить места и график посадки, порядок перехода морем и меры обеспечения противовоздушной, противолодочной и противоминной обороны морского каравана, время, сроки и участки высадки передового отряда, первого и второго эшелонов главных сил, порядок и сигналы их взаимодействия с артиллерией кораблей, 945-й батареей береговой обороны на мысе Лопатка и нашей авиацией. Был также четко определен порядок обеспечения войск боеприпасами, материально-техническими средствами, продовольствием.

После завершения всех работ по планированию десантной операции капитан 2 ранга Н. П. Завьялов был оставлен на месте для текущих дел и оказания помощи морским силам, участвовавшим в операции, а штаб командира высадки возглавил его способный помощник — начальник оперативного отделения штаба ПВМБ

капитан-лейтенант П. Н. Саватеев. Он успешно справился с возложенными на него обязанностями.

Общее руководство партийно-политической работой среди войск, принимавших участие в Курильской десантной операции, осуществлял политотдел КОР и его начальник полковник В. В. Володко. Вместе с ним активными организаторами политико-воспитательной и культурно-массовой работы в своих соединениях и частях были начальники политотделов: 101-й стрелковой дивизии полковник М. А. Алентьев, Петропавловской военно-морской базы – полковник П. И. Смирнов, 128-й смешанной авиадивизии – подполковник К. Е. Коваль, ордена Ленина 60-го морпогранотряда – подполковник С. М. Лебедев. Большую работу в этом направлении провели также помощники начальников политотделов по комсомольской работе: КОР, 101-й стрелковой дивизии, ПВМБ, 128-й авиадивизии и 60-го морпогранотряда, соответственно — капитан И. В. Синицын, старший лейтенант В. П. Тараков, лейтенант В. В. Стрельцов, старшие лейтенанты Н. М. Инякин и М. Я. Егоров. Они постоянно были в частях и подразделениях, мобилизовывали и инструктировали комсомольский актив, рядовых комсомольцев, внесоюзную молодежь, которые составляли самую многочисленную часть участников десанта.

Дивизионная газета «Верный сын Родины» (редактор – майор В. П. Наумов), краснофлотская газета ПВМБ «За Родину» (редактор – майор Н. М. Лихобабин), многотиражки: 128-й авиадивизии – «Воздушный часовой» (редактор – старший лейтенант С. П. Шишкин) и 60-го морпогранотряда — «Пограничник Камчатки» (редактор — старший лейтенант В. С. Кирильченко) публиковали в те дни специально подобранные материалы из опыта боевых действий десантников в войне против гитлеровских захватчиков, об агрессивных замыслах и действиях Японии против СССР. В областной газете «Камчатская правда» (редактор Н. И. Болдырев) также печатались различные материалы о повышении политической бдительности, совершенствовании массовой оборонной работы; они призывали трудящихся к самоверженному труду во имя укрепления оборонного и экономического могущества Родины. Поясним, однако, что вся политическая информация о полной боевой годности наших войск к защите родной земли подавалась в самой общей форме. В ней не было

даже малейшего намека на то, что эти войска намечается перебросить в район, где уже ведутся боевые действия против японских войск на Дальнем Востоке или куда-либо еще.

А. Р. Гнечко был членом бюро Камчатского обкома партии, и он вместе с Д. Г. Пономаревым немедленно дожили о полученном боевом приказе первому секретарю обкома И. Ф. Петрову. На состоявшемся заседании бюро были рассмотрены конкретные просьбы военных к местным организациям по оказанию помощи войскам. Все их предложения были приняты. Решением бюро второй секретарь обкома партии П. Ф. Елисеев, в прошлом моряк Черноморского флота, был назначен представителем обкома при командовании десантных войск. Конкретные поручения по удовлетворению нужд войск были даны тогда председателю Камчатского облисполкома Н. И. Павлову.

Прежде всего по просьбе военных государственными органами был интернирован японский консул в Петропавловске-Камчатском и опечатана его радиостанция. При этом у него изъяли карты и схемы, на которых были обозначены наши важнейшие предприятия и военные объекты. Это явилось еще одним подтверждением агрессивных замыслов империалистической Японии против СССР, и, как стало известно позднее, японское командование ожидало определенных сообщений от своего человека в нашем тылу.

Одновременно было усилено наблюдение за морем и воздухом, введена светомаскировка в ночное время, запрещены радиопереговоры, выходы из Авачинской бухты гражданских транспортных и рыболовных судов. Одним из проявлений общей бдительности было усиление самим населением охраны важнейших предприятий, государственных учреждений, складских помещений и т. п.

Военным командованием за пределы минных полей подходах с океана к воротам Авачинской бухты была послана для наблюдения и разведки подводная лодка “Щ-105” (командир – капитан 3 ранга Е. И. Зоткин). Несколько позднее с такой же целью в район предстоящей высадки – в Первый Курильский пролив – была направлена подводная лодка типа «Ленинец» – «Л-8» (командир – капитан 3 ранга В. В. Судейко). Возглавить разведку и возможные боевые действия «Л-8» бы поручено опытному подводнику – капитану

3 ранга И. И. Гаркуше. В дальнейшем он получил приказ перейти в Четвертый пролив и в случае необходимости воспрепятствовать отходу японских судов с севера на юг а также переброске войск противника с юга на север. За успешное выполнение боевых заданий наиболее отличившиеся члены экипажей подводных лодок «Щ-105» «Л-8» были награждены орденами и медалями. Высоких правительственные награды были удостоены и их командиры: И. И. Гаркуша и В. В. Судейко — орденов Отечественной войны I степени, Е. И. Зоткин — ордена Отечественной войны II степени.

Под руководством Петропавловского горкома партии развернулась огромная работа по выполнению указаний бюро обкома ВКП(б). Ввиду недостатка на военно-морской базе транспортных средств для доставки десантных войск в район боевых действий началась срочная, круглосуточная разгрузка находящихся в порту пароходов. На судоремонтной верфи специально созданные бригады ускоренно вели профилактический ремонт боевых кораблей, выполняли экстренный заказ летчиков по усовершенствованию бомбодержателей, сооружали крупногабаритные каркасы для оборудования дополнительных причалов. Одновременно в Петропавловске и на ближайших рыбокомбинатах и в рыболовецких колхозах снаряжались самоходные баржи, катера и другие мелкие плавсредства для нужд десанта.

С целью быстрейшего сосредоточения в местах посадки на корабли и суда личного состава частей и подразделений, которые по боевой тревоге были подняты с занимаемых ими участков противодесантной обороны на побережье, воины-пехотинцы двигались в Петропавловск форсированным маршем с полной боевой выкладкой. Не хватало лошадей, повозок, транспорта. Все дороги, ведущие к городу, были забиты войсками. Казалось, что все тут перемешалось: пехота, артиллерия, минометчики, саперы, пограничники, но на самом деле соблюдался строгий порядок, и каждая часть, каждое подразделение двигались по твердо указанным маршрутам, в определенные места назначения — к тем причалам, где их уже ждали корабли, десантные суда, грузовые транспорты. В помощь войскам в переброске личного состава и воинского имущества были

мобилизованы почти все грузовые автомашины и значительная часть легковых автомобилей.

В это же время работники Петропавловского горисполкома, органов здравоохранения и народного образования города и области в короткий срок оборудовали под госпитали ряд школ и других помещений, укомплектовали их опытными врачами и средним медицинским персоналом, привлекли к дежурствам в них молодежь, главным образом девушек, прошедших подготовку в кружках «Готов к санитарной обороне». Женщины города по собственной инициативе изыскивали для обеспечения раненых белье, одеяла и подушки. Общими усилиями военных медиков и местных гражданских организаций под плавучий госпиталь было оборудовано транспортное судно «Менжинский».

Командование КОР, 101-й стрелковой дивизии и ПВМБ особенно тщательно готовили передовой отряд десанта («первый бросок», «группа захвата»). Его командиром был назначен один из лучших офицеров Камчатского гарнизона – член партии с 1931 года, заместитель командира 138-го стрелкового полка майор П. И. Шутов (ранее – начальник штаба 302-го отдельного стрелкового полка, помощник начальника штаба дивизии). Его заместителем по политической части был назначен старший инструктор политотдела дивизии старший лейтенант В. А. Кот (четыре его брата сражались па Западном фронте, и двое из них погибли в боях против гитлеровцев). Возглавить штаб передового отряда было поручено старшему лейтенанту Т. Б. Дайну, который за время воинской службы на Камчатке вырос от рядового бойца до командира взвода, роты, штабного работника.

В состав передового отряда были включены: сводный батальон морской пехоты (без одной роты), пулеметная и минометная роты 302-го отдельного стрелкового полка, роты автоматчиков и противотанковых ружей (ПТР) 138-го стрелкового полка, 2-я рота 119-го отдельного саперного батальона, сводная рота пограничников 60-го Камчатского морпогранотряда, взвод химразведки 38-й отдельной роты химической защиты, взвод пеших разведчиков 302-го полка. Всего в передовом отряде было 1363 человека.

Надежными боевыми соратниками пехотинцев передового отряда стали моряки-добровольцы с боевых кораблей, батарей береговой обороны, из 74-го аварийно-спасательного отряда ЭПРОНа¹ и тыловых частей и служб Петропавловской военно-морской базы. Возглавил батальон моряков оператор по береговой обороне ПВМБ майор Т. А. Почтарев – участник героической обороны Ленинграда, награжденный орденом Отечественной войны II степени. Его заместителем по политической части стал старший инструктор политотдела военно-морской базы майор А. П. Перм, начальником штаба батальона – командир одной из береговых батарей старший лейтенант Г. А. Мотосов. Из 783 матросов, сержантов, старшин и офицеров, отобранных ими в состав батальона, коммунистов насчитывалось 320 и комсомольцев – 172.

Сводная рота пограничников была сформирована в основном из офицеров штаба и бойцов оперативного резерва морпогранотряда. Одновременно в ее состав были включены офицеры и бойцы различных погранкомендатур и застав: лейтенант В. Е. Зимовец (погранкомендатура «Тиличики»), лейтенант А. Г. Вилуга (погранзастава «Медный»), лейтенант П. С. Трухачев (погранкомендатура «Усть-Камчатск»), капитан А. М. Косолапков (погранкомендатура «Провидение»), старшина С.Е. Олейник, младший сержант В. П. Еремин, ефрейтор В. С. Колмогоров и красноармеец Калтан Кудайбергенов (погранзастава «Лопатка»). Командиром роты был назначен капитан Ф. В. Кожевников, но он еще до высадки десанта был перемещен на другую должность, а роту возглавил и командовал ею до завершения десантной операции капитан Н. И. Лашманов. Его заместителем по политической части был назначен старший инструктор политотдела отряда капитан А. А. Бугров. Парторгом роты стал капитан А. М. Косолапков, комсоргом — сержант, командир стрелкового отделения Н. М. Голошумов.

Боевая задача передового отряда состояла в том, чтобы высадиться в 23 часа 17 августа в северо-восточной части острова Шумшу — между мысами Кокутан и Котомари, овладеть прибрежной

¹ ЭПРОН – экспедиция подводных работ особого назначения. Занималась в основном подъемом затонувших и потопленных кораблей.

полосой, продвинуться, насколько удастся, в глубь ее и тем самым создать плацдарм для высадки главных сил десантных войск.

В состав первого эшелона главных сил были включены 138-й стрелковый полк, первый дивизион 428-го гаубичного артполка, второй дивизион 279-го артиллерийского полка, 169-й истребительно-противотанковый дивизион, рота противотанковых ружей. Как уже сказано, возглавить этот эшелон было поручено командиру 1-й стрелковой дивизии и всего десанта генерал-майору П. И. Дьякову с задачей: высадиться вслед за передовым отрядом на захваченный им плацдарм и организовать слева от него наступление в направлении японской военно-морской базы Катаока.

Второй эшелон десанта включал в себя 373-й стрелковый полк, роту морской пехоты, 279-й артиллерийский полк (без одного дивизиона). Его возглавил заместитель командира 101-й дивизии полковник П. А. Артюшин. Не располагая собственным органом управления войсками, он привлек к планированию и руководству боевыми действиями штаб 373-го стрелкового полка (начальник штаба – майор Г. Ф. Бочкирев). Руководствуясь планом операции, П. А. Артюшин создал свою группу захвата второго эшелона главных сил десанта во главе с заместителем командира 373-го полка майором И. Г. Борисовым. Дальнейшие события подтвердили правильность этих решений.

К участию в десанте привлекались боевые корабли и суда, а также гражданские транспортные суда различного назначения. Они были сведены в четыре отряда: транспортов и высадочных средств в составе плавбазы «Север», гидрографических судов «Лебедь» и «Полярный», 14 транспортов, 16 десантных судов¹, двух самоходных барж и четырех катеров (командир отряда – капитан 2 ранга Г. В. Богородский); охранения — 8 сторожевых катеров (командир – капитан 3 ранга И. М. Скиба); траления — 4 тральщика (командир – капитан-лейтенант П. П. Олейник); артиллерийской поддержки — сторожевые корабли

¹ Каждое из этих десантных судов имело свой порядковый оперативный номер и, кроме того, трехзначный бортовой, который не фиксировался в штабной документации: ДС-1 (672), ДС-8 (521), ДС-49 (646) и т. п. В печати нередко указывались разрозненно те или иные номера, что затрудняло выяснение их командно-политического и всего личного состава, боевых действий их экипажей и установление личностей наиболее отличившихся в боях краснофлотцев, старшин и офицеров. Во избежание этого в дальнейшем изложении эти номера будут даваться в едином написании по каждому упоминаемому кораблю – (Это пояснение было дано А. Р. Гнечко в процессе беседы с ним.)

«Дзержинский» и «Киров», а также минный заградитель «Охотск», которые располагали в общей сложности одиннадцатью орудиями калибром 76–130 мм (командир — капитан 3 ранга И. Д. Сизов).

Действия войск, прибывающих в район сосредоточения для посадки на корабли и суда, были рассчитаны буквально по часам и минутам. Сейчас даже трудно представить, с каким порывом и напряжением работали командиры и начальники, штабные работники, политаппарат, сержанты и старшины, весь личный состав частей, кораблей, подразделений и служб! С такой же полной самоотдачей трудились коллективы петропавловских предприятий и учреждений. Город был похож на разбуженный муравейник: непрерывными потоками шли в пункты посадки автомашины и тягачи с войсками, боевой техникой, различным воинским снаряжением и другими грузами; вереницами двигались пешие подразделения, конные повозки.

Камчатский обком партии был в курсе огромной и многогранной работы по подготовке десантной операции, незамедлительно влиял на решение всех возникавших вопросов. 15—16 августа ответственные работники обкома и облисполкома днем и ночью были на своих местах или там, куда их направляли для помощи и контроля, постоянно информировали руководство о состоянии дел. За это время состоялось три заседания бюро обкома совместно с президиумом облисполкома и представителями горкома партии, военного командования, основных хозяйственных органов и промышленных предприятий. По существу, Камчатский обком ВКП(б) являлся тогда вторым военно-политическим органом по обеспечению подготовки десантных войск к успешному выполнению поставленной перед ними задачи — освобождения Курильских островов.

В установленный срок вся подготовка к операции войсками была завершена. Однако гражданские суда, выделенные для перевозки десанта, все еще разгружались, хотя напряжение в труде не ослабевало ни на минуту — настолько велик был объем работы! Учитывая это, А. Р. Гнечко и Д. Г. Пономарев доложили Военным советам фронта и флота о действительном положении дел и попросили перенести срок выхода десанта с рас четом начала высадки передового отряда в 23 часа 17 августа, а первого эшелона главных сил — в 2 часа 18 августа. Согласие на это было получено.

Когда в значительной мере разгруженные транспорты были поставлены к причалам для приема на борт десантников, пришли в движение массы бойцов и офицеров, скопившиеся в пунктах посадки: начался важный этап операции — размещение на кораблях и судах личного состава десантных войск, оружия, боеприпасов боевой техники, материально-технического и продовольственного обеспечения. Занимали отведенные им места пехотинцы, моряки, артиллеристы, пограничники, бойцы гражданского отряда особого назначения, грузчики Петропавловского порта, добровольно изъявившие желание помогать войскам в боевой обстановке. К сожалению в спешке и при некоторых нарушениях графика посадки отдельным подразделениям не всегда удавалось разместить боевое имущество так, чтобы все, что надо, было под рукой, а не оказалось под грузами, которые понадобятся позднее. Это в дальнейшем осложнило высадку десанта, а в ряде случаев из-за медлительности высадки под огнем привело к неоправданным потерям.

В связи с тем, что число пирсов было ограниченным приходилось с одного и того же причала вести посадку на несколько кораблей и судов. Для этого устанавливались очередность и точные сроки завершения погрузки по каждому из них. Приняв людей и необходимые грузы, судно отходило на рейд, а на его место швартовалось другое. Это требовало особой четкости и слаженности в работе судовых экипажей, портовых рабочих и самих десантников. Однако особых задержек не было, график выдерживался.

На территории порта, судоверфи и в других места посадки на корабли и суда скопилась масса горожан — трудящихся городских предприятий и учреждений, молодежи, членов семей офицеров и рабочих порта, отправляющихся в неведомый путь. На берегу никто точно не знал, куда последуют войска: доподлинно было известно лишь то, что отправляется подкрепление на фронт (в это время наши войска громили японских захватчиков в Маньчжурии, Корее и на Южном Сахалине). Истинный маршрут и цели десанта во всех подробностях было намечено обстоятельно разъяснить личному составу рейсе к месту высадки. Расставание было теплым и трогательным.

В 20 часов 16 августа все корабли и суда — 64 вымпела — сосредоточились на рейде в полной готовности к 350-километровому морскому переходу. В их ходовых рубках появились военные и гражданские лоцманы, хорошо знающие маршрут, и вместе с командирами и штурманами начали прокладку на картах курса кораблей. А тем временем командиры и политработники десантных войск, обеспечив питание и отдых личного состава, развернули большую партийно-политическую работу в подразделениях.

— Это не совсем точно, — вежливо перебил я генерала. — В частях и подразделениях 101-й стрелковой дивизии — самого крупного по численности соединения десантных войск — политическое обеспечение началось еще в то время, когда мы по тревоге снимались с боевых участков и походным маршем следовали к местам сосредоточения, а также на привалах и при ожидании своей очереди к посадке на корабли и суда. Партийно-политическим влиянием надо было охватить тысячи бойцов и офицеров, и в эту работу были вовлечены все коммунисты — от рядовых воинов до командиров всех рангов. Особенно напряженно работали тогда с людьми замполиты, парторги и комсорги полков, батальонов и дивизионов, рот и батарей. Постоянную помощь им оказывали работники политотдела соединения и прежде всего начподив полковник М. А. Алентьев и его помощник по комсомольской работе старший лейтенант В. П. Тарасов. Они показывали личный пример высокой активности и неутомимости, воодушевляя большевистским словом и оптимизмом красноармейскую массу. Так же напряженно работали и флотские политработники.

Под руководством политорганов КОР, 101-й стрелковой дивизии и ПВМБ была проведена тогда большая работа по уточнению расстановки сил коммунистов в подразделениях. Особое внимание уделялось укреплению состава парторгов и комсоргов в ротах, батареях, взводах, боевых частях кораблей. Кого нужно было заменить — заменили, где недоставало — назначили. Подобрали надежный резерв парторгов и комсоргов на случай потерь в бою.

В нашем распоряжении оставалось совсем немного времени, чтобы обстоятельно разъяснить личному составу боевые задачи, международную и внутреннюю обстановку, поговорить по душам с воинами, помочь многим из них, изъявившим желание вступить перед

боем в ряды партии и комсомола, в получении рекомендаций, заполнении анкет. Надо было провести большую работу по мобилизации воинов на выполнение боевого приказа. Во всех подразделениях, на кораблях и судах царило боевое настроение, высказывалось давно выношенное желание как можно скорее рассчитаться с японскими милитаристами за все их провокации и злодеяния.

— Я знал об этих настроениях, — ответил генерал, и был уверен, что все участники десантной операции с честью выполнят приказ Родины. Но больше всего меня беспокоил захват плацдарма передовым отрядом — от этого зависел весь наш успех. Решил вновь встретиться с майором П. И. Шутовым и познакомить его с последними данными нашей разведки. Вскоре он прибыл на тральщик «ТЩ-334», где находился мой командный пункт, и мы еще раз обсудили, как следует действовать в различных обстоятельствах, которые могут сложиться во время высадки, в бою за плацдарм. Шутов доложил о том, что побывал во всех подразделениях передового отряда — там еще до этого большую работу провели работники политотдела дивизии — о высоком морально-политическом состоянии десантников. «Когда в роте автоматчиков, — сообщил он, — было объявлено: кто согласен добровольно идти в бой в передовом отряде прошу сделать шаг вперед, — этот шаг сделала вся рота. Я горжусь такими воинами и сделаю все возможное, чтобы оправдать доверие партии и народа».

Встреча еще более убедила командующего в том, что майор П. И. Шутов именно тот офицер, кому следовало поручить выполнение столь сложной и ответственной боевой задачи.

В 5 часов утра 17 августа наши корабли и суда снялись с якоря и вышли из Авачинской бухты в Тихий океан: сначала двинулись в рейс корабли и десантные суда с передовым отрядом майора П. И. Шутова, а через час после этого — весь остальной караван. Как и предусматривалось походным ордером, впереди, обеспечивая безопасность пути и в готовности к встречному бою, шли тральщики «Веха» и «ТЩ-525», сторожевой корабль «Киров» и минный заградитель «Охотск». За ними в кильватерном строю следовали десантные суда и транспорты с войсками передового отряда и первого эшелона главных сил десанта. Далее, во главе другой группы судов и

транспортов, шел сторожевой корабль «Дзержинский». На них были размещены войска второго эшелона десантных сил. Замыкали колонну пароход «Менжинский» (плавучий госпиталь) и катера-тральщики № 151 и 154. В центре каравана находился «ТЩ-334». На борту каравана кораблей и судов находились 8824 человека, 95 орудий, 123 миномета, 120 тяжелых и 372 легких пулемета, запасы всего необходимого для успешных боевых действий. В дальнейшем нам пришлось ввести в дело и наши резервы. Вместе с ними общая численность принимавших участие в операции войск составляла около десяти тысяч человек, и поэтому мы с полным основанием называем Курильский десант десятитысячным.

Среди личного состава десантных войск имелись представители почти тридцати национальностей братской семьи народов СССР. Это была надежная, несокрушимая сила, единая в своем стремлении победить врага. Выстроившись в кильватерную колонну, наши корабли и люди шли навстречу опасности, суровым испытаниям, навстречу бессмертной славе.

БОЙ ЗА ВЫСАДКУ ДЕСАНТА

Продолжая начатый рассказ, генерал А. Р. Гнечко отметил, что важной частью Курильской десантной операции был переход морем кораблей и судов с войсками от Петропавловска до места их сосредоточения в Первом Курильском проливе. Этот рейс, сказал он, знаменателен не только тем, что в пути командно-политическим составом была проведена огромная организаторская и партийно-политическая работа среди десантников, но и тем, что враг не сумел обнаружить нашу армаду и осуществить нападение на нее на дальних или близких подступах к острову Шумшу. Возможностями для этого, и притом немалыми, противник располагал.

Чтобы обеспечить скрытность перехода такого большого морского каравана в составе 64 вымпелов, внезапно подвести его в заданный квадрат, командующий операцией и командир высадки приняли действенные меры. Всем корабельным и судовым радиостанциям было запрещено выходить в эфир, они вели лишь прием. В ночное время соблюдалась полная светомаскировка. Для

ориентирования и предотвращения столкновения кораблей включались только кильватерные огни, но и они бы ли притемнены синими колпаками. У корабельных боевых башен и зенитных установок, а также у полевых орудий, находящихся на палубе транспортов, дежурили огневые расчеты.

Днем и ночью велось постоянное наблюдение за морем и воздухом, строго соблюдались все меры противолодочной, противоминной и противовоздушной обороны у радиолокаторов и гидроакустических приборов непрерывно несли вахту опытные специалисты. Пограничные катера отряда охранения курсировали вблизи каравана следя вместе с ним к намеченной цели, а с наступлением темноты на дозорной службе со стороны океана их дополняли два торпедных катера, которые до этого шли на буксире сторожевого корабля «Киров» и минного заградителя «Охотск». В дневное время, когда порой рассеивался туман, на охрану каравана вылетали самолеты-истребители 128-й авиадивизии. В этой же зоне проводили воздушную разведку гидросамолеты морской авиации.

Путь перехода морем от Петропавловска до Первого Курильского пролива был немалый – 170 с лишним миль, но погода благоприятствовала нам – океан был сравнительно спокоен (волнение 3—4 балла). Густой туман окутывал корабли и транспорты. Шел моросящий дождь. Видимость не превышала 30—40 метров, а в отдельные периоды времени снижалась до нуля. Это способствовало скрытности, но вместе с тем мешало экипажам кораблей и судовым командам выдерживать график движения, который и без того нарушался: военные и гражданские моряки не имели практики совместных плаваний в таком большом и разнообразном составе и на столь значительное расстояние.

Не обошлось и без происшествий: десантное судно ДС-43 (943) ночью, в тумане столкнулось с катером «Морской охотник», в его трюм хлынула забортная вода. Экипаж быстро заделал пробоину, не нарушая отдыха десантников. Однако скорость хода резко снизилась. Командиру судна было разрешено вернуться в Петропавловск, но на совещании морских и пехотных офицеров по предложению старшего среди них по званию майора Г. С. Крившенко (председатель парткомиссии политотдела ПВМБ) было решено идти вперед. В

дальнейшем моряки ДС-43 (943) под огнем противника обеспечили полную высадку десантников, но сами понесли большие потери. Смертью храбрых погиб их командир старший лейтенант Г. С. Бакин.

Но раз уж мы упомянули это десантное судно, скажу что оно подверглось тогда очень сильному артобстрелу противника, получило ряд пробоин, в том числе и ниже ватерлинии, потеряло управление. Из строя вышли машины, возник пожар. Под тяжестью хлынувшей в пробоины забортной воды корабль стал оседать на грунт. Сильной волной его выбросило на отмель. Однако отважные моряки-тихоокеанцы продолжали борьбу за живучесть корабля. Под огнем противника умело руководил боевыми действиями помощник командира корабля лейтенант Г. В. Шилифост, а спасательными работами — техник-лейтенант Н. И. Брагинский. Вместе с ними личным примером воодушевляли своих боевых товарищей старшины Богомазов, Пономарев, Томазов, краснофлотцы Михаил Исаков, Виктор Покидышев, Михаил Савинов, Александр Сухарев, коменддор Иван Андрошук. Последний, будучи раненным, стрелял по вражеским амбразурам из крупнокалиберного пулемета трассирующими пулями и тем самым указывал цели нашим кораблям артиллерийской поддержки. Но силы были далеко не равными, и нашим героям пришлось покинуть корабль, унося с собою раненых. Там, на берегу, кто смог, влился в строй сражающихся. Всего же из 27 членов боевого экипажа ДС-43 (943) осталось тогда в живых только 8 человек. Все они — живые и погибшие — были представлены к правительенным наградам. Орденом Отечественной войны II степени посмертно был награжден старшина 2 статьи И. С. Андрошук, орденами Отечественной войны I степени — также посмертно — командир корабля старший лейтенант Г. С. Бакин и молодой парторг корабля, рождения 1918 года, командир отделения сигнальщиков, старшина 1 статьи Н. Ф. Пономарев. Но вернемся к событиям той беспокойной и тревожной ночи. Переход морем продолжался своим чередом, но один из тихоходных транспортов командиру высадки пришлось вывести из общей колонны: под охраной катера «МО» он продолжал движение самостоятельно. Однако об этом знали немногие. На кораблях и судах в это время командиры и политработники частей и подразделений вели большую и многогранную работу с личным составом. Проверялось

состояние оружия, обеспеченность каждого воина патронами и гранатами, неприкосновенным запасом питания, табаком, санитарными пакетами, создавались группы взаимной подстраховки во время высадки – к бойцам, неуверенно державшимся на воде, прикреплялись опытные пловцы. Заготавливались специальные тросики и фалы на тот случай, если то или иное десантное судно не сможет подойти вплотную к береговой кромке (натянутые между судном и берегом, они были призваны облегчить выгрузку людей пулеметов, минометов, противотанковых ружей, боеприпасов). К сожалению, в тяжелой боевой обстановке, которая сложилась при высадке десанта, не во всех подразделениях эти мероприятия были осуществлены, не вес подготовленное довелось использовать, и это значительно осложнило действия наших войск.

Особенно широко проводилась в это время партийно-политическая работа по разъяснению основной задачи десанта. Был оглашен приказ: идем освобождать от японских захватчиков исконно русскую землю – Курильские острова. В нем подчеркивалось, что добиться этого и водрузить на островах знамя нашей победы можно было, лишь разгромив сильного, хитрого и коварного врага, а для этого каждый воин должен был действовать смело и самоотверженно, не щадя в бою ни сил, ни самой жизни. Это понимал каждый. К этому же призывало обращение командующего войсками Камчатского оборонительного района – командующего десантной операцией. В нем говорилось:

«Войска Камчатского оборонительного района получили боевой приказ очистить от японских захватчиков исконно русские земли Курильские острова и водрузить на них Знамя Победы.

Все наши силы, умение и упорство отдадим на выполнение боевого приказа! С честью выполним свой долг перед Родиной!

Наша цель ясна и благородна: ускорить наступление всеобщего мира, освободить народы, ставшие жертвой агрессии, от мук и страданий.

Все силы на разгром врага!»¹

В ротах, батареях, на кораблях состоялись открытые партийные и комсомольские собрания с повесткой дня: «О задачах коммунистов

¹ Из личного архива автора.

(комсомольцев) в предстоящих боях»; «Прием в партию (комсомол)». Желающих навсегда связать свою судьбу с партией и комсомолом накануне боевых действий было много. Воины писали как о самом сокровенном: «Предстоит бой с врагом. Прошу принять меня в партию. Доверие оправдаю»; «Хочу идти в бой коммунистом, прошу не отказать»; «Прошу принять в ряды ВЛКСМ. Буду сражаться с врагом, не щадя ни сил, ни жизни». Только в одном батальоне морской пехоты в это время были приняты в партию 18 матросов, старшин и офицеров.

С большим накалом проходили митинги перед боем. На одном из них боцман плавбазы «Север», добровольно вступивший в батальон морской пехоты, коммунист старшина 1 статьи Н. А. Вилков сказал:

«Родина и командование возложили на нас большую, почетную задачу. Мы идем в бой, чтобы добить фашистского зверя на Востоке. У каждого человека есть чувство страха, но каждый в силах побороть его, ибо выше всех человеческих чувств является наш воинский долг, наша любовь к Родине, стремление к боевому успеху. Во имя победы над врагом мы, не задумываясь, отдадим свою жизнь»¹.

Политработники стрелковых частей и кораблей, всех подразделений доводили до каждого воина боевой приказ и обращение командующего войсками КОР ко всем десантникам, знакомили пехотинцев, моряков, артиллеристов, пограничников с ходом боев наших вооруженных сил в Маньчжурии, Северной Корее, на Южном Сахалине, разъясняли сводки Совинформбюро. При этом, естественно, партийно-политическая работа строилась с учетом особенностей и конкретных задач рода и вида войск.

Во многих ротах, батареях, взводах, подразделениях и службах боевых кораблей и десантных судов солдаты и матросы писали письма к родным и близким, в боевом товарищеском кругу присягали на верность партии и народу, хотя до этого дружно подписали общий текст присяги, отпечатанный типографским способом: просто в окружении самых близких друзей-однополчан и сослуживцев, в ряде случаев призывающихся в армию и на флот из одной местности, хотелось сказать о том же самом, но своими словами. Так, в подразделениях пехотинцев передового отряда по просьбе десантников

¹ «Камчатская правда», 9 сентября 1945 года.

текст клятвы составил заместитель командира отряда по политической части старший лейтенант В. А. Кот. В нею говорилось:

«Боевой приказ Родины выполним с честью, очистим от японских захватчиков исконно русские земли – Курильские острова. Водрузим на них знамя победы». Листки с этой клятвой побывали в ротах, взводах, отделениях, их скрепили подписи десятков и сотен бойцов и офицеров.

Командиры и политработники выступали перед солдатами и матросами с разъяснением важнейших политических вопросов, имеющих непосредственное отношение к целям и задачам предстоящих боевых действий. на тральщике «ТЩ-334» перед личным составом с докладом «Военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке и наши задачи» выступил начальник политотдела КОР полковник В. В. Володко. В батальоне морской пехоты обзор «Курильские острова – исконно русские земли» сделал заместитель командира по политической части майор А. П. Перм. Перед воинами 138-го и 3/3-го стрелковых полков с сообщением на эту же тему выступили работники политотдела 101-й дивизии капитаны В. И. Гетманов и А. С. Рожков, в подразделениях 428-го гаубичного артиллерийского полка – секретарь парткомиссии этого же политотдела майор Ф. И. Кузьмин. Постоянно в среде солдат и моряков находились замполиты и парторги полков, батальонов и дивизионов, парторги, комсорги рот и батарей, агитаторы. Они разъясняли личному составу «Памятку десантнику», призывали, своих товарищей к высокой организованности и дисциплине, мужеству и отваге, взаимопомощи и выручке друг друга в боевой обстановке.

Особенно широко и тщательно командиры и политработники доводили до каждого воина только что принятое по радио специальное разъяснение Генерального штаба Советской Армии. В нем подчеркивалось, что сделанное японским императором 14 августа 1945 года сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Ввиду изложенного, говорилось далее, Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем

Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии¹.

— Однако вся эта работа, — подчеркивал Алексей Романович — и даже местоположение и состояние наших десантных войск не были известны в тот момент нашему высшему командованию, так как за все время перехода морем к месту высадки мы не послали в штабы фронта и флота ни одного донесения. Отсутствие радиосвязи вызывало беспокойство фронтового командования, это был, конечно, минус, но зато мы обеспечили внезапность операции и успешно решили поставленную перед нами боевую задачу. А что касается донесений, то в дальнейшем мы посыпали их без каких-либо задержек.

— Очень важно, — заметил я, — восстановить последовательность событий во всей их полноте. В некоторых статьях о Курильском десанте и не поймешь порой, что было раньше, что позже, кто и на каком участке вел боевые действия.

— Это бывает, — ответил, вздохнув, генерал. — Каждый видит события со своей точки зрения. Да и память подводит кое-кого: прошли-то с тех пор не просто годы — десятилетия.

— А тогда, — продолжил он свой рассказ, — прежде всего дала о себе знать наша береговая батарея на мысе Лопатка. В 2 часа 35 минут 18 августа она начала намеченную планом операции артиллерийскую подготовку. Японцы приняли эту канонаду за очередной артналет, подобный тем, что были в предыдущие ночи. Как мы узнали впоследствии, в предвидении этого они заранее отвели свои войска из полосы обстрела. А это как раз и был район намеченной высадки десанта. Стало быть, наша хитрость удалась.

Артподготовка продолжалась 25 минут. В это время десантные суда с передовым отрядом уже сосредоточивались в Первом Курильском проливе. На них проводились последние приготовления к высадке. Десантники уже знали, что из-за отлого дна, песчаных отмелей и из-за перегрузки не все десантные суда смогут подойти близко к берегу, придется добираться до него вплавь с расстояния в 100 и более метров. Но они были готовы ко всему, их вдохновлял боевой порыв.

¹ См.: «Правда», 18 августа 1945 года.

Особо ответственный момент наступил тогда для боевых экипажей десантных судов. Успешно завершив рейс из Петропавловска в район Первого Курильского пролива с подразделениями передового отряда на борту они должны были во что бы то ни стало доставить всех к берегу, обеспечить их высадку в любых условиях. Им, даже свободным от вахты, было не до сна. В ночь перед боем, когда десантники еще отдыхали, они, обеспечивая нормальную работу всех двигателей, механизмов и приборов, внимательно проверяли аварийные средства, вспомогательные и запасные дизели и моторы, работу якорных лебедок, выбросных трапов, противопожарных насосов — всего табельного и разнообразного аварийно спасательного имущества. Об этом заранее распорядился командир 5-го отдельного дивизиона десантных судов (ОДДС) капитан 3 ранга А. М. Верещагин — боевой участник освобождения Болгарии и Румынии. Вместе с командованием передового отряда он находился на флагмане высадки — десантном судне ДС-1 (672).

В 4 часа 20 минут огневой налет с мыса Лопатка повторился. На этот раз он продолжался 14 минут. Десантные суда с подразделениями передового отряда поворотом «все вдруг налево» перестроились из кильватерного строя в строй фронта и на трехкилометровой полосе с интервалом между ними в 600—700 метров, взяли курс к местам высадки. Левой группой командовал начальник штаба отряда старший лейтенант Т. Б. Дайн, правой — командир роты автоматчиков старший лейтенант А. Г. Иноземцев. Командир передового отряда П. И. Шутов и командир батальона моряков майор Т. А. Почтарев, а также их заместители по политической части старший лейтенант В. А. Кот и майор А. П. Перм находились в центре.

Каждая из этих групп действовала самостоятельно по общему плану. Он предусматривал захват плацдарма для высадки главных сил.

После второго артналета наступила томительная тишина — тишина ожидания. В этот момент с разрешения генерала А. Р. Гнечко командир высадки капитан 1 ранга Д. Г. Пономарев передал по радио на десантные суда шифрованный сигнал: «Липа», что означало: «Начать высадку».

Перегруженные десантные суда уже коснулись днищами грунта. Берег зловеще молчит. Но оттуда в любой миг могут грянуть артиллерийские залпы и пулеметные очереди. Воины до предела напряжены. Но вот раздается команда: «Вперед!». Первыми бросаются в воду коммунисты и комсомольцы. Увлекая своим примером других, они плывут к берегу. С оружием наготове бросаются на землю. Короткими перебежками накапливаются в прибрежных кустах, лощинах, оврагах. Вперед устремляются разведчики. Первыми с ДС-1 (672) высадились моряки: командир взвода автоматчиков особого назначения старшина А. П. Белов, комсорг батальона старший сержант Н. П. Панкратов, сержант Г. В. Кулемин, младший сержант И. Г. Гуло, краснофлотец М. Я. Нестеров. Н. П. Панкратов быстрее других преодолел прибрежную кручу и с риском для жизни укрепил наш советский флаг.

Так же отважно действовали на соседних десантных судах пехотинцы и пограничники. В их числе были: командир отделения разведки сводной роты пограничников сержант С. И. Корнюхин и комсорг этой роты сержант Николай Голошумов; командир гражданского истребительного отряда – директор Петропавловской механической мастерской И. А. Каширников, боец разведчик 302-го стрелкового полка А. И. Неведомский, командир роты ПТР 138-го стрелкового полка старший лейтенант Л. И. Дербышев.

Рядовой А. И. Неведомский за храбрость и мужество, проявленные в бою, был награжден тогда двумя медалями «За отвагу», а в дальнейшем — за мирный труд на Ключевском домостроительном комбинате Камчатской области – орденом Ленина.

На флагмане высадки ДС-1 (672), как и на остальных десантных судах, наступал решительный момент. Майор Шутов и старший лейтенант Кот руководят высадкой. В воду бросаются наиболее отважные бойцы. Скрываются в волнах, выныривают, плывут. Кто-то оробел: глубоко! Заминка. Василий Кот дотрагивается до плеча командира:

– До встречи на берегу, товарищ майор. Я поплыну с солдатами.
– Обращаясь к десантникам, крикнул: — За мной, товарищи, смелее! – и прыгнул в воду.

За ним устремились бойцы, сержанты, офицеры.

Накопившиеся на берегу подразделения передового отряда, получив сообщения разведчиков о том, что впереди на расстоянии до километра японцы не обнаружены, организованно бросаются вперед и без единого выстрела занимают прибрежные укрепления противника – две траншеи полного профиля.

Таким образом, японское командование прозевало начало высадки нашего десанта. Находившиеся в казармах и подземных убежищах японцы еще не спали. И кто-то, почувствовав неладное, открыл стрельбу. Но что случилось, никто из японцев не знал. А тем временем силы наших десантников накапливались. Рядом с автоматчиками появились пулеметные и минометные расчеты, бронебойщики с противотанковыми ружьями, саперы-подрывники. Примерно за час стрелковые подразделения и моряки передового отряда продвинулись в глубь острова до двух километров. Вместе с ними ушли вперед и корректировочные посты с кораблей артиллерийской поддержки и корректировщики 128-й авиационной дивизии. Однако все их рации, за исключением одной, были подмочены и бездействовали.

Учитывая, что необорудованный район высадки не имел не только пирсов и причалов, но и самого элементарного гидрографического обеспечения (створные знаки, оградительные буи и проч.), командир высадки капитан 1 ранга Д. Г. Пономарев направил передовым отрядом группы гидрографов во главе с капитан-лейтенантом А. Г. Тарасенко. Одна из них должна была установить световые ориентиры, обозначающие район высадки, другая – обеспечивать корабли артиллерийской поддержки геодезическими данными. Моряки-гидрографы действовали самоотверженно, и, хотя при высадке им не удалось доставить на берег все свои технические средства, они успешно выполнили поставленные перед ними задачи. Отличившийся тогда старшина 2 статьи М. Ф. Бирюлин был награжден орденом Отечественной войны II степени. Правительственные награды получили также лейтенант Грицай, моторист Семен Рем, радиостанционист Николай Гридин и другие.

Высадка передового отряда была близка к завершению, когда на одном из десантных судов кто-то принял беспорядочную стрельбу японцев на берегу за их организованное сопротивление и решил поддержать наших десантников огнем из крупнокалиберного пулемета.

Вслед за этим начали стрельбу по врагу другие десантные суда, а также корабельная артиллерия. Это, разумеется, была ошибка — она демаскировала нас. Еще находившийся в растерянности противник сумел точно определить район высадки и открыл по нашему десанту ураганный огонь из всех видов оружия. Если бы не это, состояние внезапности продлилось бы дольше и наши потери при высадке были бы значительно меньшими.

Обнаружив наши десантные суда, японцы стали освещать их прожекторами и вести по ним прицельный огонь. Майор П. И. Шутов уже собирался покинуть корабль, но в это время его сбило с ног взрывной волной. Осколком оторвало два пальца на руке. Быстро обмотав рану носовым платком, он прыгнул в воду и поплыл к берегу. За ним последовали те, кто еще оставался на борту.

Выбравшись на сушу, П. И. Шутов организовал управление передовым отрядом. Выслушав донесения разведчиков и убедившись, что противник еще не оправился от шока и не знает наших сил, он решил воспользоваться создавшейся обстановкой, приказал всем подразделениям отряда наступать в направлении господствующих высот 165 и 171. На сильно укрепленной промежуточной позиции к их подступам залегли японцы. Они открыли бешеный огонь, но наши десантники, поливая японцев градом пуль и забрасывая гранатами упорно продвигались вперед по всей линии фронта. Руководили боем майоры П. И. Шутов, Т. А. Почтарев А. П. Перм, капитан-пограничник Н. И. Лашманов, старшие лейтенанты В. А. Кот, А. Г. Иноземцев, Г. А. Мотосов. Советские воины сражались яростно, с огромным порывом. Их вдохновляло сознание того, что они уже захватили у врага плацдарм, на который вслед за ними должны высадиться главные силы.

Я спрашиваю Алексея Романовича, как случилось что японское командование не только не обнаружило подхода к Шумшу такого скопления кораблей и судов но и пропустило начало высадки нашего передового отряда десантников.

— Мы и тут перехитрили противника: находясь в Первом Курильском проливе, открыто дали обычный сигнал прохода наших судов через пролив, что делалось постоянно, когда наши суда из Тихого океана входили в Охотское море (к этому японцы давно уже

привыкли). Но главное, конечно, было в том, что их подвела самурайская спесь и недооценка боевых качеств сравнительно немногочисленных сил Камчатского оборонительного района и подчиненных ему в оперативном отношении гарнизонов моряков, летчиков и пограничников.

Как нам стало известно в дальнейшем из опросов военнопленных, японские локаторы зафиксировали движение наших кораблей и судов и об этом было доложено начальнику штаба группы японских войск в северной части Курильской гряды полковнику Тахира, а им – командующему этой группой генерал-лейтенанту Цуцуми Фусаки. Генерал попросил полковника изложить свое мнение по этому поводу, и Тахира уверенно заявил: «Русские неоднократно делали перегоны транспортов во Владивосток». Встретив тревожный взгляд своего старшего начальника, он успокоил его: «Наличие незначительного состава войск в гарнизонах Камчатки, в том числе и в Петропавловске, при малочисленности боевых кораблей и судов, исключает возможность проведения русскими морской десантной операции. Тем более, что русские знают о неприступности нашей обороны на островах»¹.

Фусаки, судя по всему, не стал вдаваться в излишние, по его мнению, подробности, лишь спросил, нет ли каких-либо донесений от японского консула в Петропавловске. Ему ответили, что на все запросы к нему вот уже третьи сутки не поступило ни одного ответа. Но и это не насторожило генерала. Позднее он запишет в своем дневнике, что 18 августа было «самым черным днем» в его жизни. Его можно понять: кроме поражения, грозящего всей его военной карьере, он терял одновременно и солидные доходы как крупный акционер рыбопромышленной фирмы «Ничиро», которая имела на Камчатке и островах ряд концессионных и собственных рыболовных участков и рыбоконсервных заводов.

– Вспоминаю наш разговор с Цуцуми Фусаки при его пленении и подписании им акта о капитуляции, — оживился Алексей Романович. – Он спросил тогда у меня: «Какова была численность вашего передового отряда?». Нарочно увеличив действительную цифру примерно вдвое, я ответил: «Три тысячи». Глаза поверженного самурая

¹ Гнечко А. Р. Навсегда советские острова. «Советский Сахалин», 12 июля 1975 года.

вспыхнули звериной злобой. «Если бы я знал, что так мало, — сказал он, — я сначала перебил бы всех, а потом уже капитулировал». Сколько ненависти и бессильного бешенства было в этих словах! Но, как говорится, после драки кулаками не машут.

Однако прежде чем все это произошло, — заметил генерал, — наша десантная операция приобретала все больший накал. Продолжался упорный и кровопролитный бой за высадку главных сил. Мы несли тяжелые потери, но десантники сражались с беспримерным мужеством и отвагой. Вражеские орудия, минометы и крупнокалиберные пулеметы, расположенные на мысах Кокутан и Котомари, а также установленные на борту полу затопленного нашего танкера «Мариуполь», о трагической судьбе которого уже было сказано, вели кинжалный перекрестный огонь по нашим десантным судам и высаживающимся войскам. Дальнобойные японские пушки обстреливали наши корабли и транспорты на рейде. Прибрежные участки моря и суши стали ареной ожесточенных боевых действий. Командующий операцией отдал распоряжение командиру высадки капитану 1 ранга Д. Г. Пономареву (он держал свой командный пункт на сторожевом корабле «Киров») обеспечить подавление японских батарей, а находившемуся на его КП командиру 128-й авиадивизии подполковнику М. А. Еремину — начать их бомбардировку с воздуха, вызвать для этого по радио наши бомбардировщики, в надежде, что к моменту их подлета и Шумшу туман рассеется.

По приказу Д. Г. Пономарева отряд артиллерийской поддержки открыл сокрушительный огонь по указанным им участкам обстрела. Умело маневрируя, командиры сторожевых кораблей «Киров» — капитан 3 ранга И. Д. Сизов, «Дзержинский» — капитан-лейтенант М. А. Гончаров и минного заградителя «Охотск» — капитан-лейтенант В. К- Моисеенко, каждый в своем секторе, начали обстрел Шумшу. Ввиду отсутствия точных целеуказаний и радиоданных от корректировщиков (ведь их радио, будучи подмоченным, молчали) комендормам пришлось вести малоэффективную стрельбу по площадям. Тем не менее командиры корабельных артиллерийских боевых частей (соответственно — капитан-лейтенант П. В. Солодов, старший лейтенант К. А. Петровичев, капитан-лейтенант П. П. Трофимов) сами — с помощью наблюдателей на мачтах — находили наиболее опасные

участки вражеских позиций и обрушивали на них огневые удары. Их действия умело координировал флагманский артиллерист морских сил десанта капитан лейтенант Д. П. Перепелкин. По его целеуказанию наши комендоры снарядами подожгли японскую казарму и одно из служебных помещений маяка на мысе Кокутан. Возникший там пожар стал дополнительным ориентиром для подходивших в тумане к району высадки наших десантных и транспортных судов.

Особенно эффективным был одновременный перенос огня корабельной артиллерии на вражеские орудия установленные на полу затопленном танкере «Мариуполь». За считанные минуты артиллерийским огнем наших кораблей с ними было покончено. При этом исключительно четко действовал личный состав сторожевого корабля «Дзержинский». Генерал Гнечко передал ему по радио свою благодарность. Отлично вели огонь командиры орудий главного калибра минного заградителя «Охотск» старшины 1 статьи П. Ф. Громов К. Ф. Шабалов, В. К. Куликов. Первые двое были награждены тогда орденами Красного Знамени, третий – орденом Отечественной войны I степени.

Японские летчики-смертники попытались воспользоваться создавшейся тогда для нас тяжелой обстановкой, чтобы нанести удар с воздуха по нашим кораблям и транспортам, маневрировавшим на рейде в Первом Курильском проливе. Один из них, поднявшись в разреженный слой верхового тумана, незаметно появился над сторожевым кораблем «Киров», обстрелял его из пулемета и начал заходить на боевой курс для бомбометания. Однако зенитчики «Кирова» были начеку. Старшина 1 статьи С. И. Бердеев и краснофлотец И. З. Шостак своим зенитным огнем вынудили вражеского стервятника вновь скрыться в тумане. Сброшенные им три бомбы не ползли в цель, и лишь их осколки оставили мелкие пробоины в борту корабля.

Несколько позже семь японских самолетов атаковали наш тральщик «ТЩ-525» (командир — капитан-лейтенант В. Д. Гусев), проводивший разведку обороны противника в районе западного побережья Шумшу на подступах ко Второму Курильскому проливу со стороны Охотского моря. Наши моряки и здесь оказались в полной боевой готовности. Артиллеристы-зенитчики меткими выстрелами

сбили двух самурайских стервятников, а остальные поспешили удаляться. После этого японские летчики осмеливались появляться лишь там, где находились наши невооруженные транспорты и мелкие плавсредства.

Таким образом, противник не смог вывести из строя ни одного нашего корабля, которые продолжали обстрел Шумшу и, прежде всего, японских батарей на мысах Кокутан и Котомари. Однако достигнуть нужного результата не удалось. Расположенные в глубоких подземных убежищах вражеские орудия выкатывались по рельсам к узким щелям-амбразурам и, произведя выстрел, откатывались на прежние места. Мы надеялись покончить с ними с помощью наших бомбардировщиков, но, когда они появились, остров был по-прежнему закрыт верховым туманом и густыми облаками. Но и позднее, когда наши летчики бомбили при хорошей видимости, эти японские батареи, укрытые в глубине скал, продолжали оставаться неуязвимыми.

Первый полет на остров Шумшу наших самолетов 903-го бомбардировочного полка возглавили командир этого полка майор К. Т. Шаповалов и его заместитель по политической части опытный летчик майор А. Ф. Иванов, а сопровождающую их группу истребителей – любимец всего личного состава авиадивизии, разносторонний спортсмен, командир 888-го истребительного полк майор П. В. Снесарь. Когда самолеты, по расчетным данным, достигли острова, под ними было сплошное море облаков, без каких-либо просветов. Однако и в этих условиях наши летчики не растерялись. Ориентируясь по выступающей из облаков едва заметной вершине острова вулкана Алайд (выше 2300 метров), майор К. Т. Шаповалов рассчитал бомбометание по району японских военно-морских баз Катаока и Касивабара, отделенных друг от друга всего лишь двух–пятикилометровой полосой Второго Курильского пролива. По его команде «Делай, как я», в определенной точке сбросили на головы врагов свой смертоносный груз бомбардировщики и истребители (они также были снабжены сравнительно небольшим бомбовым запасом).

В дальнейшем летчики 128-й авиадивизии совершали налеты на острова Шумшу и Парамушир в более благоприятной обстановке. Однако коварные в этой зоне метеорологические условия еще не раз подводили их, но высокие боевые качества наших воздушных асов и

при этом каждый раз проявлялись во всей полноте – они наносили по военным объектам и войскам противника сокрушительные удары. Об этом более полно скажу позднее, а пока отмечу, что огромные скальные толщи в которые была упрятана вражеская артиллерия на мысах Кокутан и Котомари, оказались непробиваемыми для тяжелых фугасных авиабомб. Японские батареи расположенные на мысах, пришлось брать штурмом, они пали перед мужеством и отвагой наших десантников.

Кровопролитный бой за высадку продолжался несколько часов и был оплачен нами большими потерями. Но вместе с тем он явился ярким свидетельством массового героизма советских воинов – солдат и матросов, сержантов и старшин, командиров и политработников Советские пехотинцы, моряки и пограничники, а также бойцы гражданского истребительного отряда и грузчики Петропавловского порта, добровольно влившиеся в со став десанта, команды гражданских транспортов и мелких плавсредств действовали храбро и самоотверженно проявляя образцы организованности и отваги. Десантные суда, самоходные баржи, катера и моторные корабельные шлюпки, действуя под огнем противника, доставляли к берегу десантников, боеприпасы, снаряжение продовольствие и тут же возвращались на рейд для новой загрузки.

Умело организовал работу отряда транспортных и высадочных средств его командир – капитан 2 ранга Г. В. Богородский (перед тем как ему был поручен этот пост, он возглавлял охрану водного района ПВМБ). За четкое руководство боевыми действиями отряда, большой личный вклад в разгром врага, мужество и бесстрашие он был награжден орденом Красного Знамени. Его заместитель, командир отряда траления старший лейтенант П. П. Олейник был удостоен ордена Отечественной войны I степени.

Отважно действовал тогда боевой экипаж десантного судна ДС-1 (672). При очередном рейсе с воинами от грузового транспорта к берегу корабль получил несколько попаданий вражеских снарядов, в том числе в ходовую рубку. При этом был ранен в обе ноги командир корабля старший лейтенант Б. К. Царьградский, осколком снаряда тяжело ранен командир 5-го ОДДС капитан 3 ранга А. М. Верещагин, на судне начался пожар. Командование кораблем взял на себя

помощник командира лейтенант И. И. Пермяков. Вместе с замполитом дивизиона капитан-лейтенантом К. Ф. Бабичем он обеспечил завершение высадки, четко организовал аварийно-спасательные работы. Когда он увидел, что огонь подбирается к ящикам со снарядами, Пермяков попытался потушить их водой из аварийного шланга, но он оказался перебитым. Тогда Пермяков, несмотря на ожоги, выбросил ящики за борт. Самоотверженно действовали в это время все члены экипажа, поддерживая жизнедеятельность и плавучесть корабля.

Вышестоящее командование высоко оценило подвиг экипажа ДС-1 (672). Весь его личный состав был отмечен правительственные наградами. Офицеры К. Ф. Бабич, А. М. Верещагин, И. И. Пермяков, Б. К. Царьградский были удостоены орденов Красного Знамени, старшина группы мотористов Т. Л. Панкрашев награжден орденом Отечественной войны II степени.

В условиях ожесточенного боя, при тяжелом ранении А.М. Верещагина командование дивизионом десантных судов принял на себя начальник штаба 5-го ОДДС капитан-лейтенант Б. В. Казенный, который возглавлял переходоморем группы судов с главными силами десантных войск. Он четко и решительно руководил боевыми действиями и обеспечил успешное завершение высадки наших воинов со всех десантных судов дивизиона. За мужество и отвагу Б. В. Казенный, как и его командир, был награжден орденом Красного Знамени. Такой же высокой награды был удостоен боевой помощник командования дивизиона — начальник его распределительно строевой части капитан И. Ф. Лаврухин.

На десантном судне ДС-8 (521) при высадке передового отряда от вражеских снарядов пострадали ходовая рубка, машинное отделение, другие важные участки корабля. Были убиты отважно действовавшие на своих постах сигнальщик Алымов, строевой Зырянов, моторист Хворостов, ранены: командир корабля лейтенант И. Д. Яструб, его помощник лейтенант Б. И. Орлов, механик младший лейтенант технической службы Константинов, электрик Колыванов, радист Ильев и еще восемь человек. И. Д. Яструб продолжал уверенно руководить высадкой. По его команде оставшиеся в строю члены экипажа поставили дымовую завесу, имитировали взрыв судна.

Противник был введен в заблуждение и прекратил обстрел корабля. Тем временем отважные моряки успели исправить двигатель, заделали многочисленные пробоины и неожиданно для врага вышли из зоны обстрела, вновь включились в выполнение боевых задач. Многие члены экипажа этого корабля были награждены орденами и медалями, а бесстрашный командир этого ДС лейтенант И. Д. Яструб и его помощник Б. И. Орлов удостоены орденов Красного Знамени.

Дважды высаживал воинов-десантников на берег экипаж корабля ДС-46 (526) (командир лейтенант В. А. Ширяев). Под огнем врага каждый моряк уверенно исполнял свой долг. Аварийные команды с большим трудом заделывали пробоины от вражеских снарядов, но вода прибывала. Образовался крен судна на нос. Обнажились гребные винты, корабль потерял ход и превратился в неподвижную мишень для вражеской артиллерии. По приказу командира были приняты все меры для выравнивания крена. Эту работу возглавил помощник командира лейтенант Сергей Баглаев. Всеми помпами откачивали воду из носового трюма и в то же время переносили различные грузы на корму. Тяжело раненного Баглаева вынес в безопасное место старшина группы мотористов, парторг корабля В. С. Шашликов. Руководство спасательными работами взял на себя механик судна младший лейтенант технической службы М. В. Никитин. В короткий срок он обеспечил ход корабля и вывел его в безопасную зону.

За мужество и отвагу командир ДС-46 (526) лейтенант В. А. Ширяев получил второй орден Красного Знамени (первым был награжден, когда воевал против гитлеровцев на Черном море). Лейтенант С. С. Баглаев был удостоен ордена Красного Знамени, младший лейтенант технической службы М. В. Никитин — ордена Отечественной войны I степени, старшина В. С. Шашликов — ордена Отечественной войны II степени, трюмный матрос А. И. Данюков — ордена Отечественной войны I степени. Получили награды и многие другие члены экипажа этого десантного судна.

Храбро сражались с врагом моряки десантного судна ДС-2 (522). Многие из них перед боем подали заявление о приеме в партию. В первый подход к берегу они высадили десантников почти без потерь, но в следующий раз попали под губительный огонь противника. Вражеские снаряды поразили ходовую рубку, были искорежены

высадочные трапы, выведен из строя левый генератор, погас свет, нарушилось рулевое управление, через пробоины в машинное отделение хлынула вода. Но и в этих тяжелейших условиях командир корабля лейтенант Леонид Сафонов и его помощник лейтенант Евгений Кащинцев четко и умело руководили действиями экипажа, обеспечили продолжение высадки.

Особенно трудно было тушить возникший на судне сильные пожар: многие насосы и огнетушители вышли из строя, оказались пробитыми пожарные шланги. При этом вели стрельбу по врагу, заделывали пробоины, проводили другие аварийные работы, оказывали помощь раненым. В этот критический момент к горящему ДС-2 (522) подошел минный заградитель «Охотск», и члены его экипажа включились в тушение огня всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Под руководством командира корабля капитан-лейтенанта В. К. Моисеенко и его помощника – капитан-лейтенанта Ю. Э. Салоники умело действовала палубная команда во главе с главным боцманом – мичманом Васильевым, моряки электромеханической боевой части: командир – старший инженер-лейтенант В. А. Мандор, командир группы минеров старшина 1 статьи Евдоким Мерзлов, комсорг корабля – старшина 2 статьи Михаил Удод, краснофлотцы Колесников, Коробин, Озорнин и другие. При этом комендоры «Охотска» продолжали вести артиллерийский обстрел японских укреплений на Шумшу.

А на самом ДС-2 (522) самоотверженно действовали, спасая судно, все, кто не был занят стрельбой по врагу и заделкой пробоин в трюме. В их числе: трюмный машинист – матрос Владимир Артемьев, судовой кок – матрос В. И. Волков, электрик – старший матрос Кузьменков, командир отделения сигнальщиков старшина 2 статьи Кузьминов, командир отделения комендоров — старшина 2 статьи В. Д. Смирнов, радист старший матрос С. В. Суслонов, боцман – старшина 2 статьи К. А. Числов и др.

Подлинный подвиг совершил командир боевой электромеханической части — младший лейтенант технической службы Б. С. Галочкин (парторг корабля). В кромешной тьме вместе с группой мотористов и электриков он, используя запасные аккумуляторы, включил в работу пять дизелей, аварийно-спасательные

насосы для откачки воды, наладил рулевое управление. Это позволило под прикрытием дымовой завесы вывести десантное судно в безопасное место. Но и здесь их пытался уничтожить противник — японский самолет. Отбив его атаку из зенитной установки, экипаж сумел по распоряжения командования доставить судно своим ходом в Петропавловск, в одну ночь вместе с работниками судоверфи — завершить на нем основные ремонтные работы и вновь прийти в район боевых действий. За мужество и само отверженность офицеры Л. А. Сафонов, Е. М. Кащинцев и В. С. Галочкин были награждены орденами Красного Знамени, старшины 2 статьи В. Д. Смирнов и К. А. Числов — орденами Красной Звезды, радист С. В. Суслонов — медалью Ушакова. Правительственных наград были удостоены все члены экипажа этого корабля.

Заслуживает внимания тот факт, что при высадке с ДС-2 (522) подразделений первого эшелона десанта — работников штаба и управления 138-го стрелкового полка, 1-й роты автоматчиков, связистов и пеших разведчиков этого полка — отважно действовал находившийся вместе с ними пропагандист политотдела 101-й дивизии капитан В. И. Гетманов. Еще до посадки на корабли он провел среди воинов большую организаторскую работу проинструктировал политработников, парторгов ротобеспечил их агитационно-пропагандистскими материалами, участвовал в проведении партийных и комсомольских собраний. Во время перехода морем он был в гуще бойцов, помогал многим из них писать письма домой, оформлять документы вступающим в партию, вносил в их ряды настроение бодрости и уверенности в нашей победе. При высадке под огнем противника он был примером спокойствия и мужества, лучших пловцов назначал замыкающими, направлял на шлюпки тех, кто плохо держался на воде. В числе последних он поспешил к борту, чтобы покинуть его и добраться до берега вплавь. В этот момент на палубе разорвался вражеский снаряд, и в числе многих погибших тогда был и отважный политработник. Родина не забыла о нем: В. И. Гетманов посмертно удостоен ордена Отечественной войны II степени.

Исключительную сноровку и военную хитрость в бою за высадку проявили командиры десантных судов ДС-3 (523) и ДС-6 (945) лейтенант А. Г. Черноков и старший лейтенант А. М. Грицака —

участники обороны Сталинграда. Используя свой боевой опыт, они многократно высаживали на берег группы десантников. Умело маневрируя под прикрытием дымовой завесы, вклиниваясь между горящими судами, они успешно проводили высадку, выходили из боя без единой пробоины и без потерь в личном составе. При всей сложности обстановки, при каждом подходе к берегу члены их экипажей доставляли на кромку суши и крепили там тонкие тросы, облегчавшие высадку десантникам. Оба командира награждены орденами Красного Знамени. Удостоены правительственные наград и все моряки, отважно сражавшиеся под руководством этих боевых фронтовиков.

В иных случаях, когда на десантном судне создавалось критическое положение, его экипаж до последней возможности сражался за спасение корабля и вел бой с противником. Именно так действовали моряки ДС-5 (525), возглавляемые старшим лейтенантом А. Н. Котляром и его помощником лейтенантом Степановым (оба награждены орденами Красного Знамени). Они под огнем противника, хотя и с потерями, успешно завершили высадку десантников, но при отходе от берега судно получило новые пробоины. Аварийно-спасательные команды делали все возможное, но вода прибывала и затопила машинное отделение. Застопорились двигатели, погас свет, прервалась связь с ходовым мостиком. Начался пожар. Тонущий корабль сел на грунт, кубрики и отсек оказались затопленными, но моряки продолжали сражаться на средней и верхней палубах. Стреляли по врагу пять крупнокалиберных пулеметов. Все их расчеты погибли.

В этой критической обстановке командир корабля приказал поставить дымовую завесу, и под ее прикрытием всем находившимся в строю, вместе с ранеными, добираться до берега. Уцелевшие при этом влились в состав десантников и отважно сражались. Так, например, матрос этого судна Виктор Смирнов, подкравшись к группе японских солдат, бросил в них гранату. Часть самураев была убита, а 12 сдались в плен. За мужество и отвагу храбрый моряк был награжден орденом Красного Знамени. Классный моторист главстаршина В. П. Сергеев возглавил группу десантников и вместе с ними взорвал японский дзот, уничтожив при этом 17 солдат противника (награжден орденом Красной Звезды). Матрос В. С. Поляков, храбро сражавшийся на

берегу, вскоре был зачислен в экипаж другого корабля и в его составе участвовал в освобождении островов Курильской гряды. Его считали погибшим, по вскоре он вернулся в свой боевой экипаж. За мужество и отвагу его наградили медалью Ушакова.

Трагически сложилась в то время судьба ДС-47 (671) и его экипажа (командир—старший лейтенант Ю. И. Ибрагимов). Отважно действуя под огнем противника, моряки этого корабля успешно высадили передовой отряд (группу захвата) второго эшелона десантных войск, но японская артиллерия не дала им отойти в безопасное место. Вражескими снарядами была разбита кают-компания, матросский кубрик, выведены из строя ходовые двигатели, динамо-машины. Погас свет, загорелся артпогреб. Чтобы предотвратить взрыв, его пришлось затопить.

Большое количество воды проникло в трюм и через пробоины в бортах, но её не было возможности откачивать, так как вышли из строя насосы, помпы, шланги. Корабль все более кренился и оседал.

Смертельно раненный командир корабля приказал выходить на берег, забрав с собой всех раненых. Тут же он скончался. Добираться до суши многие уже не могли. Организатором их спасения стал моторист, старшина 2 статьи Н. Ф. Емельяненко. Он спустил на воду спасательный ботик и две пустые закупоренные бочки, из которых предварительно слил машинное масло. Захватив автомат, ракетницу и ракеты, он последним покинул корабль. Ботик был перегружен, и большинство раненых, находясь в воде, лишь держались за него.

Вначале отважные моряки двинулись к берегу, но их обстреляли японцы. Пришлось отдаться на волю течению которое все дальше сносило их в Охотское море. Лишь к вечеру они увидели наш сторожевой корабль «Киров», и Емельяненко просигналил ему ракетами. Их заметили и пришли на помощь. Однако у плотика и пустых бочек осталось совсем немного обессилевших моряков - остальные погибли. В горячей боевой обстановке их поднимали на борт, спуская на плотик выброску, на которую Емельяненко крепил очередного своего товарища. Последним подняли его самого. За мужество и отвагу в бою и спасение раненых моряков Николай Федотович Емельяненко был награжден орденом Красного Знамени. В

первую годовщину победы над Японией газета Тихоокеанского флота «Боевая вахта» посвятила ему большой очерк «Матросский характер».

После войны Н. Ф. Емельяненко вернулся в родной колхоз в с. Великокнязевска Белогорского района Амурской области и до ухода на пенсию работал там комбайнером. В трудных условиях дождливой страды случилась авария, и он лишился кисти правой руки. Но геройский моряк не теряет бодрости. Его радость и надежда – дети, их с женой он вырастил и воспитал пять человек.

Во время боя за высадку самоотверженно действовали пограничные катера («ПК») из отряда охранения. Командиру одного из них — капитан-лейтенанту «ПК-8» Н.Т. Федченко было приказано принять с корабля «Дзержинский» и доставить на Шумшу группу офицеров (16 человек) во главе с командиром второго эшелона десантных сил, заместителем командира 101-й стрелковой дивизии полковником П. А. Артюхиным. Выполняя эту задачу, командир катера, но распоряжению полковника, высадил его вместе со всей группой на корму подходившего к берегу десантного судна. После этого «ПК-8» должен был вернуться в распоряжение командира высадки, но вдруг Н. Т. Федченко увидел, как хорошо замаскированное вражеское орудие открыло огонь по носовой части судна, где скопились приготовившиеся к высадке десантники. Он сразу же понял, что при движении судна вперед и при ударе противника по корме полковник П. А. Артюшин с группой будут немедленно уничтожены.

Нельзя было медлить ни секунды, и командир «ПК-8» принял единственно правильное в этих условиях решение: по его команде катер мгновенно совершил дерзкий отвлекающий маневр. Смело рванувшись вперед, он принял огонь на себя. «ПК-8» получил ряд губительных пробоин. Было убито несколько членов экипажа, на катере возник пожар. Погасить его не было никакой возможности, под угрозой оказались боеприпасы. В этих условиях, выполняя приказ находящегося на катере начальника штаба дивизиона, исполнявшего обязанности его командира, капитан-лейтенанта С. Ф. Скрябина, оставшиеся в строю катерники, спасая себя и раненых товарищей, добрались вплавь до берега и влились в ряды десантников. Вскоре «ПК-8», объятый пламенем, взорвался и затонул.

Так, ценой гибели своего корабля и части его экипажа отважные моряки-пограничники внесли бесценный вклад в разгром японских самураев на острове Шумшу. Погибшие тогда пограничники — командир катера «ПК-8» старший лейтенант Н. Т. Федченко, командир отделения рулевых старшина 2 статьи С. В. Бородянко, комендор-краснофлотец К- Г. Елагин, старшина 2 статьи Б. И. Злобин и командир группы мотористов старший краснофлотец В. И. Однокое ради общего дела не пожалели собственных жизней. Они навсегда остались в памяти участников десантной операции как подлинные герои освобождения Курильских островов¹.

Позднее стала известна участь и тех пограничнике которые выбрались с погибшего тогда «ПК-8» на Шумшу в районе высадки. Восемь из них, способные к бою, доставили на берег шестерых раненых товарищей, в том числе капитан-лейтенанта С. Ф. Скрябина. Находясь в тяжелом состоянии, он передал командование своему замполиту капитану Я. С. Эдельману. Моряки-пограничники нашли на поле боя два исправных ручных пулемета, восемь автоматов и несколько ручных и противотанковых гранат.

Этим оружием они нанесли врагу большой урон: взорвали два японских склада с боеприпасами, уничтожили трехствольный миномет с его расчетом. При этом особо отличились комендор-коммунист М. Г. Сонин и комсомолец-минер П. В. Малышев. Будучи обнаруженными и спасаясь от вражеского обстрела, пограничники укрылись в глубокой лощине и нашли там несколько десятков наших тяжело раненных пехотинцев и моряков. Оказав им первую помощь, они вывели их, а некоторых и вынесли на берег, но там не оказалось никаких плавединиц. Пограничнику-сигнальщику В. С. Голенову удалось связаться по семафору со сторожевым кораблем «Дзержинский», и прибывшим оттуда врачу и санитарам были сданы раненые: всего их оказалось 82 человека. После этого оставшиеся в строю члены экипажа «ПК-8» влились в состав сводной роты пограничников и сражались в ее рядах до полной победы над врагом.

— Интересно отметить, — сказал далее генерал, — что в числе той группы офицеров во главе с полковником П. А. Артюхиным, которую

¹ В военном городке моряков-пограничников Камчатского пограничного округа в 1980 году воздвигнут памятник в честь героического экипажа катера «ПК-8».

спасли моряки-пограничники «ПК-8», пожертвовавшие катером и жизнями своих товарищей, была женщина – лейтенант Тамара Васильевна Воронова, начальник военно-полевой почтовой станции 101-й стрелковой дивизии, уроженка города Николаевска-на-Амуре, получившая там профессию радиотехники-телефрафистки. Будучи раненной, она вместе со своим помощником младшим лейтенантом Курицыным в короткий срок наладила доставку десантникам почтовых отправлений и газет, а также отправку по назначению их писем, оказывала посильную помощь медикам соседнего медсанбата. За мужество и отвагу Воронова и Курицын были награждены орденами Красной Звезды. Алексей Романович потянулся к стакану и отпил глоток воды. Его переживания передались и мне, и я напомнил ему еще несколько боевых эпизодов.

Старший матрос-пограничник Н. Е. Мусорин – радиотехник-корректировщик сторожевого корабля «Дзержинский» – из всех связистов, добравшихся вплавь до берега, был единственным, кто сохранил сухой свою радиоэлектронную аппаратуру. Это позволило командиру передового отряда майору П.И. Шутову доложить командующему десантной операцией: «Ближайшая задача выполнена. Атакую высоту 171. Прошу огня. Передаю координаты...»

Большую помощь оказала нам тогда и корректировочная группа 2-го отдельного морского бомбардировочного авиационного пограничного полка в составе лейтенанта А. П. Харитонова и стрелков-радистов Н. С. Огuri, И. И. Осипова, высаженная с «Дзержинского». Он обеспечивали надежную связь не только в районе боевых действий, но и с Петропавловском.

При высадке группы захвата второго эшелона десантных сил отвалено действовал возглавлявший ее майор И. Г. Борисов – заместитель командира 373-го стрелкового полка. Находясь в гуще воинов, под огнем противника и будучи раненным, он смело, спокойно, личный примером вдохновлял бойцов и офицеров, поддерживал их боевой порыв. Находившийся на этом же десантной судне парторг 373-го полка капитан А. И. Шкилев был под стать ему. С возгласом: «Коммунисты, вперед!» он первым прыгнул в воду и увлек за собой личный состав. Разорвался японский снаряд, на палубе появились убитые, раздались стоны раненых, ритм высадки

замедлился. В этот момент исключительное мужество и само обладание проявил лейтенант Ефимов — офицер управления 373-го полка и секретарь штабной парторганизации. Высоко подняв развернутое полковое знамя, он крикнул: «Товарищи, знамя в моих руках, за мной!» прыгнул в воду и поплыл к берегу. За ним последовали все, кто еще оставался на борту. Намокшее снаряжение сковывало движения лейтенанта, но он, не выпуская из рук древка знамени, продолжал продвигаться вперед. Недалеко от суши силы начали покидать его, и он стал тонуть. Но рядом с ним уже был старшина Кузнецов, отличный пловец. Будучи раненным, он помог старшему товарищу добраться до берега и вместе с ним и спасенным знаменем полка отправился на командный пункт. Там они вновь включились в штабные дела и не расставались с полковым знаменем до полной победы над врагом¹.

Командир взвода пешей разведки этого отряда лейтенант Н.А. Соколов сразу же после высадки на берег проник в тыл врага, доставил ценные сведения и захватил «языка». Во второй вылазке туда же взвод подвергся нападению группы вражеских солдат. Не растерявшихся, командир с криком «За Родину! Бей самураев!» кинулся на японцев и сразил из автомата двух из них. Остальных гранатами уничтожили его бойцы. Они двинулись вперед и продолжали поиск. Обратно довелось вернуться не всем: недалеко от места, где они должны были пересечь линию фронта, лейтенанта настигла шальная пуля. Но взвод выполнил поставленную перед ним задачу.

Тогда же ценную инициативу проявили командир 373-го стрелкового полка подполковник В. Г. Губайдуллин и начальник артиллерии полка капитан А. М. Котов. С острова поступил сигнал о нехватке патронов. Но не было к тому же и никаких плавсредств. Посоветовавшись, они решили пустить вплавь к берегу несколько десятков полковых лошадей, нагрузив их легкими выюками с боеприпасами. Несмотря на сильный обстрел противником прибрежной полосы, большинство лошадей уцелело. Вьюки намокли, но находившиеся в оцинкованных коробках патроны не пострадали.

¹ Об этом эпизоде рассказал в газете «Курильский рыбак» от 20 августа 1970 года его свидетель, бывший начальник штаба 373-го стрелкового полка, ныне полковник в отставке Г.Ф. Бочкарев. На мой запрос он разъяснил, что в книге «Финал» об этом сказано не совсем точно. Он же сообщил, что комсорг полка лейтенант Елмашов отличился в бою на другом участке. Об этом в данной книге см. на стр. 90. (Прим. автора.)

Командир орудия второй батареи 279-го артиллерийского полка старший сержант В. З. Голубев, учитывая недостаток высадочных средств, предложил вывезти его орудие в разобранном виде на судовой шлюпке, захватив при этом вместе с расчетом орудия и несколько ящиков снарядов. Высадка прошла удачно. На берегу орудие собрали. Солдаты и матросы вручную катили его от одной позиции к другой. Отважные артиллеристы подавили несколько вражеских огневых точек, но и их орудие было подбито. При этом погиб отличный наводчик, комсорг батареи, младший сержант Петр Коновалов. Он посмертно представлен к награждению орденом Ленина. Весь расчет этого орудия получил правительственные награды, а старший сержант В. З. Голубев удостоен ордена Красной Звезды.

Это был исключительно дружный и слаженный расчет, все его артиллеристы активно участвовали в общественных делах своей батареи, дивизиона и полка, не раз являлись победителями в спортивных соревнованиях, на смотрах художественной самодеятельности, а его командир Голубев был к тому же и замечательным баянистом. Об этом я знаю не понаслышке, а потому, что все они были моими однополчанами, и еще потому, что я вместе с ними высаживался на Шумшу и, как старший по званию, руководил боевыми действиями этого огневого расчета (был парторгом полка в звании капитана имея боевую подготовку в объеме командира батареи. Вместе с ними мне довелось получить и правительенную награду — орден Красной Звезды.

Умело и бесстрашно действовал тогда командир 3-й батареи этого же полка — единственной, которая была вооружена 152-мм гаубицами, — старший лейтенант, коммунист А. Г. Шеремеев. Участник боев у озера Хасан, он проявил воинскую находчивость: организовал в ночное время высадку на корабельной шлюпке одного из боевых расчетов со своим орудием (в разобранном виде) и несколькими ящиками снарядов, кроме того решил добираться до берега сам вместе со звездом управления. Этот замысел удался, но вторая шлюпка была подбита противником. Шеремеев был ранен, наглотался морской воды, а добравшись до суши, попал под бомбезку вражеских самолетов, был тяжело контужен. Однако он не оставил поля боя, умело руководил своими артиллеристами и оставался в строю до полного разгрома

японских войск и их капитуляции. При освобождении острова Онекотан сумел без потерь высадить тяжелые орудия и тракторы, спаривая для этого мелкие японские плавединицы –кавасаки. За отвагу и мужество многие воины этой батареи получили правительственные награды, а их геройский командир был отмечен сразу тремя – орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Самоотверженно сражался с врагом экипаж самоходной баржи Камчатморстроя во главе со старшиной механиком В. И. Сиговым. Будучи дважды раненным, в руку и в голову — отважный моряк не покидал своего поста и под шквальным огнем японских батарей продолжал рейсы к местам высадки и обратно. За свой подвиг. Василий Иванович Сигов удостоен звания Героя Советского Союза. Моторист этой самоходки Иван Киселев был награжден орденом Отечественной войны I степени, а матрос Иван Крюков – орденом Ленина. Правительственные награды получили и все другие члены команды. Приказом военно-морского командования В. И. Сигову было присвоено звание старшины 1 статьи Когда вблизи скопления наших кораблей и транспортов было подбито, охвачено огнем десантное судно ДС-1 (672) и спасти его не представлялось возможным, экипаж получил приказ покинуть борт. Люди были спасены, но боеприпасы в отсеках могли в любую минуту взорваться. В это время к судну подошел на моторной шлюпке механик сейнера «Авача» А. А. Черняев и, быстро зацепив его тросом, отбуксировал в безопасное место. Через несколько минут раздался оглушительный взрыв. А.А Черняев был удостоен правительственной награды. Услышав о подвигах тружеников моря, Алексей Романович оживился.

— Гражданские моряки, — сказал он, — как и их военные побратимы, с честью выдержали испытания, какие выпали на их долю в Курильской десантной операции. Хочется отметить мужество и отвагу капитанов и команд судов «Буревестник», «Волхов», «Дальневосточник», «Коккинаки», «Красное знамя», «Менжинский», «Москальво», «Генерал Панфилов», «Туркмен», «Урицкий», «Чапаев», танкера «Максим Горький», рефрижератора № 2 других. Им пришлось действовать в невероятно сложной и опасной метеорологической, навигационной и боевой обстановке, при наличии устаревших карт Курильской гряды, где были неточно указаны глубины, течения,

подводные камни и рифы. Я встречался со многими из них до и после боя, содействовал награждению наиболее отличившихся орденами и медалями.

Тепло отзывался генерал о работниках Петропавловского рыбного порта, которые добровольно пошли в десант и оказали войскам большую помощь во время боя за высадку и на завершающем этапе десантной операции. Они принимали и размещали на берегу поступающие с пароходов грузы, организовали работу мелких плавсредств, оборудовали в «мертвом пространстве» (у подножия береговой крутизны и в соседней лощине) нечто вроде, складов боеприпасов, продовольствия, фуража для лошадей, обеспечили их простейшими покрытиями Тем самым они сняли с офицеров немалые заботы, Многие из них были удостоены тогда правительенных наград. Так, например, участник десанта — начальник рыбного порта Я. Я. Завадский был награжден орденом Отечественной войны I степени, а начальник погружочного отдела этого же порта Н. К. Мельничук — орденом Красной Звезды.

Большую роль в организации успешного перехода каравана кораблей и судов из Петропавловска в район боевых действий, в бою за высадку передового отряда первого и второго эшелонов главных сил десантных войск, а также осуществлении тесного взаимодействия моряков-тихоокеанцев с другими родами войск на поле боя сыграл командир высадки — командир Петропавловской военно-морской базы капитан 1 ранга Д. Г. Пономарев. Под его руководством четко, отважно и самоотверженно действовали выделенные в распоряжение командования десантной операцией все отряды кораблей (транспортных и высадочных средств, охранения траления, артиллерийской поддержки), сводный батальон морской пехоты, весь личный состав ПВМБ и морские силы пограничников. Они внесли тогда в нашу общую победу весомый вклад.

Дмитрий Григорьевич Пономарев родился в 1908 году в крестьянской семье. Позднее его отец был плотником в СоломбALE — подворье Архангельска. Выходец из среды потомственных поморов, он в 1925 году — семнадцатилетним юношей — окончил судоводительское отделение Архангельского морского техникума и с тех пор навсегда связал свою судьбу с морем. Комсомолец с 1924 и член партии с 1930

года, он прошел суровую трудовую закалку: ходил на судах Советоргфлота в заграничные рейсы и в северные широты, занимал на гражданских транспортах различные должности – от матроса 2 класса до третьего помощника капитана, избирался вначале секретарем комсомольской организации (пароходы «Федор Энрольд» и «Сорока»), а позднее – и секретарем партийной ячейки (на пароходе «Крестьянин») Действительная служба, которую он проходил в стрелковом полку, обогатила его знанием специфики армейской жизни, но он остался верен избранному пути. В 1934 году его вновь призвали защищать Родину, на этот раз в ряды Военно-Морского Флота. Учился на подводника. Затем был направлен на Дальний Восток и здесь, в составе Тихоокеанского флота, быстро выдвинулся как смелый и решительный командир, обладающий широким кругозором, прочными знаниями и большим жизненным опытом. Был стремителен его служебный рост: от заместителя командира до командира Петропавловской военно-морской базы Тихоокеанского флота. И это менее чем за шесть лет!

Возглавляя с мая 1940 года Петропавловскую военно-морскую базу, Д. Г. Пономарев умело готовил ее боевые корабли и службы, весь личный состав к защите Камчатки, ее побережья, от нападения японских милитаристов. С началом Великой Отечественной войны он принял все меры к тому, чтобы в основу боевой и политической подготовки моряков-тихоокеанцев был положен опыт наших войск, особенно морских сил, сражающихся на западе против немецко-фашистских захватчиков.

После создания Камчатского оборонительного района он активно поддерживал все мероприятия, направленные на улучшение тесного боевого взаимодействия между сухопутными войсками, моряками, пограничниками и летчиками. В ряде совместных учений и маневров воины гарнизона отработали тогда ряд тем, связанных с активной противодесантной обороной восточного и западного побережий Камчатки с применением высадки тактических десантов в тыл противника.

Этот опыт совместных учебно-боевых действий пошел на пользу войскам, и его практическим результатом стали сокрушительные удары наших объединенных сил против сильной и хорошо

укрепившейся группировки японских войск в северной части Курильских островов.

В этих боях моряки-тихоокеанцы были примером мужества и отваги для всех участников Курильской десантной операции. За образцовые действия и успешное выполнение в боевой обстановке обязанностей заместителя командующего операцией и командира высадки десанта Д. Г. Пономареву было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Алексей Романович вдруг умолк и повернулся к папке, лежащей у края стола. Найдя нужную бумагу, задумчиво сказал:

— Все вынесли наши люди, и надо, чтобы об этом никто и никогда не забывал. Вот письмо от школьников — красных следопытов города Северо-Курильска. Просят поделиться воспоминаниями, рассказать о наиболее важных моментах десантной операции. Я уже не раз писал об этом пионерам Сахалина, Камчатки, Сибири, Украины и не знаю, право, о чем бы сообщить в этот раз. Может быть, подскажете?

— Вы не нуждаетесь в этом, — ответил я. — Из ваших воспоминаний можно составить целую книгу. Но уж коль спрашиваете, напишите им о штурме вражеских огневых позиций на мысах Кокутан и Котомари. Ведь расположенные там батареи, орудия и крупнокалиберные пулеметы были тогда основным препятствием для высадки наших войск — передового отряда, первого и второго эшелонов главных сил десантных войск.

— Да, об этом, пожалуй, и напишу, — согласился генерал. — В том, что эти батареи не были уничтожены передовым отрядом и, особенно, первым и вторым эшелонами главных сил десанта, был серьезный и дорого обошедшийся нам просчет возглавлявших их командиров. Его пришлось исправлять экстренными мерами.

Мы несли тогда большие потери и в плавсредствах и, что особенно тяжело переживать, в личном составе. Я приказал создать штурмовые группы и во что бы то ни стало уничтожить вражеские батареи и пулеметные гнезда. Они формировались в основном из добровольцев — в них вошли пехотинцы, моряки, пограничники, среди них было много раненых, которые отказались от госпиталя. Нагрузившись взрывчаткой, минами, противотанковыми гранатами,

они храбро и сноровисто действовали под огнем противника, преодолевая перебежками открытое пространство, укрываясь за камни и выступы.

Начальник химической службы 101-й стрелковой дивизии майор А.Н. Курбатов, член партии с 1928 года, еще при высадке вплавь заметил расположение трех вражеских орудий, ведущих огонь с маячной высоты по десантным судам и высаживающимся войскам, а также из огневых средств, расположенных на обратных скатах укрепленных высот, — по нашему наступающему передовому отряду. Догнав командира этого отряда майора П И Шутова, он доложил ему об увиденном, а тот ознакомил его с приказом командующего операцией об уничтожении японских батарей на мысах Кокутан и Котомари.

— Но прежде всего, — сказал Шутов, — надо любой ценой уничтожить хорошо замаскированный вражеский дот, который прижал нашу атакующую цепь к земле. Если не сделать этого — потеряем время, японцы подтянут на этот рубеж свои резервы. Действуйте незамедлительно.

Отважный коммунист в короткий срок собрал в лощинке группы раненых, отказавшихся от следования в медсанбат, отставших от своих подразделений бойцов. К ним присоединились и некоторые моряки с подбитых десантных судов, добравшиеся до берега. Высланные им разведчики нашли подходы к трехамбразурному доту, который находился у подножия холма и скрывался в зарослях кедрового стланика. И вот к нему с разных направлений поползли смельчаки-добровольцы с минами, взрывчаткой, противотанковыми гранатами. Заметив это, японцы открыли по ним прицельный огонь. Был убит краснофлотец Виктор Сас — комсорг одного из подразделений морской пехоты, ранены Курбатов и некоторые другие, но кто-то из них уже добрался к доту, заложил взрывчатку и, отползая, поджег бикфордов шнур. Через несколько минут оглушительный взрыв потряс окрестность. Дорога вперед была открыта.

После этого майор А. Н. Курбатов вместе со своей группой (около сорока человек) двинулся к другому японскому орудию — оно находилось в ущелье на мысе Кокутан. К ним присоединились встретившиеся бронебойщики — четыре бойца с двумя

противотанковыми ружьями. Один из них вблизи исходного рубежа для штурма был тяжело ранен, и майор решил провести отсюда пристрелку по врагу из ПТР. Всесторонне развитый спортсмен — отличный лыжник, пловец и меткий стрелок — он первым же снайперским выстрелом попал прямо в ствол заряженного вражеского орудия. Раз дался взрыв, и японскую позицию заволокло дымом и пылью. Воспользовавшись этим, наши воины рванулись вперед, некоторые из них успели взобраться на скалу прикрывающую ущелье, и оттуда забросали японских артиллеристов гранатами. Особенно храбро действовали сержант В. М. Медведев — заместитель комсорга батальона морской пехоты, боец гражданского истребительного отряда — работник Петропавловского морского порта А. З. Матусевич, раненый пограничник К. С. Мостовских.

Спасаясь от гибели, солдаты противника скрылись в подземном убежище. Однако наши десантники не дали им там отсидеться — дымовыми шашками выкурили их оттуда. Сдаваясь в плен, с поднятыми руками из подземелья вышло тогда более 70 японских «завоевателей»

В это же время в обход вражеского укрепленного района двигалась к мысу Кокутан и его батареям другая группа наших воинов, свыше двухсот человек. Ее ядро составляла рота моряков старшего лейтенанта А. Я. Кочнева. Когда этот отважный офицер был тяжело ранен, роту возглавил майор Г. С. Крившенко — секретарь партийной комиссии политотдела Петропавловской военно-морской базы. Половину состава роты во главе с сержантом Н. А. Прокудиным он отправил на передовую, а с оставшимися моряками и присоединившимися к ним из разных частей и подразделений пехотинцами и пограничниками начал наступление на вражеские позиции мыса Кокутан. Им удалось подавить несколько японских огневых точек, но враг упорно сопротивлялся. Пришлось на ходу перестраиваться, усилить разведку

Накапливая силы для решающего броска в отбитых у врага траншеях, майор Крившенко выслал вперед не сколько групп разведчиков и ждал от них донесений. Отлично действовал в одной из них моряк комсомолец Закржевский. Вместе со своим товарищем он возвратился с ценностями сведениями, но, будучи тяжело раненным едва

держался на ногах. Вскоре он умер. Его напарник рассказал, как осторожно и умело вел Закржевский разведку, как он уничтожил гранатой вражескую пулеметную точку, какие цели они разведали.

Однако завершить штурм опорного района мыса Коутан, к чему все было готово, этой группе не пришлось она получила приказ отойти с занятого рубежа, так как через несколько минут должен был начаться новый артиллерийский обстрел японских огневых позиций на мысе Коутан нашими кораблями артиллерийской поддержки. Группа двинулась на передовую линию фронта, но артобстрел мыса с кораблей, как и до этого, не дал должного эффекта: вражеские орудия оставались неуязвимыми и, выдвигаясь временами из скальных убежищ, продолжали мешать нашей высадке.

Вскоре с ними покончили штурмовавшие этот опорный пункт воины 119-го отдельного саперного батальона - одной из лучших частей в соединении (командир — майор С. М. Жилин, замполит — капитан Ф. М. Потехин, начальник штаба — старший лейтенант Назаров) и приданной ему 38-й отдельной роты химической защиты (командир — старший лейтенант И. М. Авдеев). Понеся незначительные потери, они сумели заложить у японских батарей и их укрытий мощные заряды взрывчатки. Раздается команда: «Контакт» — и вражеский бастион сметен с лица земли. Однако и после этого продолжались упорные схватки у других, еще не подавленных дотов и дзотов, пулеметных точек, у которых прикованные цепями к оружию доживали свои последние часы и минуты вражеские смертники — камикадзе.

С боем бралась каждая вражеская огневая точка, а японских смертников, засевших в укрытиях и оказывавших отчаянное сопротивление, приходилось буквально выбивать из каждой щели. Во многих случаях доходило до ожесточенных рукопашных схваток.

Всю ночь продолжались упорные схватки, и приказ командующего операцией был выполнен лишь к утру 19 августа. Только после этого была создана возможность беспрепятственного завершения высадки главных сил, боевой техники.

Многие бойцы, сержанты и офицеры, обеспечившие подавление вражеских батарей на мысах Коутан и Котомари, были удостоены высоких правительственные наград. Майор А. Н. Курбатов награжден

орденом Красного Знамени. Прежний мыс Кокутан носит ныне его имя. Орденами Красного Знамени были награждены также старший лейтенант А. Я. Кочнев, майор Г. С. Крившенко, орденом Александра Невского—майор С. М. Жилин, орденом Отечественной войны I степени — старший лейтенант Назаров, орденом Отечественной войны II степени — сержант, моряк В. М. Медведев, пограничник К. С. Мостовских, орденом Красной Звезды — старший лейтенант И. М. Авдеев, боец гражданского истреби, тельного отряда А. З. Матусевич, капитан Ф. М. Потехин, орденом Славы III степени — сержант С. К. Усик медалью «За отвагу» — сапер, сержант Д. Я. Лавренков, младший сержант Я. К. Матюшкин — комсорг 119-го отдельного саперного батальона и многие другие. Большую роль в уничтожении вражеских батарей на мысах Кокутан и Котомари сыграли начальник инженерной службы КОР майор Г. И. Тарасов и помощник начальника оперативного отдела штаба КОР по береговой и морской службе Н. Е. Сизько. Оба они удостоены ордена Отечественной войны I степени. При их активном участии на мысе Кокутан были взяты тогда в плен еще 88 японцев, в том числе два офицера.

В бою за высадку десанта мы потеряли пограничный катер «ПК-8» и пять десантных судов. Восемь десантных судов получили серьезные повреждения. Однако, несмотря на это, экипажи боевых кораблей, командиры частей и подразделений преодолели все препятствия, обеспечили высадку и дальнейшее наращивание главных сил десантных войск, расширение плацдарма.

Бой за высадку был выигран, и это предопределило успешное, победное завершение всей десантной операции. Как же развивались в это время события на захваченном плацдарме?

РЕШАЮЩЕЕ СРАЖЕНИЕ

— В 8 часов утра 18 августа, — продолжал свой рассказ генерал А. Р. Гнечко, — я получил донесение о том, что высадка первого эшелона главных сил десанта — 138-го стрелкового полка (командир — подполковник К. Д. Меркуьев) в основном закончена. К 9 часам она была полностью завершена. Подразделения полка устремились к высоте 171.

Вскоре достигли берега командиры и штабы частей усиления – 428-го гаубичного артполка АРГК (подполковник И. Я. Пирогов), 279-го артиллерийского полка (подполковник А. К. Тарасов), а также органы управления их подразделений, выделенных для поддержки войск первого эшелона десантных сил – 2-го дивизиона 428-го ГАП и 1-го дивизиона 279-го артполка.

И хотя гаубицы и пушки все еще продолжали оставаться на транспортах, появление на плацдарме целого стрелкового полка и управлеченческих подразделений артиллеристов облегчило положение и приободрило наших пехотинцев, моряков и пограничников передового отряда. Они во главе с майором П. И. Шутовым, майором Т. А. Почтаревым и капитаном Н. И. Лашмановым вели тяжелые и кровопролитные бои с превосходящими силами противника на подступах к господствующим высотам 165 и 171. При огневой поддержке корабельной артиллерии и береговой батареи на мысе Лопатка десантники упорно продолжали продвигаться вперед, ломая возросшее сопротивление врага. В непрерывных и ожесточенных схватках им приходилось отвоевывать у японцев буквально каждый метр родной земли.

К этому времени наши войска уже занимали в северо-восточной части острова Шумшу территорию в 4—6 километров по фронту и 4—5 километров в глубину. Воины передового отряда, овладев первой траншеей у высоты 171, решительно двигались дальше. Завязался рукопашный бой за вторую позицию. Японские солдаты и офицеры сопротивлялись с яростью обреченных. Ожесточенный бой шел также и на подступах к высоте 165. Руководил боем старший лейтенант А. Г. Иноземцев. Вместе с ним возглавляли воинов замполит передового отряда старший лейтенант В. А. Кот и замполит батальона морской пехоты майор А. П. Перм.

Поскольку сплошной линии фронта не было, ожесточенные схватки различных подразделений передового отряда с противником возникали повсеместно – там, где наши пехотинцы, моряки и пограничники встречали японские войска. После того как группа майора А. Н. Курбатова уничтожила преградивший им путь вражеский дот, о чём уже было сказано, советские десантники сделали еще один

бросок в направлении высоты 171. Но вскоре их вновь прижал к земле огонь хорошо замаскированного японского пулемета.

Подавить эту огневую точку добровольно вызвался краснофлотец Михаил Верещагин. Взяв гранаты, он по-пластунски двинулся в ту сторону, откуда строчил вражеский пулемет. Его скрывали заросли карликового кедрового стланика, и порой он был не виден даже своим, которые внимательно следили за каждым его движением. Затем он совсем исчез из поля зрения. И вот пулеметную очередь перекрыли два последовавших друг за другом взрыва, и там, где взметнулось пламя, облако земли и дыма, показалась фигура в матросском бушлате. Взмахом руки Верещагин показал, что путь открыт, и устремился вперед. Так же отважно действовал рядовой пехотинец Михаил Бабушкин. Подобрав возле убитого нашего бойца ручной пулемет и несколько дисков к нему, он перебежками менял позиции и поддерживал огнем наступавших десантников.

На другом участке фронта группа пограничников под командованием капитана Н. И. Лашманова обнаружила японскую минометную батарею, которая обстреливала наши боевые порядки. Подкравшись к ней с разных сторон, воины-пограничники забросали самураев гранатами и с криками «ура!» ворвались в расположение батареи противника. Кинувшихся было назад японцев встретила огнем группа пограничников во главе со старшиной Н. Н. Карповым, заранее посланная к ним в тыл. Деморализованные самураи, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, подняли руки. Два исправных миномета стали посыпать мины по своим прежним хозяевам.

Неподалеку от этого места упорно противостояло натиску наших моряков вражеское подразделение, успевшее укрепиться в заранее оборудованной траншее. Моряки-тихоокеанцы штурмом овладели этой преградой, нанеся значительный урон противнику. Оставшиеся в живых самураи скрылись в подземном убежище. Брошенные им вслед гранаты и дымовая шашка заставили их выйти из укрытия, В числе сдавшихся в плен был и японский офицер. Он с важной напыщенностью сдал, а точнее, преподнес свою шашку и пистолет возглавлявшему этот бой лейтенанту В. В. Стрельцову (помощник начальника политотдела ПВМБ по комсомольской работе)

Огневая помощь кораблей артиллерийской поддержки и артиллеристов-береговиков с мыса Лопатка облегчила положение десантников. Даже не прицельный огонь а обстрел по площадям того рубежа, где находились японцы, вынуждал их прятаться в убежища, а кое-где отходить в глубину своей обороны. Воспользовавшись, этим, наши пехотинцы, моряки, пограничники рванулись вперед, завязали бой за вторую траншею на подступах, к высоте 171, а затем они продвинулись и на ее склоны.

Однако в целом положение наших воинов передового отряда было сложным. Обессилевшие и вымокшие при высадке вынужденные наступать по незнакомой местности, заросшей кустарником и кедровым стлаником, понеся значительные потери и располагая ограниченным запасом патронов и гранат, они встречали на своем пути все возрастающее сопротивление противника. К этому времени перед ними на заранее подготовленном рубеже находилось до усиленного пехотного батальона противника, а с флангов – с мысов Кокутан и Котомари – продолжали вести по ним огонь японские батареи. Вражеские орудия срывали высадку главных сил десанта, особенно нашей артиллерии, находившейся на плавбазе «Север», военном транспорте «Емельян Пугачев» и на некоторых гражданских грузовых судах. Японские огневые точки, расположенные на обратных скатах этих мысов, вели огонь и по подразделениям передового отряда. Передовой отряд по-прежнему оставался отрезанным от главных сил, которые спешili ему на помощь. Поэтому майору Шутову было приказано закрепиться на северо-восточных скатах высот 165 и 171 и удерживать их до подхода главных сил. Японское командование, убедившись, что силы высаженных на берег советских войск малочисленны и не имеют артиллерии, решило сбить их с занимаемых позиций на склонах высот, а затем разгромить – сбросить в море. Пехота противника силою до батальона перешла в контратаку и оттеснила подразделения передового отряда к подножию высоты. Но достигнуть поставленной цели ей не удалось: наши солдаты, матросы и офицеры сражались стойко и умело, героически отбивая натиск врага. Два часа продолжался этот неравный и ожесточенный бой, но он так и не принес японцам успеха.

В это время командующему операцией пришлось дважды направлять на берег небольшие оперативные группы для уточнения обстановки, но лишь одной из них удалось прорваться сквозь кинжаленный огонь противника. В нее входили начальник политотдела ПВМБ полковник П. И. Смирнов, мой консультант по морским вопросам капитан 3 ранга В. С. Денисов и прикомандированный к войскам второй секретарь Камчатского обкома партии П. Ф. Елисеев. Возвратившись с линии фронта, они рассказали о том, что передовой отряд и подходящие к нему подразделения главных сил десанта сражаются храбро и самоотверженно, повсеместно показывают образцы мужества и отваги, но по-настоящему организованного управления их боевыми действиями он не обнаружили. Суть их предложений сводилась к следующему: нужно ускорить высадку командира десанта генерал-майора П. И. Дьякова с его штабом, усилить помочь сражающимся на плацдарме войскам боеприпасами, артиллерийской и авиационной поддержкой, горячим питанием. Многие раненые не хотели покидать боевых порядков, но с эвакуацией тяжелораненых проявлялась медлительность. Я согласился с этими советами и немедленно отдал ряд распоряжений по устраниению отмеченных упущений.

Учитывая создавшуюся обстановку и возможность прорыва обороны противника на избранном направлении, было решено сосредоточить все усилия десантных войск на сокрушении основного рубежа обороны японских войск — их сильно укрепленных позиций на высотах 165 и 171. Таким образом, определилось главное на правление нашего удара — наступление с севера на военно-морскую базу Катаока.

В район боевых действий начали прибывать роты и батальоны из состава главных сил десанта — автоматчики, пулеметчики, минометчики, бронебойщики, саперы. Они занимали позиции на стыках подразделений передового отряда, а также в их боевых порядках. Это нарушало действия командного состава, усложняло управление войсками, тем более что, как уже отмечалось, почти полностью отсутствовала радиосвязь. Положение усугублялось еще и тем, что батальон связи 101-й стрелковой дивизии понес большие потери при высадке: его командир майор М. А. Дьяконов погиб, а начальник штаба капитан Лапин тяжело ранен. Принявший на себя

командование батальоном замполит капитан Семенов сделал все возможное для просушки батарей радиостанций (некоторые из них уже действовали) наведению кабельной связи, но для выполнения этих работ в полном объеме не хватало ни сил, ни технических средств. В восполнение всего этого начальник связи дивизии майор Кущев и его помощник старший лейтенант Кузнецов мобилизовали личный состав полковых связистов. При этом особенно большая нагрузка, естественно легла на связистов полковой роты связи и взводов связи батальонов 138-го стрелкового полка, входивших в первый эшелон десантных войск. Уже тот факт, что многие связисты этого полка в тяжелейших условиях высадки, добираясь до берега вплавь, сумели сохранить телефонные аппараты и катушки с кабелем, свидетельствовал об их мужестве. Кроме того, они, по указанию начальника связи полка капитана В. Ф. Заярного, широко вели поиски линий связи противника, разрушали их, снимали провод и использовали его для своих целей. Многие наши связисты погибли тогда от огня японских снайперов, но долг свой перед десантниками выполнили.

Командир отделения телефонистов и парторг роты связи 138-го стрелкового полка сержант Я- А. Герасимов вместе со своими бойцами с риском для жизни (ведь за каждым из наших воинов охотились вражеские снайперы) буквально обшарили окрестности и, выследив японского связиста, нашли землянку-склад с нужным им трофейным имуществом: там были запасы провода, телефонные аппараты, электробатареи, миниатюрные коммутаторы и проч. Все это было сразу же пущено в дело. При этом, действуя под огнем противника, отличились командиры взводов лейтенанты Баранов, Зайцев, Зубов, старшина Денькин, старший сержант Иванов, сержанты Калашников, Кудрявцев, Пшеничников, Стариakov, Ужинцев, Шайхутдинов, рядовые Барnev, Боброк, Боровских, Володин, Захаревский, Минаков, комсорг роты Александр Швецов и др. Все они и их непосредственный начальник командир роты связи полка старший лейтенант К. Г. Зарилов были награждены орденами и медалями. В дальнейшем, когда началось оборудование командного пункта 101-й дивизии, именно отделению сержанта А. Герасимова было поручено обеспечить его связью со всеми частями десантных войск. И боевая задача, хотя и с потерями в личном составе, была выполнена в кратчайший срок.

Установленный на КП дивизии коммутатор давал возможность командованию соединения быть в курсе всех дел, происходивших в боевых порядках, оперативно влиять на ход боя на любом участке фронта.

Для руководства боевыми действиями на плацдарме нужно было прежде всего присутствие там командира десанта. Но, к сожалению, командир 101-й стрелковой дивизии генерал-майор И. И. Дьяков не смог высадиться на берег одновременно с частями соединения, чтобы лично возглавить управление войсками. Корабль, на котором он находился, получил повреждения при налете вражеской авиации, поэтому командиру десанта и его оперативной группе не удалось добраться до суши. В результате создалось положение, когда высадившиеся части и подразделения оказались без единого командования. В этой сложной обстановке разумную и весьма ценную инициативу проявил высадившийся на берег командир второго эшелона главных сил десанта, заместитель командира 101-й стрелковой дивизии полковник П. А. Артюшин. Он смело взял на себя командование всеми уже высадившимися на берег силами, обеспечил четкое управление войсками и связь с командующим десантной операцией. Его боевыми помощниками стали высадившийся вместе с ним начальник штаба 373-го стрелкового полка майор Г. Ф. Бочкин и уже сражающийся в передовом отряде офицер штаба 101-й дивизии старший лейтенант С. А. Савушкин. Первый из них обеспечивал выполнение принятых командиром решений а второй, находясь непосредственно на переднем крае, оказал там батальонному и ротному звену командного состава единственную помощь в организации боевых действий. Прочной опорой Артюшина были тогда и некоторые другие работники штаба 373-го полка – старший лейтенант Рачек (первый помощник начальника штаба), лейтенант Чекрыжев (шифровальщик), лейтенант В. А. Дорохов (переводчик-японист), и старший лейтенант Андрющенко (помощник НШ по разведке и командир взвода конных разведчиков).

Учитывая возможность ранения и гибели офицеров, за которыми специально охотились японские снайперы, полковник П. А. Артюшин приказал всех штабных офицеров сражающихся полков разделить на две части: одну из них оставить на командных пунктах, а другую

направить на передовые позиции для решения на месте всех возникающих организационных вопросов. При их помощи выбывшие из строя командиры рот и батальонов немедленно замещались наиболее опытными офицерами, а раненые или убитые командалия взводов — лучшими сержантами и старшинами. Одновременно были приняты срочные меры к налаживанию четкой линейной радио- и сигнальной связи. В результате всего этого управление в полках, батальонах и ротах было восстановлено и не терялось до конца боев.

Значительную помощь полковнику П. А. Артюшину оказал в это время представитель морского командования во втором эшелоне десантных войск капитан-лейтенант А.А. Волчанский — оператор штаба ПВМБ по работе с плавсоставом. Вместе с пехотинцами он организовал просушку батарей для ротных и полковых радиостанций, обеспечил доставку на фронт исправной радиостанции с одного из покинутых экипажем десантных судов, обеспечил сбор недостающих винтовочных и автоматных патронов у раненых и убитых, а также на береговой полосе, где высаживались десантники. За мужество и отвагу А. А. Волчанский был награжден орденом Красной Звезды.

В 11 часов наши десантники — передовой отряд и подразделения главных сил — начали новую атаку вражеских позиций на склонах высоты 171. Путь преграждали разрывы мин и снарядов, шквал осколков и пули. Где перебежками, где ползком, укрываясь за камнями и кустами карликовой растительности, они упорно стремились к вершине и ждали лишь сигнала для последнего броска. И вот он раздался — пронзительный свист и крики: «Полундра!» Склоны высоты словно ожили. Повсюду в едином порыве поднялись цепи наших солдат, моряков, пограничников. С криками «Ура!», «За Родину!», «За Сталина!» советские воины устремились вперед, поливая самураев огнем из винтовок и автоматов, забрасывая их гранатами, а в рукопашных схватках — сокрушая штыками, кинжалами, прикладами, саперными лопатами. Особенно яростно сражались моряки. В бескозырках, распахнутых бушлатах, тельняшках, они стали грозой для японцев, и те называли их — по немецкому образцу — «черной смертью».

Но вот под губительным огнем вражеского дота, неся большие потери, залегла рота морской пехоты старшего лейтенанта И. В.

Кощея. В этот критический момент незаметно для противника к доту приблизился помощник командира одного из взводов, доброволец с плавбазы «Север», старшина 1 статьи, коммунист Н. А. Вилков. Он забросал дот гранатами, а когда из него вновь открыли огонь, закрыл его амбразуру собственным телом. В этом же бою подвиг своего товарища и друга повторил рулевой катера «МО-253» матрос-комсомолец П. И. Ильичев. Это он, Петр Ильичев, сказал перед высадкой десанта: «Клянусь тебе, Родина, что, пока руки мои будут держать оружие, а глаза видеть, я буду беспощадно бить врагов!» Под бушлатом, на груди Николая Вилкова, его боевые товарищи нашли красное полотнище – это был флаг Отчизны, который моряк коммунист хотел водрузить на вершине высоты 171.

Десантники поклялись быть достойными этого подвига, водрузить знамя на высоте, вернуть Родине ее исконные земли. Поднявшись в атаку, они вновь отбили утраченную позицию – траншею у подножия высоты, а в дальнейшем исполнили все, что обещали: свято сдержали клятву – вместе с другими освободили Курильские острова.

Своей героической смертью отважные моряки-тихоокеанцы Н. А. Вилков и П. И. Ильичев спасли сотни жизней десантников, вписали свои имена в историю освобождения островов Курильской гряды. Их подвиг навсегда останется в памяти народной. Оба они посмертно удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

В это же время на левом фланге отличился отдельный взвод моряков-автоматчиков особого назначения во главе со старшиной коммунистом А. П. Беловым. Взвод имел приказ прорваться в глубь вражеской обороны для диверсионных целей. Продвигаясь вперед, воины этого подразделения уничтожили линию телефонной связи противника, разгромили казарму караульной команды какого-то склада со всеми ее обитателями. Пытавшихся скрыться трех самураев уничтожил гранатой матрос В.Я. Мальцев. А когда разведчики обнаружили радиолокационную станцию, отличный стрелок сержант С.И. Рындин меткими выстрелами из снайперской винтовки разбил более двадцати изоляторов на антеннах комплекса и тем самым вывел его из строя. Отважно действовали тогда и в дальнейшей боевой обстановке командир отделения и заместитель командира этого взвода

сержант коммунист Г. В. Кулемин, младший сержант И. П. Филимонов, старший матрос М. В. Власенко. Посланные на связь с командиром батальона морской пехоты Власенко и Рындин в дальнейшем не могли присоединиться к взводу и, как стало известно позднее, проявили мужество и отвагу в борьбе с японскими танками на другом участке.

Ориентируясь по карте, взвод Белова в густом тумане вышел на дорогу, которая привела его к высоте 165. Здесь, в стороне от основных сил передового отряда, штурмующих высоту 171, командир разделил своих бойцов на три группы, и они, не теряя друг друга из виду, без шума подползли к вершине. Отдохнув и уточнив расположение вражеских траншей, моряки по заранее обусловленному сигналу (взмах бескозыркой) забросали их гранатами и с криками

«Ура!» ворвались в расположение противника. Оставив шесть человек убитыми, японцы скатились на юго-восточный склон.

Десантники закрепились на высоте 165, не потеряв ни одного человека. Но при отражении неоднократных вражеских контратак их ряды стали таять, и к концу боя из 49 человек остался в живых лишь 21. Были тяжело ранены матрос Мальцев и многие другие, в их числе был и старшина Белов. Несмотря на это, моряки-тихоокеанцы продолжали стойко удерживать захваченную ими позицию. Порой им приходилось сражаться в окружении, но они умело организовали круговую оборону. Кроме того, уничтожить их не давало подошедшее к этой высоте подразделение моряков, которое возглавил начальник штаба батальона морской пехоты старший лейтенант Г. А. Мотосов. Он организовал блокаду всех попыток противника выбить моряков с высоты, объединил усилия присоединившихся к ним пограничников, и они открывали сильный огонь по японцам, как только те пытались штурмовать высоту.

Пробиться к ним кому-либо из наших воинов самураине давали. Уцелел лишь один пехотинец-бронебойщик с противотанковым ружьем. Он оказал морякам огромную помощь при отражении контратаки японских танков. К сожалению, его фамилия и сведения о месте рождения не сохранились в памяти ни у кого из тех, с кем пришлось встречаться в послевоенные годы. Все моряки этого взвода были представлены к правительственным наградам, а его бесстрашный

командир старшина А. П. Белов награжден орденом Красного Знамени. Такую же высокую награду получил тогда и начальник штаба батальона морской пехоты старший лейтенант Г. А. Мотосов.

Уцелевшую часть взвода Белова возглавил его заместитель, старший сержант коммунист Г. В. Кулемин отслуживший срочную службу на Балтийском флоте и вторично призванный в ряды ВМФ в 1941 году. На этот раз он попал на Дальний Восток. Опытный моряк, выполняя приказ командира батальона морской пехоты майора Т. А. Почтарева, обеспечил захват японского орудия. Уничтожив его расчет, отважные моряки-тихоокеанцы вели огонь из этого орудия по вражеским позициям. Все они были представлены к наградам, но, как стало известно значительно позже, наградные документы погибли в пути.

Большую помощь десантникам оказал в то время личный состав отряда артиллерийской поддержки – члены боевых экипажей сторожевых кораблей «Киров» «Дзержинский» и минного заградителя «Охотск». Своим огнем они не давали противнику подтягивать резервы из глубины обороны, накапливать силы у юго-восточных скатов высот 165 и 171, поражали любые цели на участках островных дорог (автомашины и проч.). На «Дзержинском» четкими действиями отличились: мичман Н. А. Брашнин (главный боцман), главстаршины В. К. Дерзенко, И. М. Трофимов (батарея главного калибра), старшины 1 статьи С. И. Жаворонкин, П. И. Зачесов (группа мотористов), В. А. Панкратов (командир отделения электриков), В. К. Миросниченко (командир отделения сигнальщиков), П. Ф. Пучков (группа радистов), старшины 2 статьи А. А. Дурандин (командир отделения минеров), В. А. Блинников (командир отделения пулеметчиков), Н. С. Котов (командир отделения котельных машинистов), Н. М. Сильников (командир отделения комендоров), Л. К. Чемеленко (командир отделения мотористов), старшие и строевые краснофлотцы Т. М. Бояков (комендор), В. Н. Елизов и Н. П. Сорокин (дальномерщики), И. С. Жуков (сигнальщик), П.С. Селезнев (командир отделения пулеметчиков), Х.С.Шангреев (комендор), С. В. Тупицын (кок) и др. Все они награждены орденами и медалями.

Четкую и бесперебойную работу всех механизмов и двигателей организовал на «Кирове» командир электромеханической группы

старший техник-лейтенант Ф. Г. Кузьмин, выросший в родном экипаже от рядового краснофлотца до офицера. Так же умело действовали на своих боевых постах: капитан-лейтенант Н. Д. Савенко (штурман), старший лейтенант Н. П. Шек (командир дивизиона зенитного калибра), главстаршина И. С. Кокарев (группа трюмных машинистов), старшины 1 статьи И. В. Седов (командир отделения минеров), В. К. Морозов (группа мотористов), старшины 2 статьи Н. Д. Ефремов (командир отделения дальномерщиков, комсорг корабля), Н. М. Титов (командир отделения комендоров), краснофлотцы В. М. Митрошкин (трюмный машинист), А. В. Токарев (моторист), Ф. Г. Широков (электрик) и др. Их отвага и боевая стойкость также отмечены правительственные наградами.

Как и всегда прежде, на минном заградителе «Охотск» показывали высокую организованность и слаженность, почти автоматическую четкость боевые расчеты командиров орудий — старшин 1 статьи П. Ф. Громова, В. К. Куликова, А. П. Кангиа, К. Ф. Шабалова, возглавляемые главстаршиной-сверхсрочником Я. Д. Демиденко. Отлично действовали командиры отделении артиллерийских электриков, планшетного поста — старшины 1 статьи А. Я. Поташов и И. М. Варлаамов, дальномерщик старшина 1 статьи К. П. Железников, командир отделения рулевых старшина 1 статьи И. М. Онопченко, артиллерийский электрик, а по боевой тревоге — заряжающий и замковый 2-го орудия главного калибра коммунист А. П. Казанцев, машинист краснофлотец П. Н. Печерских и многие другие. Зорко следили за любыми «семафорами» с острова сигнальщики АзикВолодин, Николай Жульев, Виктор Квашнин, Анатолий Нечаюк, Александр Озорнин.

В один из моментов этого боя, когда подразделения передового отряда сделали бросок вперед, они оказались под огнем японских снарядов и мин, а также в опасной близости от разрывов наших же снарядов, посыпаемых по врагу кораблями артиллерийской поддержки. Заметив это, проявил находчивость комсорг 138-го стрелкового полка старший лейтенант И. А. Безделов. Он нашел среди моряков сигнальщика и приказал ему немедленно передать на корабли просьбу о переносе огня в глубину обороны противника и корректировать удары по целям. Именно этого моряка — крохотную точку на фоне

высоты 171 — разглядели сигнальщики «Охотска» и приняли от него сообщение, а затем передали и на другие корабли, с которыми у них была постоянная зрительная связь.

Вскоре корабельные орудия уже были по японским артиллерийским и минометным позициям. Воспользовавшись этим, наши десантники усилили темп наступления. За проявленную инициативу старший лейтенант И. А. Безделов был награжден орденом Отечественной войны II степени, а матрос-сигнальщик Виктор Потапов, фамилию которого узнали лишь после выполнения им боевого приказа, — орденом Красного Знамени.

— Подобных случаев было много, — добавил я, но, к сожалению, они почему-то очень редко попадают в поле зрения некоторых исследователей, авторов различных сборников, посвященных освобождению Курил,

— Это интересно. А вы-то откуда знаете? — спросил Алексей Романович.

Пришлось сказать, что я давно уже собираю материалы, документы и различные публикации о Курильской десантной операции, биографические и иные сведения о наиболее отличившихся ее участниках, по крупицам воссоздаю их облик, восстанавливаю подробности их подвигов. И если из этого что-то получится, то это будет рассказ участника Курильского десанта о своих боевых товарищах, о массовом героизме воинов-освободителей, вернувших Родине ее исконные земли — острова Курильской гряды.

— Во многих книгах и статьях, так или иначе касающихся истории Курильской десантной операции, — заметил я, — часто лишь мимоходом упоминается об участии в ней воинов-пограничников. А они внесли достойный вклад в нашу общую победу на Курилах. Их 2-й отдельный морской бомбардировочный авиационный пограничный полк выполнял специальные задания командования по разведке и бомбардировке вражеских объектов. Сторожевые корабли «Киров» и «Дзержинский» составляли ядро отряда артиллерийской поддержки, а пограничные катера охраняли корабли и суда с десантом во время их перехода морем в район высадки. Сводная рота пограничников отлично действовала при высадке и при штурме высот 165 и 171, а также и при пленении японских войск на других островах.

В бою, о котором шла речь, проявил отвагу и сноровку пулеметчик-пограничник младший сержант С.Е.Карев. Выполняя приказ командира, он уничтожил расчет японского орудия, а затем — огневую точку врага, сильно мешавшую продвижению их взвода. Обнаружив дзот противника, он вплотную подполз к нему, но гранат у него не было. Отважный воин нашел выход из положения: осторожно подкатил к амбразуре несколько каменных глыб и завалил ими неширокое отверстие вражеской амбразуры. Японский пулеметчик, лишенный видимости, прекратил огонь. Воспользовавшись этим, наши воины стремительно рванулись вперед. Отважно действовал замполит роты пограничников капитан А. А. Бугров. С возгласами: «За Родину! За мной, товарищи!» он восемь раз поднимал бойцов в атаку, В девятый его сразила вражеская пуля.

Младший сержант С. Е. Карев награжден медалью «За отвагу», а капитан А. А. Бугров — посмертно — орденом Отечественной войны I степени.

— Да, это были, пожалуй, самые напряженные часы ожесточеннейшего сражения на захваченном плацдарме — отозвался Алексей Романович. — Из донесения разведчиков и от «языков» мы уже знали, что японцы усиленно перебрасывают войска с соседнего Парамушира и готовят танковую контратаку. С учетом этого я отдал приказ нашей авиации нанести новые удары по военным объектам противника и, особенно, по скоплениям его войск и техники, направляемых к линии фронта, благо туман развеялся и облачность была высокой и не слишком густой.

А тем временем на земле продолжались кровопролитные схватки. Высота 171 несколько раз переходила из рук в руки. К полудню главные силы нашего десанта сосредоточились в районе боевых действий, чтобы нанести по противнику решающий удар. Полковник П. А. Артюшин, четко управляющий высадившимися войсками, поставил перед командирами частей и подразделений соответствующие боевые задачи. Захваченный нами плацдарм по глубине достигал к этому времени уже 5—6 километров по фронту северо-восточной части острова Шумшу.

Командир 128-й авиадивизии подполковник М. А. Еремин доложил мне, что две группы самолетов-бомбардировщиков и

прикрывающих их истребителей уже находится в пути к острову Шумшу. Нашим летчикам предстояло преодолеть немалые трудности: пролететь над горами Камчатки и вдоль восточного побережья полуострова, над океаном, более 300 километров, вести боевые действия в условиях мощной противовоздушной обороны противника и возвращаться прежним путем на свои базовые аэродромы, не имея при этом даже простейших промежуточных площадок для возможных вынужденных посадок. Но мы были твердо уверены в высоких боевых качествах летно-технического состава авиадивизии. По расчетным данным, первая группа самолетов должна была появиться над районом боевых действий примерно в 14 часов. Это нас вполне устраивало.

В дальнейшем звенья и эскадрильи бомбардировочного, истребительного и частично штурмового полков систематически, волнами по 8—16 единиц, наносили бомбовые удары по японским военно-морским базам Катаока и Касивабара, скоплениям вражеских войск, военным объектам, в том числе и по аэродромам противника. Было запрещено бомбить лишь один аэродром вблизи Катаока, куда мы в ближайшее время намеревались выбросить посадочный десант с целью его захвата (этого требовал приказ командующего 10-й воздушной армией 2-го Дальневосточного фронта генерал-полковника авиации П. Ф. Жигарева командиру 128-й авиадивизии). Несмотря на облачность, наши летчики с высоты 1500—2000 метров поражали цели.

Японское командование спешило вырвать у нас боевую инициативу. Продолжая переброску резервов с острова Парамушир, оно сосредоточило в тылу своей обороны более двух пехотных батальонов, около 40 орудий 60 танков. Кроме того, в районе озера Беттоби у них находилась мощная батарея крепостного артиллерийского полка береговой обороны (12 орудий). Располагая такими возможностями, противник намеревался рассечь силы нашего десанта и уничтожить их по частям. Это была уже третья попытка японцев сбросить нас в море.

В 14 часов вражеские войска перешли в контратаку из района юго-западных склонов высоты 171. Бой разгорелся с новым ожесточением. Но полковник П. А. Артюшин и штаб 373-го стрелкового полка, ставший органом его управления, зорко следили за

ходом сражения. Икогда было обнаружено движение из глубины вражеской обороны колонны автомобилей противника с войсками, на помощь десантникам передового отряда, возглавляемого майором П. И. Шутовым, была выдвинута одна из рот батальона капитана А. Н. Суханова. Майор Шутов приказал ей занять дорогу, по которой двигались японские резервы. Рота захватила выгодный рубеж, перекрыла дорогу. Японские солдаты и офицеры попали под губительный огонь, заметались и вскоре были разгромлены.

Второй батальон 138-го стрелкового полка, которым командовал капитан А. Н. Суханов, был в числе тех наших немногих подразделений, которые тренировались к десантным действиям в пределах маневра при обороне Камчатки от вражеского вторжения. Именно поэтому он более четко действовал и при высадке и в преодолении японских противодесантных укреплений, с большей сноровкой маневрировал своими подразделениями на плацдарме и понес тогда сравнительно меньшие потери. За мужество и отвагу капитан А. Н. Суханов был награжден орденом Александра Невского. Такую же высокую награду получил командир 5-й стрелковой роты этого батальона старший лейтенант А. З. Тулупов.

— Кстати, отмечу, — сказал генерал, — что основная масса командиров рот и батарей по своим знаниям и опыту была поистине золотым фондом Камчатского гарнизона. Многие из них занимали эти должности по 3—4 года и показали при освобождении Курил высокое боевое мастерство, умение действовать самостоятельно, смело и решительно, с полным учетом сил и обстановки. Словом и делом они вдохновляли подчиненных, были для них постоянным образцом мужества и отваги.

Вот один из примеров этого. Четвертая рота 373-го стрелкового полка (командир — старший лейтенант Н. М. Хохлов) была в составе «группы захвата» второго эшелона главных сил. Высадка этого передового отряда с десантных судов проходила под сильным артиллерийским огнем противника. При этом были убиты и ранены многие, командиры. В числе тяжело раненных оказался и командир группы майор И. Г. Борисов, а его заместитель по политической части старший лейтенант Ф. М. Бобров убит. В этих условиях Хохлов на какое-то время взял на себя командование, обеспечил расстановку

подразделений в боевых порядках, а свою роту повел на помощь бойцам майора Курбатова, которые в это время штурмовали японские позиции на подступах к мысу Кокутан. Подавив там несколько огневых точек противника, рота Хохлова получила приказание полковника П. А. Артюшина занять оборону у высоты 171. Влившись в боевые порядки 138-го стрелкового полка, она, по указанию командира полка подполковника К. Д. Меркурьева, обеспечила правый фланг. Затем, осуществив обход и атаковав позиции японцев, закрепилась здесь же на более выгодном рубеже. Таким образом, рота в течение шести дней действовала самостоятельно, успешно решая боевые задачи.

За умелые и решительные действия старший лейтенант Н. М. Хохлов был награжден орденом Красной Звезды.

В числе отличившихся тогда командиров рот и батарей были старшие лейтенанты и капитаны: А. П. Аксенов, В. Н. Алексеев, С. А. Байназаров, П. И. Брянов, Г. А. Быков, Л. И. Дербышев, А. Г. Иноземцев, А. Ф. Ищенко, Ф. Д. Немченко, Д. В. Першуков, Ф. Г. Розовенко, Ф. М. Смирнов, Г. Н. Стромилов, А. З. Тулупов, А. Л. Тюрин, К. Хабибов, И. Д. Христенко, В. Г. Чикало, А. Г. Шеремеев и др. Они, в том числе и погибшие смертью храбрых, были представлены к правительенным наградам, числились у своих старших командиров как надежный резерв на выдвижение. К сожалению, как мне стало известно значительно позже, некоторые наградные листы погибли при аварии одного из кораблей, и часть названных замечательных офицеров остались без заслуженных наград.

Был тогда случай длительных самостоятельных действий и подразделения меньшего масштаба – взвода. В силу сложившихся обстоятельств зенитно-пулеметному взводу (пулеметы ДШК-12,7 мм) лейтенанта А. Е. Мельниченко пришлось высаживаться отдельно от своей роты. Вышестоящим начальником ему было приказано нести службу ПВО на пароходе «Урицкий», затем взвод вновь в отрыве от своей роты высаживался в районе мыса Васильева на острове Парамушир, а в дальнейшем более месяца обеспечивал противовоздушную оборону прибывших сюда войск из второго эшелона главных сил Курильского десанта. Лейтенант А. Е. Мельниченко успешно справился с возложенными на него задачами и

вскоре был выдвинут на работу в штаб дивизии. Но вернемся к событиям того незабываемого дня. Пока продолжался бой, японское командование сделало новую попытку разгромить наши войска при помощи танков. Оно бросило против них еще до двух батальонов пехоты при поддержке 18 танков. Это был явный расчет на то, что мы не устоим перед боевой техникой. И они уже точно установили, что в наших боевых порядках нет артиллерии (мы, действительно, успели доставить лишь сравнительно небольшое количество противотанковых ружей (ПТР). Однако враг не учел всего лишь одной «малости» — беззаветной преданности советских воинов матери-Родине, их беспримерного мужества и отваги, самоотверженной готовности сражаться с ненавистным врагом до последней капли крови, до последнего дыхания.

Полковник П. А. Артюшин, быстро оценив обстановку, решил сосредоточить для отражения танковой атаки мощный кулак — все ПТР, которыми располагали здесь наши войска, обеспечить фланги от обхода и охвата и одновременно нанести мощный фланговый удар по противнику силами подразделений двух стрелковых батальонов. Для удара по танкам и отсечения от них японской пехоты он попросил корабли артиллерийской поддержки и артиллеристов-береговиков мыса Лопатка дать огневую завесу по указанному им рубежу. А по пирсам и причалам Катаока и Касивабара, а также по японским плавединицам во Втором

Курильском проливе, перебрасывающим с Парамушира на Шумшу войска и боевую технику, осуществляла удары с воздуха наша авиация.

Разумеется, это делалось с моего ведома и согласия. И должен сказать, что за время Курильской операции все подчиненные мне в оперативном отношении соединения — Петропавловская военно-морская база, 128-я смешанная авиадивизия и 60-й Камчатский морпогранотряд, со всеми их подразделениями и службами — действовали исключительно четко и согласованно. Их командиры и начальники выполняли мои приказы, как и распоряжения моего штаба, указания политотдела КОР и нашей оперативной группы строго пунктуально — во всей полноте и в установленные сроки. В этом проявились не только их высокая дисциплинированность и

замечательные морально-политические качества, но и нерушимая боевая дружба и единство всех родов и видов войск наших вооруженных сил, их беспредельная верность партии и народу.

Когда японские танки, развернувшись в боевой порядок, двинулись широким фронтом на наши позиции, советские минометчики, пулеметчики, автоматчики и расчеты противотанковых ружей встретили их в полной готовности. Бронебойщики брали на мушку вражеские машины, а стрелковые подразделения должны были отсекать огнем пехоту противника от танков. Проявляя выдержку, они ждали команды: «Огонь!» Возле многих бойцов были наготове противотанковые гранаты и связки ручных гранат.

Наступившую тишину нарушал лишь лязг гусениц приближающихся танков. Но вот раздались залпы наших корабельных орудий, и их снаряды стали рваться в расположении войск противника. Танки устремились вперед на наши окопы, но здесь их встретили дружным и метким огнем бронебойщики роты ПТР старшего лейтенанта Л. И. Дербышева и других подразделений.

Сражение приняло исключительно напряженный и ожесточенный характер. В боевых порядках наших войск рвались вражеские снаряды и мины. По японским наступающим подразделениям наносила удары артиллерия боевых кораблей и 945-я батарея нашей береговой обороны – с мыса Лопатка. Японские танки и пехота, стреляя из всех видов оружия, атаковали наши позиции. По японцам били также из всех видов оружия советские пехотинцы, моряки, пограничники. Вокруг стоял гул и гром, полыхало море огня.

О предельном накале тех схваток свидетельствуют такие примеры. Парторг роты противотанковых ружей старший сержант Черепанов уничтожил два вражеских танка. Третья подбитая им машина продолжала двигаться вперед и вела огонь по нашим войскам. Чтобы покончить с ней, Черепанов кинулся с противотанковой гранатой под ее гусеницы и взорвал японский танк вместе с собой. Несколько танков противника подбили в этом бою командир взвода ПТР лейтенант П. К. Вельбовец, старший сержант А. П. Барсуков и младший сержант И. И. Третьяков. Младший сержант Георгий Баландин подбил два танка, а когда у него вышло из строя противотанковое ружье, бросился навстречу третьему со связкой

гранат и ценой собственной жизни уничтожил его. Младший сержант Султанов вскочил на броню танка и, стреляя в смотровую щель, уничтожил его экипаж. Несколько танков было уничтожено прямым попаданием снарядов, посыпаемых комендорами кораблей артиллерийской поддержки.

Повсюду, где японские танки пытались пробить оборону 101-й стрелковой дивизии, батальона морской пехоты и сводной роты пограничников, они встречали решительный отпор. Отлично действовали бронебойщики подразделений 138-го, 302-го и 373-го стрелковых полков и других частей. В числе их командиров хочется назвать лейтенантов Ендржиевского и Чучалина, младшего лейтенанта Н. Г. Рубана, старших сержантов Александра Колесникова (погиб), Еремина, Маркина, сержантов Белаутдикова, К. В. Ивакова, В. Костылева, Мезенцева, номерных расчетов ПТР – младшего сержанта Н. А. Ветошкина, краснофлотца Зеленова, рядового Худякова. Они подбили несколько вражеских машин, а пулеметный расчет коммуниста Д. А. Чурбанова захватил пытавшегося бежать из подбитого танка японского офицера с ценностями штабными документами. Ефрейтор пограничник Бейсенбай Мухамеджанов уничтожил противотанковой гранатой японский танк и был удостоен ордена Отечественной войны I степени. Краснофлотец И. В. Зяблинцев связкой гранат подбил танк и уничтожил выскочивший экипаж. Командир батальона морской пехоты представил его к награждению орденом Славы III степени, но вышестоящее командование сочло это недостаточным и представило отважного моряка к награждению орденом Красной Звезды.

На одном из участков фронта бой с танками вела рота старшего лейтенанта А. Л. Тюрина (302-й отдельный стрелковый полк). Неожиданно на окоп, где находился командир, из-за холма устремились две вражеские машины. Одну из них подбили наши бойцы, а другая продолжала наступать, обстреливая передний край. Вот танк уже приблизился к брустверу. В этот момент Тюрин бросил под гусеницу танка противотанковую гранату и поднял в атаку своих бойцов против японских солдат. Противник был уничтожен, но погиб смертью храбрых и отважный старший лейтенант. Посмертно он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В разгар отражения контратаки японских танков в расположение 373-го стрелкового полка прибыл помощник начальника политотдела 101-й дивизии по комсомолу лейтенант В. П. Тарасов. Он сражался вместе с бойцами в боевых порядках, а в короткое затишье боя с комсоргом полка старшим лейтенантом Елмашовым, передвигаясь от позиции к позиции, проинструктировал комсоргов батальонов и рот, поручив им, по согласованию с командирами, организовать доставку из района высадки патронов и гранат и сбор их среди убитых бойцов. После этого В. П. Тарасов отправился в подразделения 138-го и 302-го стрелковых полков. А старший лейтенант К. А. Елмашов организовал выполнение поставленной задачи. При новой вражеской контратаке он был в первых рядах бойцов. Когда же увидел, что к переднему краю из лощины выползает японский танк, выдвинул на этот участок три расчета ПТР. Общими усилиями бронебойщиков и пехотинцев вражеская машина была уничтожена. За храбрость и личный пример в боевой обстановке К. А. Елмашов был награжден орденом Отечественной войны I степени, а В. П. Тарасов — орденом Красного Знамени.

Огромное мужество и смелую инициативу проявила и группа моряков-тихоокеанцев во главе со старшим матросом И. И. Дерзновенко. Они устранили повреждения на одном из японских танков и громили на нем японскую пехоту. Все они были награждены медалями, а Иван Дерзновенко — орденом Красной Звезды. Интересно отметить, что в послевоенные годы этот отважный воин и труженик за успехи в мирном труде получил еще одну высокую награду — орден Октябрьской Революции. Отличный механик, рядовой 302-го отдельного стрелкового полка Г. В. Смолин, до призыва в армию работавший на ремонте автомобилей и тракторов, на другом участке привел в исправное состояние подбитый нашими бронебойщиками вражеский танк и стал его механиком-водителем. Вместе с двумя другими воинами, фамилии которых, как и в случае с И. И. Дерзновенко, остаются неизвестными, он отважно сражался с противником, расстреливая его из японского же оружия. Не зная всего этого, трофеиную машину подбили свои же воины, однако все смельчаки остались живы.

В 373-м стрелковом полку командир взвода ПТР и взводный пехоты, старшие лейтенанты Анатолий Копысов и Михаил Выборнов использовали подбитый вражеский танк как бронированную огневую точку и как своеобразный наблюдательный пункт. За мужество и находчивость первый из них награжден орденом Красной Звезды, а второй – медалью «За отвагу».

В отражении атаки вражеских танков умело и храбро действовал офицер управления 101-й стрелковой дивизии (начальник физической подготовки) старший лейтенант С. А. Савушкин — до этого командир роты автоматчиков 138-го стрелкового полка. По собственной инициативе он возглавил группу воинов. Отличный стрелок и спортсмен метко бросил связку гранат под гусеницы японского танка и подбил его. Затем Савушкин с возгласом «За Родину, вперед!» снова повел солдат, матросов, пограничников на штурм вражеских укреплений. В рукопашной схватке они выбили противника с занимаемого им рубежа. Отважный офицер был тяжело ранен, и вскоре его не стало. Посмертно С. А. Савушкину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Рядом с ним самоотверженно сражался командир взвода одной из рот 138-го стрелкового полка старшина И. М. Уразметов — рослый богатырь, огромной физической силы. Возглавив группу бойцов, он храбро поднял их в контратаку, отсекая солдат противника от идущих на наши позиции японских танков. Умело орудуя пулеметом, он стрелял из него прямо с руки, а когда не удалось сменить расстрелянный диск, использовал пулемет как дубину, которой сокрушал рвавшихся к нему самураев. Он геройски погиб в этой схватке, но вокруг него на поле боя осталось не менее десятка вражеских трупов. За мужество и бесстрашие отважный сын башкирского народа был посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени.

На главном направлении контратаки противника отважно действовал командир передового отряда майор П. И. Шутов. Дважды раненный, он в решительный момент поднял свои подразделения в атаку и храбро повел их на врага. Он получил третье ранение — японская пуля попала ему в грудь. Двигаться уже не мог. Он передал командование начальнику штаба отряда старшему лейтенанту Т. Б.

Дайну и приказал санитарам нести себя вперед на носилках. Его подняли в укрытие, откуда было видно все поле боя. Только убедившись в том, что атака развивается успешно, он разрешил отправить себя в полевой госпиталь. Состояние майора было очень тяжелым. Товарищам он сказал: «Приказ во что бы то ни стало выполнить — высотой овладеть. Я умираю за Родину». К счастью, усилия врачей, крепкий организм и твердая воля сделали свое: выжил.

За совершенные подвиги, отвагу и доблесть в боях за освобождение Курильских островов майору П. И. Шутову и старшему лейтенанту В. А. Коту было присвоено звание Героя Советского Союза. Высокого звания Героя Советского Союза были удостоены также майор Т. А. Почтарев и старший лейтенант С. А. Савушкин (посмертно). Майор А. П. Перм и старший лейтенант Т. Б. Дайн были награждены орденами Красного Знамени. Такую же награду получил тогда партторг батальона морской пехоты старший лейтенант В. Н. Быкасов, постоянно находившийся на передовой линии и личным примером вдохновлявший своих боевых товарищей на решительную и самоотверженную борьбу с японскими захватчиками.

В наградном листе на майора Т. А. Почтарева, представленном командованием Петропавловской военно-морской базы в вышестоящие инстанции, говорилось: «Майор Почтарев лично показал пример бесстрашения и мужества. Он действовал четко и решительно, не один раз ходил в атаку на врага. За героизм и мужество, за умение воевать по-современному майор Почтарев Тимофей Алексеевич достоин присвоения звания Героя Советского Союза». Это ходатайство было поддержано и нашло воплощение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 года. Бывший мыс Котомари, укрепления которого сразу же после высадки штурмовал со своими бойцами отважный офицер, ныне носит имя Почтарева.

Высокие образцы стойкости, отваги и мужества показали командир батальона морской пехоты майор Т.А. Почтарев и его заместитель по политической части майор А.. П. Перм. Будучи ранеными, они не покинули поле боя и продолжали четко и умело руководить своими подразделениями, неоднократно поднимали моряков в атаку.

Ожесточенный бой с танками завязался на участке роты автоматчиков старшего лейтенанта А. Г. Иноземцева. Здесь главным оружием десантников стали ПТР и связки гранат. Сам командир подбил две вражеские машины, а затем поднял своих отважных воинов в атаку на самураев. С криками «Ура!», «За Родину – вперед!» они рванулись на врага, увлекаемые примером командиров, политработников, рядовых коммунистов. Сильный огонь противника вынудил залечь бойцов левого фланга. Туда немедленно прибыл старший лейтенант В. А. Кот. «За мной, товарищи! – крикнул он. Коммунисты, вперед!». Под этим натиском японцы растерялись, заметались в траншеях, часть из них кинулась к подземным ходам. Вслед им полетели гранаты. В этом бою старший лейтенант А. Г. Иноземцев был убит. В. А. Кот временно возглавил роту и обеспечил четкое руководство боевыми действиями. Па этом участке было взято в плен 64 японских солдата и офицера.

Умело, яростно и самоотверженно действовали в боевых порядках у высот 165 и 171, а также при штурме вражеских батарей на мысе Кокутан курсанты отдельного учебного батальона 101-й дивизии, возглавляемые лучшими офицерами соединения. Понеся большие потери при высадке, в том числе гибель командира майора М. А. Дьяконова, они сражались не только за самих себя, но и за погибших товарищем. Так, курсант П. З. Щеглов, когда на глазах у него был убит сокурсник и школьный товарищ Егор Юдин, заявил, что в расплату за это и за двух своих братьев, погибших на западном фронте, он уничтожит не менее трех самураев. Отважный воин, вызвавшись добровольно, уничтожил расчет японского пулемета, а когда его оружие вышло из строя, заколол штыком еще двух вражеских солдат.

Бесстрашно воевали тогда все бойцы, сержанты, старшины и командиры учебного батальона везде, куда их определяли военачальники. Фамилии многих из них в памяти до сих пор: командиры рот — капитан Емельянов, старший лейтенант Олейников, командиры взводов — лейтенанты Антонов, Кравченко, Паршин, старшины и сержанты — Г. С. Забахидзе, Ковтун, Константин Краюшкин, Погодин, Петр Портов, Г. И. Смоляников, И. Г. Ужастина, Геннадий Фролов. Помню и рядовых Бочурнна, Виктора Васильева, Петра Костылева, Смирнова. Все они были награждены медалями, а

курсант Сабахутдинов — орденом Славы III степени. Старший лейтенант Олейников был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Не добившись успеха в контрнаступлении на высоту 171, японское командование попыталось прорвать нашу оборону в другом месте — в районе высоты 165. С этой целью оно двинуло в направлении к этой высоте и в обход ее по узкому коридору — между обрывом сопки и соседним болотом — еще одну колонну танков -20 машин. В случае успеха это давало противнику возможность обойти левый фланг наших десантных сил с последующим ударом по нам стыла.

Закрепившийся на высоте 165 отдельный взвод моряков-тихоокеанцев старшины А. П. Белова, несмотря на большие потери, успешно отбил атаку пяти японских танков, пытавшихся пройти к нему по пологому склону высоты. Два из них подбил оставшийся неизвестным и погибший тогда пехотинец-бронебойщик, сумевший пробраться к своим друзьям — морякам в один из самых тяжелых моментов боя, а третий — командир взвода старшина А. П. Белов.

Два оставшихся танка и появившийся с другой стороны еще один повернули против бойцов передового отряда второго эшелона десантных войск (командир — майор И. Г. Борисов, замполит — старший лейтенант Ф. М. Бобров), незадолго до этого подошедшего к высоте. Командир одного из взводов этого отряда лейтенант Логинов подбил связкой гранат головную вражескую машину, его примеру последовал ефрейтор М. П. Жвакин. Метким огнем отсекали японскую пехоту от танков парторг подразделения старший сержант А. М. Хлопотов, младшие сержанты Кузьмин и Ступин, ефрейтор Слитков, рядовые Баранов, Денисов, Карпов, Смоленский, Шумилин. Отважно действовали и здесь подавившие ранее гранатами огневую точку врага коммунисты — старшина Мерзлов и сержант А. П. Барманчук. Оба они, а также замполит отряда Ф. М. Бобров геройски погибли в этом бою. Их подвиг посмертно отмечен правительственные наградами, при этом А. П. Барманчук награжден орденом Отечественной войны II степени, а Ф. М. Бобров — орденом Отечественной войны I степени.

В сложной и тяжелой обстановке беззаветную отвагу и мужество проявил командир роты моряков старший лейтенант, коммунист-подводник И. В. Кощей. Выделив часть воинов для отражения атаки

танков, он основными силами решительно атаковал японские позиции, преграждавшие путь к вершине высоты 165. Его поддержали пограничники и пехотинцы. Пробившись сквозь шквал артиллерийского, минометного огня, герои-десантники водрузили на гребне высоты красный флаг и вымпел Военно-Морского Флота. Возглавивший этот штурм старший лейтенант И. В. Кощей был награжден орденом Красного Знамени. Отличившемуся тогда же в боях на высотах 165 и 171 командиру отделения пулеметчиков и парторгу роты старшине 1 статьи Н. П. Журавлеву – тяжело раненному – был вручен орден Отечественной войны I степени.

Скоротечный и кровопролитный бой наших десантников разгорелся там, где противник менее всего ожидал встретить сопротивление, — в узком проходе между скалой и болотом. Здесь обнаружила их на подходе группа моряков минно-подрывной партии во главе с техником, лейтенантом А. М. Водыниным. Они только что подверглись внезапному нападению японских разведчиков-диверсантов, трех из которых уничтожили, а остальных обратили в бегство.

Отважных моряков было всего шесть человек — командир Водынин, старший сержант Иван Кобзарь, старшина 2 статьи Петр Бабич, сержант Степан Рындянин, старшие матросы Михаил Власенко и Петр Ударцев. Первые пять были ранены, а Ударцев — тяжело контужен и направлен в медсанбат, но упросил отменить приказ. Других же членов своей группы Водынин, еще до этой схватки, отправил на обратный скат высоты, чтобы взорвать там хорошо замаскированный японский дот.

Вдруг они услышали гул тяжелых моторов, а затем и увидели колонну японских танков, огибающих склон, чтобы по твердой полоске у его подножия миновать болото и просочиться в наш тыл. Моряки сразу же оценили всю опасность, которую несут нашим десантникам эти вражеские машины. А. М. Водынин сказал: «Надо во что бы то ни стало остановить танки. Иначе погибнут все наши товарищи». Это означало лишь одно — стоять насмерть. Он распределил между моряками гранаты и мины и указал каждому его место, а Ударцева, едва стоявшего на ногах, легко подтолкнул в

сторону: «Замаскируйся недалеко от нас и прикрывай автоматным огнем».

Когда головной японский танк приблизился к ним, Александр Водынин метнул под него противотанковую гранату. Раздался взрыв. Но в этот момент на Водынина неожиданно повернула вторая вражеская машина. Время исчислялось секундами. Схватив мину, отважный техник-лейтенант бросился под ее гусеницы и ценой собственной жизни уничтожил второй танк. К третьему вражескому танку с миной на поясе и гранатами в руках метнулся старшина сержант Иван Кобзарь. Увидев это, японец-водитель резко затормозил, срезал из пулемета Кобзаря и свернул в сторону, но на него налетел танк, идущий следом. Искореженные и горящие вражеские машины перегородили дорогу. Остальные стали обходить их по кромке болота, скорость их движения замедлилась.

Под пятый танк с фугасом и детонатором кинулся Степан Рындин и взорвал его вместе с собой. Навстречу следующему с противотанковой миной кинулся Петр Бабич, но танк, резко развернувшись, сбил его с ног и буквально запахал в пласт дерна. Раздался взрыв. Контузенного и покалеченного моряка случайно обнаружили санитары в бессознательном состоянии и доставили в госпиталь. Он пришел в себя лишь через несколько дней.

Имя П. В. Бабича многие годы значилось на обелиске в честь погибших воинов. В различных изданиях, посвященных Курильской десантной операции, в числе отдавших жизнь за Родину назывались также имена М. В. Власенко и П. Ф. Ударцева. С помощью школьников – красных следопытов и журналистов в 1963 году было установлено, что Петр Владимирович Бабич жив и работает на одном из предприятий Кишинева. Тогда же он был награжден орденом Отечественной войны I степени, а в дальнейшем за успехи на производстве получил еще одну правительенную награду – орден Трудового Красного Знамени. Позднее было выяснено, что наши медики вернули к жизни найденных на поле боя почти бездыханными Михаила Васильевича Власенко (за освобождение Курил он был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги») и Петра Филипповича Ударцева (награжден медалью «За отвагу»).

Первый из них живет и трудится в Хабаровском крае, второй – на Алтае.

Хотелось бы сказать доброе слово в адрес наших военных и работавших вместе с ними гражданских медиков. Особенno следует отметить мужество и отвагу полковых и корабельных врачей, батальонных и дивизионных фельдшеров, ротных и батарейных санинструкторов и санитаров, которые выносили раненых с поля боя, оказывали им первую помощь, направляли в медсанбаты И на плавучий госпиталь – пароход «Менжинский». Старшина медслужбы одного из полков — Кузнецов вынес с передовой линии фронта около 50 раненых. Отважно действовали под огнем противника воины санитарного взвода 2 батальона 302-го отдельного стрелкового полка во главе с фельдшером-лейтенантом медслужбы А. К. Шираем. Все они были награждены медалями, а их командир — орденом Красной Звезды.

Запомнились фамилии некоторых врачей той поры — хирурга Попова (эвакогоспиталь 1064), майора Г. М. Голуба (полевой подвижной госпиталь), капитана медслужбы А. Я. Серова (сторожевой корабль «Киров»), капитана медслужбы А. П. Минина (138-й стрелковый полк), капитана медслужбы Н. А. Колсанова (373-й полк), начмеда ПВМБ полковника медслужбы Г. В. Лонгинова, фельдшера-моряка — старшины Г. Д. Скляра и др. Им до сих пор благодарны те, кого они уберегли от смерти.

Был тогда и такой случай. Капитан медслужбы врач Г. П. Сказка (279-й артполк) был уже демобилизован из армии по состоянию здоровья, но упросил командование, чтобы его взяли в десант. Онrazil большую помощь раненым пехотинцам, морякам, пограничникам, за мужество и отвагу награжден орденом Красной Звезды.

Орденом Красной Звезды был награжден тогда и командир медицинской роты 131-го отдельного медсанбата 101-й дивизии старший лейтенант медицинской службы А. К. Панков (хирург по специальности). После демобилизации он уехал в Ростов-на-Дону, был заведующим отдела госпиталей облздравотдела, ведущим хирургом госпиталя инвалидов Отечественной войны, а в 1962 г. был назначен директором Ростовского научно-исследовательского онкологического

института, где и работает до сих пор. Ныне он доктор медицинских наук, профессор онкологии, автор многих научных работ, изобретений и рационализаторских предложений. К его боевой награде прибавились новые — ордена Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», медали. Он — член правления Всесоюзного общества онкологии, руководитель центра эпидемиологии рака СССР и стран СЭВ.

Женщина — судовой врач гражданского морского транспорта «Урицкий» — добровольно ушла в десант и самоотверженно спасала раненых при высадке и на поле боя. К сожалению, до сих пор не установлены ее фамилия, имя, отчество, откуда она родом. Известно лишь то, что пароход «Урицкий» был приписан к Мурманскому порту, но оттуда, на запрос школьников, красных следопытов, ответили, что и там нет о ней никаких сведений.

Выяснить это, как и основные биографические данные о многих других участниках освобождения Курильских островов, наш патриотический долг. Надо сделать все, чтобы можно было сказать: «Никто не забыт и ничто не забыто».

На каждом участке фронта наши воины проявляли массовый героизм, показывали высокие образцы мужества, отваги, самопожертвования. Старшина и парторг одной из рот 373-го стрелкового полка Н. Ф. Каржавин поймал на лету японскую гранату и бросил ее обратно на вражескую позицию. Ее взрывом убило пять японских солдат. В этом наши воины убедились, ворвавшись сразу же за этим взрывом в окоп противника. При этом они захватили в плен трех японцев. За мужество и отвагу храбрый старшина был представлен к награждению орденом Красного Знамени.

Тогда же краснофлотец В. И. Тюриков во время взрыва вражеской мины заслонил собой раненого замполита батальона морской пехоты майора А. П. Перма, а затем, будучи и сам раненным, переносил его с места на место, чтобы он мог руководить боевыми действиями! Такой же подвиг совершил матрос И. В. Волченко. Когда на лейтенанта Бычкова неожиданно напали выскочившие из кустов три японца, он, прикрыв собой командира, очередью из автомата уничтожил их. За самоотверженные действия отважные моряки были отмечены высокими правительственные наградами: первому из них

был вручен орден Отечественной войны I степени, второму – орден Красного Знамени.

В одном из ночных поисков воины 302-го отдельного стрелкового полка сержант З. С. Сираев, младший сержант Александров и рядовой В. Дулович совершили налет на одно из японских помещений, бросили туда гранату и в поднявшейся панике сумели схватить одного из выскочивших японцев, доставили его в свой штаб. Им оказался вражеский офицер; в его сумке находилось большое количество японских орденов, видимо предназначенных для вручения отличившимся самураям.

Отважно действовал тогда же моряк-разведчик Н. Т. Моторин. По обнаруженным им целям вели огонь наши боевые корабли. За мужество и отвагу он был удостоен ордена Красной Звезды, а за мирный послевоенный труд получил новые награды – орден Ленида, два ордена «Знак Почета», ряд медалей, в том числе и «За освоение целины».

– Нет предела стойкости и мужеству людей, когда они вдохновлены великими идеями, верностью Родине и народу. – Генерал задумался.

– Провал наступления вражеской пехоты, поддержанной танками, — продолжал он далее, — оказался совершенно неожиданным для японского командования. Но советские десантники подготовили ему в тот день еще один сюрприз: по приказу полковника П. А. Артюшина главные силы нашего десанта нанесли тогда решительный удар по японским позициям с фланга, а некоторые подразделения 373-го стрелкового полка зашли им в тыл. Противник вынужден был отойти на запасные позиции, понеся значительные потери. Контратака японских войск была сорвана и, что не менее важно, был основательно подорван их «самурайский дух». Японцы понесли большие потери в живой силе, артиллерию и другой боевой технике. На поле боя горело более 40 вражеских танков, в том числе и боевая машина командира танкового полка.

Большую помощь оказала нам и в этот раз корабельная артиллерия. Именно ее удары по огневым точкам, танкам противника и скоплениям его войск позволили командиру 3-го батальона 373-го стрелкового полка капитану В. И. Очеретному выйти в тыл вражеских

позиций. Когда же он и его заместитель по строевой части «были ранены, а начальник штаба батальона убит, командование взял на себя заместитель командира по политической части капитан С. К. Татаринцев. Он действовал смело, решительно, обеспечил выполнение боевой задачи и был награжден тогда орденом Красного Знамени. Отрадно сообщить, что многие наши политработники имели командные навыки и сумели использовать их в боевой обстановке.

Хочется также отметить, что капитан С. К. Татаринцев еще в гражданскую войну командовал эскадроном конницы в повстанческой дивизии Щорса, участвовал в разгроме махновских и петлюровских банд. После освобождения островов он был выдвинут на советскую работу и в течение ряда лет возглавлял Северо-Курильский райисполком Сахалинской области.

Во второй половине дня 18 августа отлично действовали авиаполки, эскадрильи, звенья 128-й смешанной авиадивизии. В этом была большая заслуга командира соединения подполковника М. А. Еремина и его ближайших помощников – начальника политотдела подполковника К. Е. Коваля, начальника штаба дивизии подполковника А. Ф. Самаркина и начальника его оперативно-то отделения майора Власова, старшего инженера дивизии майора технической службы В. А. Максимова, штурмана соединения подполковника М. А. Ибагулина. Однако было бы несправедливо умолчать при этом о значительной роли прежних командиров и политработников авиадивизии, которые вложили много сил, знаний и жизненного опыта в боевую выучку и воспитание ее командно-политического и всего летно-технического состава. Следует особо выделить и долго командовавшего этой авиадивизией полковника Петра Алексеевича Силаева, незадолго до разгрома империалистической Японии перемещенного на более высокую должность. Заслуживает доброго упоминания и ряд других командиров и политработников — майоры А. Ф. Кося, И. В. Котельников, А. И. Стальных, капитан Н. И. Лукьянченко и др. О них до сих пор с благодарностью и уважением отзываются многие их бывшие подчиненные.

128-я авиадивизия в течение длительного периода не меняла своего состава, в ее частях и подразделениях была хорошо поставлена

боевая и политическая подготовка, царила дружная товарищеская атмосфера, широко были развиты спорт и художественная самодеятельность, уделялось большое внимание идеино-нравственному воспитанию и улучшению быта рядового и сержантского состава. В этом направлении много и плодотворно работали не только командиры и политработники, но и их боевые подруги, женская общественность соединения: О. Ф. Бурасова, К. М. Максимова, Клавдия Середовская, О. Ф. Силаева, Н. Д. Шамрай и др. Подлинными энтузиастами этой работы были коммунисты и комсомольцы.

В боях за освобождение Курильских островов образцы мужества и отваги, высокого летного мастерства показали многие экипажи боевых машин, целых подразделений и частей. В их числе, кроме уже упомянутых ранее, хочется отметить всех тех, кто внес достойный вклад, в нашу общую победу. Называю их по старым записям, которые были сделаны вскоре после разгрома империалистической Японии: заместитель командира 903-го бомбардировочного полка капитан И. Т. Кормаков, командиры эскадрилий этого полка капитаны А. П. Копылец и Н. П. Швачко, старший лейтенант А. К. Разыграй, заместитель командира 888-го истребительного авиаполка по политической части капитан И. Н. Пирогов, начальник штаба этой же части майор П. В. Спасский, командиры авиаэскадрилий, их заместители – капитаны Б. Ф. Бурасов, Я. Н. Ефромеенко, И. Д. Мосин, А. И. Роговой, старшие лейтенанты В. С. Котлов, А. А. Старовойтов, И. Р. Шестеркин, старший адъютант (начальник штаба эскадрильи) – старший лейтенант Г. А. Воробьев, авиаинженеры и техники – капитаны технической службы Н. Н. Байдак, С. Ф. Гурылев, старшие лейтенанты технической службы Ф. И. Бочаров, Г. Ф. Луньков, Н. Ф. Львов и др.

Авиадивизия славилась своими летчиками – истребителями и бомбардировщиками, техниками, механиками, стрелками-радистами и другими специалистами, которые отлично знали вверенную им технику, безаварийно летали в любую погоду, днем и ночью, были замечательными спортсменами, победителями во многих соревнованиях, обладали высокими морально-политическими качествами, всегда и везде проявляли четкость,

дисциплинированность, бодрость духа и молодой задор. В служебной обстановке они, естественно, называли друг друга по присвоенным им воинским званиям, а в неслужебной — по имени и фамилиям.

На это не раз обращалось внимание командиров и политработников как на нарушение строгого порядка воинской субординации. Однако в частях и подразделениях в основном молодые летчики и техники продолжали оставаться такими, какими были: веселыми, дружными, неутомимыми в играх и развлечениях, а порой и бесшабашными в проявлении своих сил и способностей, особенно если рядом находились жены офицеров и девушки-военнослужащие — радиотехники, метеорологи, зенитчицы и их подруги из батальона аэродромного обслуживания. Но в то же время в каждом из них постоянно чувствовалась внутренняя собранность и немедленная готовность в любую минуту занять свое место в боевом экипаже или в кабине истребителя, показать высокий класс летного мастерства — на тактическом ли учении или в боевой обстановке. Встречаясь с некоторыми из них после войны, я так и не мог во многих случаях добиться от них, чтобы назвали отчество того или иного из своих командиров и подчиненных. А один летчик весело признался: «Что же тут особенного? Вот, к примеру, командир нашего 903-го бомбардировочного Шаповалов. На службе он для нас всегда — майор, а на футбольном поле, волейбольной площадке или на спортивной лыжне — просто Костя. Так уж было у нас заведено».

— Следы этого, — пояснил Алексей Романович, — несет на себе и одна из записей в моих блокнотах, относящаяся к беседе с этим летчиком. Вот она:

«Лучшие летчики и техники 128-й авиадивизии: Василий Котлов, Анатолий Янович, Иван Курбаков, Костя Моисеев, Леонид Черных, Анатолий Табаков, Младенский, Василий Хиль, Костя Малых, лейтенант Зайцев, Александр Иванченко, Николай Мельников, Иван Дергачев, лейтенант Федоров, Александр Медведев, Драгунов, Васильев. Авиатехники и механики: Климов, Яша Марковский, старшины-сверхсрочники Иван Цепдяев, Муравьев, Локотко. Механики по электрооборудованию — старшины-сверхсрочники Файзаханов, Николай Зеленков. Техник по вооружению Николай Чупиков».

Редкий случай в истории Великой Отечественной войны: за участие в боевых действиях по разгрому врага в одной лишь операции все летчики этого авиаединения, принимавшие участие в боях, были награждены орденами и медалями. Это были настоящие воздушные асы, и совсем не случайно, что многие из них стали в дальнейшем классными летчиками военной и гражданской авиации, далеко продвинулись по службе. Так, например, стали генералами авиации М. А. Еремин, Я. Н. Ефроменко и П. В. Снесарь. Их боевой друг и товарищ В. С.

Котлов ныне – полковник авиации, Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР, почетный гражданин Ханоя.

Хочется отметить образцовую боевую работу во время Курильской операции 2-го отдельного легкобомбардировочного морского пограничного авиационного полка (командир – подполковник В. А. Балясников, его заместитель по политической части – майор В. И. Потахин, начальник штаба майор А. П. Карягин).

Летно-технический и весь личный состав полка действовал четко, уверенно, обеспечил выполнение боевого задания – потопил японский пароход «Косаду-мару», отказавшийся следовать по указанному ему, курсу (он пытался вывезти с Камчатки рыбопродукцию и другие ценности). Тридцать семь командиров, летчиков, механиков и других специалистов были награждены, правительственные наградами. Командир авиаполка подполковник В. А. Балясников награжден двумя орденами Красного Знамени, майор В. И. Потахин – орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, майор А. П. Карягин – орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды.

– Но ряды участников войны редеют, – сказал генерал сразу как бы осевшим голосом, — и надо собрать о ветеранах как можно больше сведений, записать их биографии, воспоминания обо всем, что они видели, пережили, совершили в боях и в мирные дни. Какие это люди! Каждый из них – пример для нашей молодежи, образец стойкости и упорства, верности Родине, партии, присяге, воинскому боевому товариществу. Но вернемся вновь к событиям той давней, трудной и славной поры. В результате решительных действий главных сил десанта и вошедших в их состав подразделений передового отряда

сражение за ключевые позиции принесло нам тогда успех. На высотах 165 и 171 взвились красные флаги. Их водрузили многие пехотинцы, моряки и пограничники. В числе первых был парторг одной из рот 138-го стрелкового полка старший сержант Буграков.

В этом сражении, длившемся несколько часов, было взято в плен около 250 японских солдат и офицеров, захвачены три вражеские батареи, много подземных складов с боеприпасами, продовольствием и другим военным имуществом. Противник понес значительные потери.

А мощь нашего десанта все возрастала. Началась выгрузка артиллерии, бронемашин, боеприпасов, транспортных средств. В расположение главных сил прибыли командир десанта – командир 101-й дивизии генерал-майор П. И. Дьяков со своим штабом. Ему и его заместителю полковнику П. А. Артюшину стало легче управлять войсками, и они приняли ряд неотложных мер по укреплению боевых позиций частей и подразделений, наладили снабжение их всем необходимым.

Порфирий Иванович Дьяков — член КПСС с 1925 года, участник гражданской войны, прошел в рядах Советской Армии славный боевой путь от рядового бойца до генерал-майора. Добровольно вступив в апреле 1918 года во второй революционный полк на Северном Кавказе, он в дальнейшем служил в различных частях молодой Красной Армии, участвовал во многих боях, сражался под Царицыном, был трижды ранен. После одного из ранений и перенесенного тифа его признали непригодным к военной службе, но земляки — конники С. М. Буденного — взяли его с собой, посадив па пулеметную тачанку. Так он стал лихим кавалеристом, пулеметчиком, а затем и командиром пулеметного взвода 5-го эскадрона 20-го кавалерийского полка. В рядах 1-й Конной армии участвовал в разгроме Деникина и белополяков. А в мирные годы ему довелось занимать различные командные посты, учиться на курсах, окончить Академию химической защиты. К моменту назначения на Камчатку в 1943 году он уже имел немалый опыт командной и штабной работы, а непосредственно перед этим возглавил 40-ю ордена Ленина стрелковую дивизию.

Приняв командование 101-й стрелковой дивизией, генерал П. И. Дьяков закрепил все положительное, что было сделано его предшественниками (генералами А. М. Городнянским, С. Ф.

Можаевым, И. П. Пичугиным, бригадным комиссаром А. Ф. Шаровым и др.), много сил и энергии вложил в воспитание ее командно-политических кадров и совершенствование боевой и политической подготовки всего личного состава. Вместе с начальником политотдела подполковником, а затем полковником М. А. Алентьевым он обеспечил крепкую воинскую дисциплину, высокую боевую готовность всех частей и подразделений, авангардную роль коммунистов и комсомольцев в несении службы. Это было достигнуто напряженной работой командиров и политработников всех рангов, партийных и комсомольских организаций, и не только в процессе повседневных занятий в казармах, на плацах и миниатюрных полигонах, но прежде всего в процессе тактических занятий и маневров на местности, в условиях, максимально приближенных к боевым, с учетом опыта Великой Отечественной войны.

С образованием Камчатского оборонительного района (КОР) 101-я дивизия получила дополнительные возможности для совершенствования боевого мастерства всех своих частей, подразделений и служб в процессе взаимодействия с кораблями и береговой артиллерией Петропавловской военно-морской базы, летными частями и подразделениями 128-й авиадивизии, наземными и Морскими силами 60-го Камчатского морпогранотряда.

Выполняя указания вышестоящих органов, командование КОР готовило воинский гарнизон Камчатки к надежной обороне полуострова и размещало его основные силы на боевых участках, с учетом рельефа местности, где вероятнее всего могли появиться японские интервенты. Это следует особо подчеркнуть, потому что войска КОР по самой своей организационной структуре, вооружению и оснащению предназначались прежде всего для оборонительных действий. При этом к наступательным действиям готовилась лишь сравнительно небольшая часть сил и то в интересах маневра морем в рамках оборонительной операции (2-й батальон 138-го стрелкового полка и некоторые др.).

Такова была специфика поставленных перед нами задач в процессе всей нашей боевой подготовки, и это не могло не сказаться на быстроте, четкости и слаженности действий войск в обстановке иного рода – в условиях высадки массового десанта на необорудованное

побережье и наступлении на захваченном плацдарме, тем более, что готовилось все это в исключительно сжатые сроки.

— Было немало промахов и просчетов, — сказал далее А. Р. Гнечко, — которые мы осознавали сами, а впоследствии они были отмечены и более подробно проанализированы некоторыми исследователями Курильской десантной операции. Но, считаю необходимым подчеркнуть, поскольку речь зашла о 101-й стрелковой дивизии, что именно это соединение, составляло главную силу десантных войск вместе с моряками, летчиками и пограничниками обеспечило — с учетом всех благоприятных обстоятельств — поражение японских захватчиков в северной части Курил и последующее полное освобождение Курильских островов, до Урупа включительно.

С присущими ему боевой хваткой и командирским опытом П. И. Дьяков, добравшись до берега, изучил диспозицию войск батальонов и дивизионов, отдал приказ о подготовке к дальнейшим решительным действиям. Одновременно распорядился о подведении итогов боя, учете потерь, замене выбывших из строя командиров, улучшении взаимодействия с соседями, особо подчеркнув необходимость обеспечения стыков и флангов, усиления разведки. Побывал на передовой, проверил, как идет приведение в порядок частей и подразделений, обеспечение их питанием, встретился с солдатами и, где позволяла обстановка, поговорил с ними, лично убедился в их высоком наступательном порыве. В штабе дивизии отметил четкую работу штабных работников во главе с майором Ф. А. Слабинским и некоторые их упущения, утвердил и подписал соответствующие документы. Темп всей жизни соединения стал более четким и размеренным, личный состав почувствовал властную командирскую руку.

Большую работу провели в это время и, особенно в боевой обстановке, политработники всех родов и видов войск, участвовавших в операции, — пехоты, военно-морских сил, авиации, погранотряда. Но опять же, коль скоро мы ведем речь о 101-й дивизии, хочется отметить огромный объем работы, проделанной тогда в войсках ее политотделом во главе с полковником М. А. Алентьевым. Все работники его аппарата были распределены по решающим участкам, высаживались вместе с теми частями и подразделениями, в которые

они были заранее направлены, находились в их боевых порядках во время наступления на захваченном плацдарме и при отражении контратак японских танков.

На плечи М. А. Алентьева и находящегося почти постоянно вместе с ним инструктора политотдела по партинформации и кадрам старшего лейтенанта С. К. Юдина легла тогда вся тяжесть текущей работы политотдела. Они осуществляли руководство партийно-политической работой, обеспечивали оформление всей документации политотдела, информацию в вышестоящую инстанцию о проводимых в войсках партийно-политических мероприятиях (партийные и комсомольские собрания, прием в партию, пропаганда лучших образцов боевых действий, донесения о подвигах, потерях, заменах погибших политработников, выпуске боевых листков и т. п.). Высаживаясь на берег одним из первых, С. К. Юдин увидел, как осколком вражеского снаряда был убит наповал его друг и товарищ, секретарь политотдела старшина Павел Лызлов, весельчак и гитарист (он не расстался с инструментом, даже собравшись в десант). Помочь ему он уже ничем не мог, но спас находившийся при нем объемистый чемодан с политотдельскими документами.

Следует сказать, что старший лейтенант С. К. Юдин был ветераном 101-й дивизии, вырос в ней от рядового бойца до офицера — работника политотдела соединения и поэтому хорошо знал ее политработников, партийный актив, командный и рядовой состав. Сразу же после высадки на берег он, скрытно продвинувшись на линию фронта, установил там личный контакт с замполитом передового отряда, своим другом-политотдельцем старшим лейтенантом В. А. Котом, секретарем парткомиссии политотдела майором Ф. И. Кузьминым, замполитами 138-го и 373-го стрелковых полков майорами П. Н. Да выденко и А. И. Моргослепенко, замполитом 119-го отдельного саперного батальона Ф. М. Потехиным и другими. С их помощью инициативный политработник обеспечил постоянную информацию политотдела КОР и своего начподива о ходе боевых действий, героических подвигах, политико-моральном состоянии войск. По этим материалам были представлены к награждению орденами и медалями многие солдаты, сержанты, старшины и офицеры.

Все работники этого политотдела были награждены тогда орденами и медалями. И это вполне справедливо: именно они обеспечили авангардную роль тысячи коммунистов, более четырех тысяч комсомольцев на всех этапах Курильской десантной операции и вместе с ними личным примером вдохновляли всю массу десантных войск на самоотверженную борьбу с врагом.

Хочется особо отметить еще одного, весьма скромного политотдельца этого соединения майора Е. М. Захарова — заместителя начподива. За образцовое выполнение служебно-боевых обязанностей и активную помощь фронту Е. М. Захаров был награжден тогда орденом Отечественной войны II степени.

Надежным помощником командования и политотдела соединения была дивизионная газета «Верный сын Родины» (редактор — майор Н. П. Наумов). Ее работники—заместитель редактора старший лейтенант С. Ф. Булгаков и литературный работник лейтенант Михаил Игнатовский находились непосредственно в боевых порядках войск. Не расставаясь с оружием, с помощью бойцов-военкоров они снабжали газету оперативными материалами о ходе боевых действий и подвигах советских воинов в борьбе за освобождение Курильских островов, а их наиболее трудолюбивый товарищ — ответственный секретарь редакции лейтенант Ф. Л. Соболев обеспечивал своевременный выпуск и оформление газеты. Все они и начальник типографии сержант Н. С. Кутузов были награждены орденами и медалями.

Так же напряженно выполняли свои боевые и партийно-политические задачи работники политотделов Петропавловской военно-морской базы, 128-й авиадивизии, 60-го Камчатского морпогранотряда. Достойный вклад внесли в это и журналисты их газет — «За Родину», «Воздушный часовой», «Пограничник Камчатки».

Алексей Романович перелистал документы и схемы на столе и, словно возвращаясь к чему-то давнему, продолжал:

– В 20 часов 18 августа я приказал войскам овладеть к исходу 19 августа всем островом Шумшу. Задача войск КОР, говорилось в этом приказе, остается прежней: овладеть островами Шумшу и Парамушир.

Особенно напряженной была ночь с 18 на 19 августа у артиллеристов, которым предстояло к началу намеченного на утро наступления выгрузить с кораблей и транспортов технику и многое

другое. В условиях ограниченной видимости, волнения на море, нехватки плавединиц, а в ряде случаев и под огнем еще не подавленных огневых точек противника действовали сотни людей – от рядовых солдат и лебедчиков транспортных средств до старших общевойсковых и артиллерийских начальников. На урезе воды тяжелую технику вручную выкатывали и выносили на крутой обрывистый берег, увозили на линию фронта, а большую часть боеприпасов маскировали здесь же от воздушных налетов японских самолетов и создавали охрану для отражения возможных вылазок вражеских диверсантов.

Вочных условиях были потери в людях и технике, однако с началом дня на огневых позициях 279-го артиллерийского полка (командир – подполковник А. К. Тарасов) и 428-го гаубичного артполка (командир – подполковник И. Я. Пирогов) уже находилось до десяти орудийных расчетов со своей боевой техникой, а на подходе к фронту – батареи различного назначения, полковые пушки, гаубицы, противотанковые пушки, тяжелые минометы,

В эту труднейшую ночь отличились многие бойцы, командиры и политработники. В их числе: начальник артиллерии 138-го стрелкового полка капитан Г. К. Марченко и командир батареи этого полка старший лейтенант П. А. Зверев; заместитель командира 279-го артполка капитан Н. И. Яковлев, командир 2-го дивизиона капитан А. М. Бочков, его замполит В. А. Зоточкин, начальник военно-технической службы (помпотех) этого же полка старший лейтенант Н. В. Павленко; командир противотанковой батареи 302-го отдельного стрелкового полка старший лейтенант Н. К. Луб; начальник артиллерии 373-го стрелкового полка капитан А. М. Котов и командир минометной роты этого полка Г. Трифонов-помпотех 428-го гаубичного артполка капитан В. М. Виноградов, парторг полка капитан С. Н. Павлов и замполит одного из дивизионов А. Е. Павлюченко; мичман военно-транспортного корабля «Емельян Пугачев». А. И. Савельченко; члены экипажа плавбазы «Север», работавшие на лебедках: старший матрос С. В. Сазонов и мичман И. К. Брылев; начальник артиллерии 101-й стрелковой дивизии подполковник Ф. В. Харитонов и др. Все они были награждены орденами и медалями. Организатор всей этой работы, начальник артиллерии КОР полковник

Федор Петрович Колпачев был награжден орденом Кутузова II степени и досрочно получил звание генерал-майора артиллерии.

Много мороки доставляла тогда десантникам высадка лошадей — основной тягловой силы полевой артиллерии.

Оставшиеся в строю десантные суда стали подходить к кораблям и транспортам для приемки лошадей. Вначале брали на борт каждого судна до десятка животных, а затем — до тридцати, размещая их на нижней палубе и даже в кубриках. Все это значительно ускорило высадку, а главное — доставку артиллерии к линии фронта.

Одновременно делалось все необходимое к переброске с Камчатки наших резервов — 198-го стрелкового полка, 7-го отдельного стрелкового батальона, двух отдельных артиллерийских дивизионов. Личный состав десантных войск был готов по первому приказу командования начать решительное наступление с целью полного уничтожения вражеских сил и возвращения Отчизне и народу нашей родной земли — Курильских островов.

Однако утром 19 августа положение резко изменилось: на разных участках фронта появились японские парламентеры с белыми флагами.

ПЛЕНЕНИЕ И КАПИТУЛЯЦИЯ ПРОТИВНИКА

Командование северной группировкой японских войск на Курильской гряде, как оно признавалось в этом позднее, после капитуляции, считало свои оборонительные сооружения на острове Шумшу неприступными не только для пехоты, но и для танков. Сокрушение этих преград сравнительно малочисленными силами Камчатского гарнизона буквально ошеломило противника, привело его в смятение. К этому времени войсками трех наших фронтов — Забайкальского, Первого и Второго Дальневосточных — была разгромлена Квантунская армия в Маньчжурии, освобождены от японских захватчиков Северная Корея и Южный Сахалин. Курильские острова оставались последней преградой к полной победе нашей страны и наших Вооруженных Сил над империалистической Японией. И мы, все участники Курильской десантной операции, счастливы и горды тем, что именно нам довелось поставить последнюю точку в этой справедливой освободительной войне.

Хотелось узнать подробности этого знаменательного события, и я спросил:

— Как же начались и проходили переговоры о капитуляции с командованием японских войск в боевой обстановке, сложившейся на острове Шумшу? Верили ли вы в искренность намерений противника?

— Коварные повадки врага, — ответил генерал, — мы, конечно, знали. Но он уже испытал на собственной шкуре силу наших ударов. И если о том, что происходило на фронтах в Маньчжурии, Корее и Южном Сахалине японские военачальники на Курилах знали лишь по сообщениям радио, то при высадке нашего десанта и в боевых действиях на захваченном нами плацдарме они могли получить более конкретное представление о боевой мощи Советской Армии и нашего Военно-Морского Флота, каковы подлинные боевые качества наших воинов, командно-политического состава. Кроме того, в это время им стало известно сообщение японского правительства о безоговорочной капитуляции перед вооруженными силами союзников. Но и в этих условиях противник вел себя нагло и вызывающе.

Утром 19 августа мы услышали сообщение радио о полной и безоговорочной капитуляции японских войск перед советскими войсками. Это вызвало ликование у наших воинов, но они не потеряли бдительности. На различных участках фронта они заметили необычное движение в стане противника. В одном случае из японской траншеи, противостоящей нашим пограничникам, поднялись в полный рост три фигуры в плащпалатках с белым флагом и стали размахивать им. Навстречу этой группе были посланы два бойца-пограничника, чтобы проводить ее в наш штаб. Но, как только они приблизились к японским позициям, по ним был открыт ружейный и пулеметный огонь. В ответ на эту провокацию наши войска поднялись в атаку и потеснили противника, нанеся ему значительные потери.

На другом участке вскоре после этого появилось несколько японских офицеров также с белым флагом. Они двинулись к нашим позициям и, размахивая полотнищем, вызывали советских парламентеров. Генерал П. И. Дьяков послал навстречу им своего заместителя полковника П. А. Артюшина и майора-пограничника П. И. Реву с переводчиком-японистом. Встреча произошла на нейтральной полосе. Учтиво козыряя и подобострастно раскланиваясь, японские

представители заявили о готовности их командования вести переговоры о заключении перемирия и порядке сдачи оружия советским войскам. Однако они не предъявили никаких официальных документов, и поэтому им было сказано, что переговоры с ними могут быть продолжены лишь по предъявлении соответствующих полномочий или письма японского командования. Была назначена новая встреча.

В обусловленный срок японские парламентеры не появились. Стало ясно, что противник выжидает, пытается выиграть время и, возможно, готовит новую провокацию. Надо было заставить его действовать в духе приказа японского императора. Напомнить об этом противнику изъявил готовность начальник политотдела 101-й стрелковой дивизии полковник М. А. Алентьев. После некоторых колебаний генерал Дьяков принял это предложение. И вот уже несколько наших офицеров и бойцов во главе с начподивом па машине, с флагом парламентеров, направились за линию фронта – в расположение вражеских войск. Они скрылись из виду. Наступило томительное и тревожное ожидание: когда, и вернутся ли наши товарищи, ведь от коварных и наглых самураев можно было ожидать всякое. Однако противник не посмел пойти ни на какие новые выходки, и наши посланцы возвратились с сообщением о том, что японские представители через полчаса будут в указанном им месте.

С небольшим опозданием японские офицеры прибыли в назначенный пункт во главе с капитаном Ямато. Он заявил, что представляет командира 73-й японской пехотной бригады, командующего гарнизоном войск на Шумшу, который просит советское командование прекратить всякие боевые действия, начать переговоры о капитуляции. Никакими документами о своей миссии он также не располагал, и ему было популярно разъяснено, что переговоры советское командование будет вести только с представителем высшего японского командования в северной части Курильских островов и что для их началанужно личное официальное сообщение об этом командира 91-й японской пехотной дивизии генерал-лейтенанта Цуцуми Фусаки.

Только после этого в расположение наших войск прибыли для переговоров официально уполномоченные командир 73-й японской

пехотной бригады генерал-майор Сузино Ивао, начальник штаба 91-й пехотной дивизии противника полковник Янаока Токедзи и подполковник Кончитани Муонори. Они вручили генералу Дьякову для последующей передачи мне текст сообщения командующего японскими войсками в северной части Курильских островов, командира 91-й японской пехотной дивизии Цуцуми Фусаки на имя «Командующего советскими войсками в северной части Курильских островов». Он гласил:

«Наши войска получили свыше следующий приказ:

1. Войскам сегодня, 19 числа, к 16.00 прекратить всякие боевые действия.

Примечание: оборонительные действия, предпринимать которые мы вынуждены в связи с активным вторжением противника, не являются боевыми действиями.

2. Наши войска на основании этого приказа сегодня, 19 числа, в 16.00 прекращают всякие боевые действия.

Примечание: если после этого наши войска будут атакованы, я на основании упомянутого приказа возобновлю оборонительные действия.

3. Поэтому прошу ваши войска к 16.00 прекратить боевые действия.

Командующий японскими войсками в северной части Курильских островов»¹

Тогда же японские парламентеры передали нашей стороне письменное заверение командира 91-й пехотной дивизии о том, что японские войска, располагающиеся на островах Шумшу, Парамушир, Онекотан, с 9 часов 19 августа прекращают всякие боевые действия, согласны на капитуляцию.

После ухода вражеских посланцев мы усилили наблюдение за тем, что делается в войсках противника. Было установлено, что из глубины обороны японцы подтягивают к линии фронта пехотные подразделения, артиллерию, танки. Мы вновь убедились в том, что противник с какой-то целью затягивает капитуляцию, не складывает оружия. В связи с этим я приказал генералу Дьякову укреплять нашу

¹ Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. М.; Наука, 1969, изд. 2-е, стр. 184.

оборону, совершенствовать боевые порядки, быть в постоянной готовности к наступлению.

К этому времени штаб КОР изучил обращение Цуцуми Фусаки и подготовил ответ на него. Завизировав этот документ, я поручил доставку его полковнику П. А. Артюшину, моему консультанту по морским вопросам – представителю Петропавловской военно-морской базы капитану 3 ранга В. С. Денисову, начальнику штаба Камчатского морпогранотряда майору П. Д. Ковтуну и представителю управления КОР старшему лейтенанту И. Н. Сабашвили. Вручив наш ответ генерал-майору Сузино Ивао для дальнейшей передачи генерал-лейтенанту Цуцуми Фусаки, они предупредили японскую сторону, что советское командование ожидает от японского командования срочных и действенных мер по выполнению требований врученного им письма. В нем говорилось:

«Ваш текст сообщения, переданный через парламентера, получен в 14.00 19 августа с. г.

Боевые действия прекращаются при условии:

1. Немедленно прекратить всякое сопротивление.
2. Немедленно отдать приказ своим войскам о сдаче оружия советским войскам на местах.
3. Всех солдат и офицеров для передачи в плен на острове Шумшу к 24.00 местного времени 19 августа с. г. собрать в районе 8 км северо-восточнее Катаока, а на о. Парамушир — в 5 км севернее Касивабара -20.8.45.
4. О сдаче в плен остальных солдат и офицеров с других островов будет указано дополнительно.
5. Ответственность за сохранность и исправное состояние вооружения, сооружений как сухопутных, так и морских (складов, портов) по состоянию на 16.00 19.8 возлагаю на вас»¹.

В этом нашем ответе предписывалось японскому военно-морскому командованию представить советской стороне план режима плавания судов вдоль восточного и западного побережий Курильских островов со схемами минных заграждений, а также документы по заминированию участков на суше, портах, сооружений и зданий. В заключение в нем указывалось, что всем японским офицерам, солдатам

¹ Финал. Стр. 285.

и населению гарантируется безопасность жизни и сохранение личного оружия невоенного образца. Было определено точное место и время новой встречи представителей сторон.

В связи с началом переговоров боевые действия на линии фронта прекратились, но тишина была обманчивой. Каждая из сторон внимательно следила за другой, и там, где японцы пытались мелкими группами атаковать наши позиции, возникали короткие ожесточенные стычки. Но командиры наших частей и подразделений внимательно следили за тем, чтобы мое распоряжение о прекращении огня — на время переговоров — соблюдалось повсеместно.

Получив донесение от генерала П. И. Дьякова о том, что японская сторона известила о выезде своих представителей в расположение наших войск в установленное им время, я покинул плавучий командный пункт («ТЩ-334») и высадился на берег. На этот раз японцы были точны. В 16 часов мы встретились с ними у специально поставленного стола на открытой небольшой возвышенности, неподалеку от места высадки нашего десанта. Отсюда хорошо были видны панорама недавних боев, подбитые и сожженные японские танки. Вместе со мной были генерал П. И. Дьяков, полковники М. А. Алентьев, П. А. Артюшин, подполковник Ф. А. Слабинский, майоры П. Д. Ковтун и П. И. Рева, капитан 3 ранга В. С. Денисов, офицеры штаба и политотдела 101-й дивизии.

Японскую сторону представлял генерал-майор Сузино Ивао, прибывший с группой офицеров своего штаба. Он имел должным образом оформленные полномочия на подписание условий о капитуляции (с нашей стороны я поручил подписать их командиру десанта генерал-майору П. И. Дьякову). Японцы пытались затянуть переговоры под предлогом плохого знания русского языка и якобы неясности для их переводчика отдельных выражений в том документе, который им надлежало подписать. Но, по существу, у них не было выбора: либо подпишут, либо разделят участь тех японских войск, которые к тому времени уже были полностью разгромлены в Маньчжурии, Северной Корее, на Южном Сахалине. Чтобы прекратить эту недостойную игру противника, я поставил перед японским генералом вопрос ребром.

— Готовы ли, — спросил я его, — представители японских войск подписать условия капитуляции, сложить оружие и сдаться в плен?

Японский переводчик передал своему начальнику мои слова, но тот делает вид, что до него не доходит их суть. Переспрашивает, пожимает плечами, как-то странно оглядывается по сторонам, словно ищет помощи и поддержки у своих офицеров. Лицо надменное и непроницаемое. Надо было прекратить это кривляние, и по моему знаку полковник Алентьев выдвинул вперед одного из лучших наших знатоков японского языка, инструктора политотдела лейтенанта Бориса Кремянского. Он на чистейшем японском языке повторяет мой вопрос Сузино Ивао и спрашивает его, что тому непонятно в тексте условий о капитуляции или в заданном вопросе.

Глава японских парламентеров стал объяснять, что не может лично принять окончательное решение и должен согласовать свой ответ и получить дополнительные инструкции от своего командующего генерал-лейтенанта Цуцуми Фусаки. Надо было выбить у противника и этот лживый довод, и я попросил нашего переводчика передать японцам мое требование: либо они принимают условия капитуляции, либо я приказываю нашим войскам открыть по ним сокрушительный огонь из всех видов оружия и одновременно используя для удара по их позициям вес силы нашей авиации. Видимо, японский переводчик сумел бегло передать своему генералу, о чем я веду речь с лейтенантом Кремянским, и тот быстро уловил ее смысл, потому что буквально в следующий момент с лица японского генерала сошла маска непроницаемости и надменности, и он вдруг торопливо и растерянно произнес:

— Да-да, согласны. После этого состоялось подписание условий капитуляции 91-й японской пехотной дивизии, оборонявшей острова Шумшу, Парамушир и Онекотан. Японская сторона была ознакомлена с планом плена японских гарнизонов, составленным моим штабом на основании только что подписанного документа. Тогда же 128-я авиадивизия получила задачу: перебазировать утром 20 августа один полк на тот аэродром на Шумшу, который мы не бомбили. Петропавловская военно-морская база должна была в этот же день перевести часть своих кораблей в бухту Катаока. Японское командование согласилось способствовать этому и, в частности,

выделить для проводки наших кораблей и судов специального лоцмана, который должен был ждать их на подходе к Катаока в определенном месте.

Церемония подписания условий капитуляции завершилась моим строгим напутствием представителям японской стороны:

– Вы свободны. Выполняйте условия капитуляции. В течение дня 19 августа и в ночь на 20 августа ваши части и подразделения занимали прежние позиции на линии фронта и готовились к наступлению на Катаока. Одновременно продолжалась интенсивная выгрузка артиллерии, боеприпасов и подача их к переднему краю. К исходу этого дня я отдал приказ войскам о разоружении и пленении 20 августа японских войск на Шумшу, высадке части наших сил в северо-западную зону побережья Парамушира, а также на восточное побережье Онекотана и завершении полного освобождения этих островов к исходу 21 августа. Одновременно были даны указания о сосредоточении в районе мыса Лопатка 7-го отдельного стрелкового батальона и подготовке его к переброске на острова.

В соответствии с условиями капитуляции, 20 августа в 7 часов утра отряд наших кораблей и транспортов с десантниками на борту, во главе с тральщиком «ТЩ-525» направился во Второй Курильский пролив со стороны Охотского моря. Ядро отряда составляли сторожевой корабль «Киров» и минный заградитель «Охотск», военный транспорт «Емельян Пугачев» и гидрографическое судно «Полярный». По разработанному порядку на подходе к проливу их должен был встретить на катере японский лоцман, чтобы провести к военно-морской базе Катаока, минуя возможные минные заграждения и подводные камни на подступах к ней. Однако лоцмана на месте не оказалось. Возглавивший отряд капитан 1 ранга Д. Г. Пономарев, державший свой командный пункт на «Кирове», решил следовать дальше самостоятельно, повысив боеготовность. Кораблям было приказано усилить наблюдения за морем, воздухом, и берегами пролива.

Туман к этому времени рассеялся, и наблюдатели в своих «гнездах» на мачтах могли хорошо видеть все, что происходит на обозреваемом пространстве. Вдруг флагманский сигнальщик доложил:

— Вижу японские батареи и укрепления на берегу. Возле батарей японские солдаты.

Наш отряд продолжал идти своим курсом. А сигнальщик вскоре сообщил:

— Вижу движение у японских батарей. Выходим на траверз батарей.

— Усилить наблюдение, — приказал командир отряда.

Через несколько минут последовал новый доклад сигнальщика:

— Японские солдаты скрылись. Не видно ни одного человека.

Эти слова заглушил гром орудийных выстрелов справа, со стороны мыса Арима (остров Парамушир). Вслед за этим беглый огонь по нашему отряду открыли еще три японские батареи: одна — с той же стороны и две — слева, со стороны Шумшу. Особенно мощным был огонь из района озера Беттоби, где располагался японский полк крепостной артиллерии и мортир. Вблизи наших кораблей и судов взметнулись фонтаны воды от взрывов, а некоторые снаряды достигли цели.

— По японским провокаторам огонь из всех орудий! — приказал капитан 1 ранга Д. Г. Пономарев и немедленно сообщил о случившемся мне на тральщик «ТЩ-344» — он в это время находился в районе высадки, там, где стояла на рейде основная масса транспортов в готовности к приему войск для переброски их на Парамушир и Онекотан. Я ответил немедленно: «Действуйте по обстановке — смело и решительно. Выходите из зоны огня. Для ответных действийзываю авиацию».

А в районе вражеской провокации разгорелся тяжелый бой. При этом наши морские силы оказались в крайне невыгодном положении: они находились как на ладони, в пристреленном квадрате, а вражеские батареи были глубоко упрятаны в толщу скал и прикрыты железобетонными капонирами.

Боевые корабли отряда немедленно дали ответные залпы по береговым батареям противника. Через три минуты удачными артиллерийскими выстрелами комендров «Охотска» была подавлена вражеская батарея в районе мыса Арима, но остальные продолжали вести по нашим кораблям и судам прицельный огонь. Минный заградитель «Охотск» получил два прямых попадания в борт и палубу.

У сторожевого корабля «Киров» было повреждено рулевое управление.

Командир «Кирова» капитан 3 ранга И. Д. Сизов и его помощник штурман корабля капитан-лейтенант Н. Д. Савенко перешли на ручное управление, продолжая уверенно маневрировать в зоне обстрела и руководить боевыми действиями. Командир артиллерийской части корабля старший лейтенант П. В. Солодов под огнем противника обеспечил успешную работу комендолов, и они вели непрерывный огонь по вражеским батареям. Особенно четко действовали орудийные расчеты старшины 1 статьи П. И. Лаврентьева и старшин 2 статьи Г. И. Ведерникова и В. А. Вершинина. Под руководством инженер-капитана И. Г. Лагоши задевались пробоины, исправлялись вышедшие из строя механизмы, повреждения электропроводки. Обеспечили отважные действия воинов своих боевых постов мичманы А. П. Кирочкин (группа электриков) и А. В. Самохрапов (главный боцман), главстаршины И. С. Кокарев (группа трюмных машинистов), В. Д. Немышев (группа мотористов), старшины 1 статьи – командир отделения пулеметчиков С. И. Бердяев, И. А. Шумарин (зенитный дивизион), старшины 2 статьи Г. Р. Гонтарь (группа штурманских электриков), Н. В. Титов (группа комендолов), старшие и строевые краснофлотцы Х. Г. Ба'зянов, А. Г. Ганжук (комендоры), командир отделения гидроакустиков Ф. И. Швеин. Четко и слаженно обеспечивали бесперебойную работу двигателей командиры правого, левого и среднего дизелей – старшина 1 статьи Власов (парторг электромеханической части), старшина 2 статьи Молчанов и старший краснофлотец А. А. Григорьев.

Как и во время высадки десанта, на всех боевых постах у орудий и механизмов пример мужества и отваги показывали коммунисты и комсомольцы. Парторг штурманской боевой части старший матрос Н. Н. Турчанинов в боевой обстановке на открытом мостике надежно обеспечивал связь по семафору с другими кораблями. Старшина 2 статьи коммунист М. П. Козлов (командир отделения химиков) и комсомолец Елисеев в нужный момент быстро поставили дымовую завесу. Коммунист моторист И. З. Шостак, будучи раненным, продолжал оставаться на своем боевом посту. Ему и другим морякам, получившим ранения, непосредственно под обстрелом оказывал

необходимую помощь капитан медицинской службы А. Я. Серов. В артиллерийских расчетах, на палубе и в трюмах, проявили мужество и отвагу, старшие и строевые краснофлотцы Иванов, Калакин, Капуста, Ларионов, Левченко, Продун и другие. Многие моряки-пограничники сторожевого корабля «Киров» были удостоены тогда правительственные наград. Командир корабля капитан 3 ранга И. Д. Сизов и его заместитель по политической части капитан-лейтенант И. Л. Лейбович были награждены орденами Красного Знамени, инженер-капитан И. Г. Лагоша — орденом Отечественной войны I степени, главный боцман корабля мичман А. В. Самохрапов — орденом Красной Звезды.

Самоотверженно сражались в этом бою моряки-тихоокеанцы минного заградителя «Охотск». Умело и отважно руководили их боевыми действиями командир корабля капитан-лейтенант В. К. Моисеенко, командиры боевых частей: штурманской—старший лейтенант Ю. Э. Салоники, в прошлом моряк торгового флота, артиллерийской — капитан-лейтенант П. П. Трофимов, электромеханической — инженер-лейтенант В. А. Мандор и др. Их подчиненные прошли на корабле большую выучку, и многие овладели несколькими специальностями, могли, заменять друг друга на боевых постах. Это было особенно важным в батарее орудий главного калибра (130 мм), где штатный расчет по готовности № 1 пополнялся номерами из других боевых частей. Следует также иметь в виду, что при стрельбе из этих тяжелых орудий снаряд и заряд подавались в их ствол раздельно, поэтому в ходе боя должна была быть постоянная и четкая согласованность в действиях всего расчета. Такая проверка слаженности возникла в один из моментов боя, когда в третьем орудии (командир — старшина 1 статьи П. Ф. Громов) вдруг произошло заклинение снаряда. Из-за этого заряд не входил в камеру. Все это могло привести к сбою в стрельбе, но не растерялся замковый И. С. Курганов. Быстро схватив нож, приготовленный заранее на всякий случай, он разрезал заряд пополам и тут же закрыл замок. Последовал очередной выстрел. Но какого напряжения воли и душевных сил стоил он отважному воину!

Вскоре осколком вражеского снаряда на этом же орудии была разбита гальваническая коробка, прервалась гальваническая цепь.

Курганов и на этот раз нашел быстрый выход из трудного положения. Он немедленно перешел на ударное стреляющее приспособление, и орудие без помех продолжало вести огонь. Новый близкий разрыв японского снаряда вывел из строя механизм досылителя — была выбита защелка и погнут валик. На этот раз отличился досылающий Мельниченко — он сразу же перешел на ручную досылку снарядов: ловко и быстро ставил защелку на место и таким образом заряжал орудие. В короткий перерыв между стрельбой он устранил повреждение.

В этом бою отважно действовали и многие другие моряки боевого экипажа «Охотска». Так, например, в расчете первого орудия главного калибра (командир — старшина 1 статьи К. Ф. Шабалов) наводчик В. М. Баранников, будучи раненным и обливаясь кровью, не только не покинул боевой пост, но и заменил одновременно двух других, вышедших из строя бойцов расчета. Наводчик зенитного орудия П. А. Матвеев не снял руки со штурвала даже тогда, когда ее пронзило несколько осколков. Получив тяжелое ранение, остался на боевом посту В. А. Забродин — наводчик второго орудия главного калибра (командир — старшина 1 статьи В. К. Куликов).

Накануне Курильской десантной операции партийная организация корабля приняла в свои ряды матросов-комендоров Деткина, Колчина и Курганова. Они оправдали оказанное им высокое доверие — сражались стойко, отважно и были удостоены тогда правительственные наград.

Прикрывая отход из зоны обстрела других кораблей и судов, «Охотск» оказался под основным ударом японских орудий. Он получил ряд повреждений: были выведены из строя рулевое управление, электротелеграф центральное освещение, одна из лебедок. Чтобы подготовиться к очередному маневру для выхода из-под обстрела кораблю надо было круто развернуться, но при медленном ручном управлении в условиях узкого пролива это угрожало опасностью быть выброшенным на берег. Блестяще справились с трудной задачей рулевые «Охотска» во главе со своим командиром старшиной 1 статьи И. М. Онопченко, штурманский электрик старшина 1 статьи Н. Н. Артамонов, помогавшая им боцманская команда во главе с мичманом Евдокимом Васильевым.

В этот критический момент корабль подвергся атаке внезапно вынырнувшего из облаков японского самолета-торпедоносца. По нему был открыт сильный огонь из двух зенитных орудий и шести крупнокалиберных пулеметов. Спасаясь от гибели, японский летчик-смертник не смог произвести точного расчета, и его торпеда не достигла цели, прошла в трех метрах от борта. Сыграло в этом немалую роль и то, что маневрирование кораблем в этот момент лично осуществлял его командир капитан-лейтенант В. К. Моисеенко. За мужество и отвагу он был награжден орденом Нахимова II степени.

Зенитчики «Охотска» потеряли в этом бою одного из лучших своих товарищей — командира пулеметной крупнокалиберной установки старшего краснофлотца Н. М. Бушевна. Его комсомольский билет был пробит тремя осколками вражеского снаряда.

Боевой экипаж «Охотска» имел хорошую политическую, специальную и физическую подготовку, умело действовал в любой обстановке, был образцом дисциплинированности, спаянности, высоких идеально-нравственных качеств. В этом была немалая заслуга и тех офицеров, которые длительное время готовили его к боевым действиям, но незадолго до начала десантной операции были переведены на другие должности: прежнего командира корабля капитан-лейтенанта Н. М. Нечипорова и его заместителя по политической части старшего лейтенанта А. А. Шавенкова.

Хорошо организовал партийно-политическую работу в боевой обстановке заместитель командира корабля по политической части младший лейтенант Н. Е. Гусев. Активными его помощниками в этом были партбюро корабельной парторганизации во главе с химистом 2-го класса старшиной 1 статьи А. С. Суворковым, партийный актив. Вместе с замполитом партбюро обеспечило правильную расстановку коммунистов на решающих участках. В боевой обстановке А. С. Суворков, будучи тяжело раненным, побывал на всех боевых постах, поддерживал боевой дух моряков, помогал корабельному врачу лейтенанту Фомину и санинструктору Владимиру Сиротенко в уходе за ранеными. По его инициативе член партбюро, артиллерийский электрик старшина 2 статьи А. П. Казанцев был на время боевых действий включен в расчет второго орудия главного калибра, исполнял в нем обязанности заряжающего и замкового. Такое же

задание — быть среди моряков штурманской части и воодушевлять их личным примером — получил и другой член партбюро — начфин корабля главстаршина И. Ф. Аникеев. Во время боя под огнем противника он активно помогал аварийной группе в устраниении повреждений рулевого управления и электропроводки. За храбрость и мужество, достойный вклад в победу над врагом А. С. Суворков и А. П. Казанцев были награждены орденами Красной Звезды, И. Ф. Аникеев — орденом Отечественной войны I степени. Замполит корабля младший лейтенант Н. Е. Гусев был удостоен ордена Красного Знамени.

Большую помощь попавшему в беду «Кирову» и ведущему бой «Охотску» оказал в этой схватке с врагом сторожевой корабль «Дзержинский». При его огневой поддержке и под прикрытием дымовых завес «Киров», «Охотск» и другие корабли и суда успешно вышли из-под обстрела японских батарей в безопасное место, а затем присоединились к главным силам. В 11 часов 15 минут они стали на якорь в Первом Курильском проливе. Наглая провокация японской военщины во Втором Курильском проливе стоила нам немалых жертв. На одном лишь «Охотске» трое были убиты и двенадцать моряков получили ранения. Наши десантники, занимавшие боевые порядки на рубеже высот 165 и 171, в ответ на вероломство врага в 13 часов нанесли внезапный удар. Порыв воинов был настолько высок, что противник, несмотря на мощные оборонительные сооружения, был отброшен на 5—6 километров в глубь острова. Из-за густой и низкой облачности наша авиация поддержать эти боевые действия не смогла. Но советские бомбардировщики и истребители нанесли тогда мощный удар по военно-морским базам Катаока и Касивабара, по скоплениям резервных войск и техники противника. За время Курильской десантной операции наша авиация совершила почти 350 самолетовылетов, вывела из строя на Шумшу и Парамушире ряд важных военных объектов, нанесла значительный урон противнику в живой силе и технике.

В ходе Курильской десантной операции 23 августа командование 128-й авиадивизии провело успешное перебазирование с Камчатки на аэродром у Катаока 888-го истребительного полка. При этом было все до мелочей продумано, чтобы отразить любые попытки противника

воспрепятствовать этому. Молниеносно на аэродром был высажен десант автоматчиков (командир бомбардировщика — капитан Н. П. Швачко, командир опергруппы — начальник штаба истребительного полка майор П. В. Спасский). Было проведено прочесывание всех подступов к летному полю, служебных помещений, захвачена в плен японская охрана и выставлена своя, установлена радиосвязь с командованием дивизии. Лишь после этого был дан сигнал истребительным эскадрильям, находившимся на подлете к Шумшу, о готовности к их приему; обеспечили успешную посадку всех самолетов авиаэскадрилий их командиры — капитан Я. Н. Ефромеенко, старшие лейтенанты В. С. Котлов и Н. А. Белогородцев. Завершающую группу истребителей привел командир полка майор П. В. Слесарь. Несмотря на сложности перелета (туман, густая и низкая облачность), все самолеты благополучно произвели посадку, 888-й истребительный и 903-й бомбардировочный авиаполки 128-й смешанной авиадивизии были награждены тогда орденами Красного Знамени, а сама авиадивизия получила почетное наименование «Курильская». Командир авиадивизии подполковник М. А. Еремин был награжден орденом Отечественной войны II степени, а командиры указанных авиаполков — майоры П. В. Снесарь и К. Т. Шаповалов — орденами Александра Невского.

В журнале боевых действий КОР было записано: «Базируясь на удаленных от места боевых действий аэродромах, производя боевые полеты в сложных метеоусловиях, одновременно переучивая летный состав на новую материальную часть, 128-я авиадивизия с поставленными ей задачами по овладению островами Курильской гряды справилась отлично». Тогда же было отмечено, что личный состав этого соединения внес достойный вклад в нашу общую победу, в разгром империалистической Японии.

А на поле боя наши десантники, закрепившиеся на новом рубеже после решительного рывка вперед в ответ на вражескую провокацию, были готовы к дальнейшим активным действиям. Однако, руководствуясь соображениями благородства и гуманности, командование Курильской десантной операции, прежде чем отдать приказ о новом штурме вражеских позиций, в 7 часов 21 августа

послало японскому командованию ультимативное требование. Оно гласило:

«Мои условия о капитуляции наших войск, принятые и подписанные вашей стороной... не выполняются: 20.8. наши корабли были обстреляны при подходе ко Второму Курильскому проливу. Таким образом, японские войска фактически продолжают сопротивление. В случае уклонения с вашей стороны от разоружения буду принимать решительные меры. Во избежание ненужного кровопролития предлагаю ответить мне, будет ли вами отдан приказ о капитуляции ваших войск перед советскими войсками?

Ваш ответ жду с моим представителем»¹

Но японская сторона все еще продолжала па что-то надеяться и, чтобы выиграть время, умышленно затягивала капитуляцию. Свидетельством этому был издевательский, балаганный ответ, причем никем не подписанный и никому не адресованный, который от имени японского командования был вручен советскому представителю. Привожу его дословно:

«Сводка.

Наши войска уже прекратили военные действия. И для прекращения войны теперь с Главнокомандующим Вашего войска Советского Союза в области «Кокутан» наша комиссия продолжает в договоре. Поэтому прошу от души временно возвращаться на Ваш баз.

Конец»².

И пришлось еще раз категорически напомнить японскому командованию о том, что Япония потерпела поражение в войне с Советскими Вооруженными Силами и у ее войск нет иного выхода, как безоговорочно сложить оружие. Эти доводы и мощный удар, полученный противником в ответ на обстрел наших кораблей и судов во Втором Курильском проливе, заставили командование более трезво оценить свое положение.

Вскоре был получен официальный и лаконичный ответ японской стороны. В нем говорилось:

¹ Финал. Стр. 287.

² Там же

«Японские войска в северной части Курильских островов прекращают всякие боевые действия, складывают оружие и сдаются советским войскам.

Командующий японскими войсками в северной части Курильских островов генерал-лейтенант Цуцуми Фусаки»¹.

У нас были все основания не верить японскому заявлению и на этот раз. Поэтому я подтвердил свое прежнее указание генералу Дьякову, чтобы он внимательно следил за обстановкой на переднем крае и держал войска в боевых порядках, в полной готовности к дальнейшему наступлению. В то же время мною было дано распоряжение о переброске к месту сосредоточения резервов из района Усть-Большерецка и с мыса Лопатка 198-го стрелкового полка (командир – подполковник И. М. Филимонов), 367-го отдельного артдивизиона (командир – майор И. Д. Богайчук) и 7-го отдельного стрелкового батальона (командир — капитан В. П. Желаннов). Для этой цели были выделены гидрографическое судно «Полярный», два десантных судна, грузовой транспорт «Коккинаки», и, кроме того, к ним должны были присоединиться два транспорта, стоящие под разгрузкой у одного из рыбокомбинатов западного побережья Камчатки, а также идущий из Петропавловска в этот район пароход «Волховстрой». Для охраны района был выделен «ГЩ-525», а для огневой поддержки каравана при переходе морем — сторожевой корабль «Дзержинский».

Организацию переброски резервных войск я поручил начальнику связи КОР полковнику М. А. Угольникову и попросил находящегося в наших войсках второго секретаря Камчатского обкома партии П. Ф. Елисеева (он незадолго до этого возглавлял Усть-Большерецкую районную парторганизацию) оказать ему помощь. Это была нелегкая задача, учитывая обширность района их действий, отсутствие на этом участке побережья бухт и причалов, неустойчивость погоды, при которой необходимо было доставлять людей, технику и другие грузы мелкими плавединицами на открытый рейд. Но Угольников и Елисеев, несмотря на все это, успешно справились: работа была завершена точно в установленный срок.

¹ Финал. Стр. 287.

Командиры резервных частей не раз говорили мне впоследствии, что погрузка войск, техники, боеприпасов и переброска их в Первый Курильский пролив на транспортах и мелких плавединцах была своеобразным чудом, совершенным усть-большерецкими моряками, рыбаками промыслового флота и грузчиками Петропавловска — добровольцами Курильского десанта. Это стало возможным благодаря помощи местных партийных, советских и хозяйственных органов, особенно первого и второго секретарей Усть-Большерецкого райкома партии Н. А. Шаповалова и А. П. Сырикова, директора крупнейшего на западном побережье Камчатки рыбокомбината (ныне «Октябрьский») А. И. Пименова и многих, многих других. Их активное содействие войскам было отмечено тогда правительственные наградами. Второй секретарь Камчатского обкома партии П. Ф. Елисеев был удостоен ордена Отечественной войны I степени.

Следует высоко оценить четкие и решительные действия командно-политического и всего личного состава вышеназванных резервных частей. Особенно сложной была задача 7-го отдельного стрелкового батальона — его подразделениям вначале пришлось грузиться на борт парохода «Коккинаки», затем перемещать людей, орудия и все батальонное имущество на десантное судно и лишь после этого и дополнительного перехода морем высаживаться на скалистый, необорудованный берег в северо-западной части острова Парамушир. При высадке его бойцы и командиры использовали не только табельные средства (надувные лодки), но и все подручные — самодельные плоты, бревна, доски. Завьюченных лошадей по трапу сводили к воде и пускали вплавь. При этом одна из них споткнулась, упала в воду, но затем поплыла к берегу. Однако привьюченный к ее седлу миномет, оторвавшись, ушел на дно. Наводчик этого миномета младший сержант П. П. Струков засек место падения лошади и, раздевшись, поплыл туда. Он нырял около часа, до тех пор, пока не достал со дна моря вверенное ему оружие. За смелость и находчивость отважный воин был награжден орденом Отечественной войны II степени.

А мы тем временем выясняли истинные намерения противника. В 5 часов утра 21 августа командующий десантной операцией через своего представителя вручил командиру 91-й японской пехотной

дивизии приказ о капитуляции, устанавливающий порядок и сроки сдачи оружия и место плена японских войск на Шумшу и в северной части Парамушира.

В 11 часов начальник штаба КОР подполковник Р. Б. Воронов, по моему указанию, с группой офицеров выехал на броневике для встречи на нейтральной полосе с представителем японского командования. В нее входили: капитан 3 ранга В. С. Денисов, начальник штаба Камчатского морпогранотряда майор П. Д. Ковтун, представитель Петропавловской военно-морской базы помощник начальника политотдела ПВМБ по комсомольской работе лейтенант В. В. Стрельцов. Они встретились с начальником штаба 91-й дивизии японских войск полковником Яниока Токедзи, который передал им положительный ответ японской стороны па мой приказ о капитуляции.

Надо было закрепить этот успех в переговорах, и я направил эту же группу на военно-морские базы Катаока и Касивабара (в состав группы был включен дополнительно редактор многотиражной газеты ПВМБ «За Родину» капитан Н. М. Лихобабин). На катере «Морской охотник» (командир – лейтенант Шеховнин) наши посланцы направились в расположение японских войск и их командования. Предварительно я назначил капитана 3 ранга Денисова командиром военно-морской базы Катаока, а его заместителем по политической части – лейтенанта Стрельцова. Добавлю, к слову, что возглавить береговую оборону этой базы командир высадки поручил тогда уже упомянутому выше капитан-лейтенанту А. А. Волчанскому.

Первым пунктом захода и высадки группы подполковника Воронова была военно-морская база Катаока. Так на мачте здания морской комендатуры был вывешен белый флаг. Об этом и обо всем дальнейшем, мне докладывалось по радио.

На пирсе представителей советского командования встретил командир базы капитан-лейтенант Сато с дежурным офицером. Сато доложил, что он уполномочен вести переговоры с подполковником Вороновым. Проверив его полномочия, Воронов потребовал представить карты расположения батарей, складов, других военных объектов, а также схему их минирования. Стремясь уйти от ответа и затянуть переговоры, Сато прикинулся непонимающим. Он заявил, что японская сторона не готова к переговорам, поскольку советские

офицеры прибыли раньше обусловленного времени. Пришлось разъяснить ему, что его часы показывают токийское время, а встреча назначена на 10 часов по местному. Сато был строго предупрежден за попытку уклониться от честного ведения переговоров. Только после этого бывший командир представляющей им базы, уже переставшей быть японской, стал более сговорчивым и более или менее правдиво отвечать на вопросы.

После этого наш катер направился через Второй Курильский пролив в военно-морскую базу Касивабара, где размещались резиденция и штаб командующего северной группой японских войск на Курильских островах генерал-лейтенанта Цуцуми Фусаки. На встрече с ним подполковник Воронов потребовал четкого ответа на мой приказ о капитуляции. Генерал-лейтенант пытался втянуть советских представителей в обсуждение второстепенных вопросов, но Воронов уклонился от этого и вновь задал прямой вопрос: «Да или нет, господин генерал?» Пришлось отвечать однозначно. У Цуцуми Фусаки едва поворачивался язык, когда он вынужден был сказать, что согласен на выполнение приказа командующего советской десантной операцией и лично подпишет акт о разоружении японских войск при встрече со мной. Он всячески избегал даже произносить слово «капитуляция».

Таким образом, завершились все проволочки японской стороны – попытки негодными средствами предотвратить неизбежное. Общая обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке после разгрома Советскими Вооруженными Силами японской Квантунской армии в Маньчжурии и Корее, освобождение Южного Сахалина означали полный крах завоевательских планов японского империализма, и это, наконец-то, дошло до сознания японской военщины на Курилах. Она была вынуждена подписать акт о капитуляции японских войск на островах северной части Курильской гряды. Именно для этого через некоторое время прибыл на наш командный пункт японский генерал-лейтенант Цуцуми Фусаки.

— Интересно знать, — спросил я, — как проходила эта церемония?

— Для нас это был торжественный момент, хотя и состоялся он в суровых, будничных условиях, — ответил Алексей Романович. — А для противника он имел совершенно противоположное значение. На

редкость высокий и еще крепкий, 53-летний Цуцуми Фусаки прибыл к флагманскому кораблю-тральщику «ТЩ-344», на котором я держал свой командный пункт, на обыкновенной десантной барже; над нею развевался белый флаг. Одет он был в отлично отутюженное обмундирование, при всех регалиях. Его сопровождала молодая женщина-адъютант в форме лейтенанта японской армии и целая свита старших офицеров. Когда они поднялись на палубу, один из них нес все тот же белый флаг — символ позорного конца. Приблизившись к указанному ему месту, Цуцуми Фусаки пытался изобразить на своем лице приветливую улыбку, но она была скорее похожа на гримасу.

Взгляд японского генерала выражал злобу и ненависть, и именно тогда он спросил меня о силах нашего передового отряда, о чем я уже упоминал. Я, в свою очередь, потребовал от него объяснения причин затягивания капитуляции японских войск, открытия огня японскими батареями, а также налета японского самолета-торпедоносца на наши корабли во Втором Курильском проливе. Цуцуми Фусаки ссупуился, с него слетела вся бравада, и он начал лепетать что-то невнятное. Смысл его ответа заключался в том., что виноват не он, а начальник штаба его дивизии, который якобы не был согласен с решением своего командира и лично вел переговоры со ставкой японского главного командования, где имел родственников из, состава императорской семьи. Другой, версией его оправданий было высказанное несколько позднее заявление о том, что в зоне нарушения японцами перемирия якобы произошло недоразумение: до сведения артиллеристов-береговиков не был своевременно доведен командирами приказ императора о капитуляции Японии.

Так, состоялась моя встреча с матерым представителем самурайской касты. С первых же минут переговоров его лоск и напыщенность заметно поблекли. Он с тупой покорностью подписал акт о капитуляции. Одновременно он подтвердил свое согласие дать личные указания о капитуляции гарнизонов других островов, где дислоцировались его войска.

Учитывая это, я приказал командиру 101-й стрелковой дивизии генерал-майору П. И. Дьякову обеспечить переход его войск от передовой линии на юг, в район Катаока, и произвести там разоружение и пленение японского гарнизона острова Шумшу. Марш

дивизии с частями усиления при соблюдении полной боеготовности и мер боевого обеспечения начался в 5 часов утра 23 августа. В пути то и дело попадались столбики с надписями: «Мин нет. Кочкин». Это наши разведчики и саперы под руководством дивизионного инженер-майора Кочкина обеспечивали безопасность движения частей и подразделений.

В полдень генерал Дьяков доложил, что японские войска стянуты в район аэродрома у Катаока и начали складывать оружие, сдаваться в плен. Спущен японский флаг с мачты административного здания и водружен Государственный флаг Советского Союза.

К исходу 23 августа на острове Шумшу было разоружено и пленино: генералов — 1, офицеров — 525, солдат — 11 700. Принято в качестве трофеев: лошадей — 55, винтовок — 7420, легких пулеметов — 214, тяжелых — 123, зенитных пулеметов — 30, пушек — 40, гаубиц — 17, зенитных орудий — 9, большое количество складов с боеприпасами, снаряжением и продовольствием.

К этому времени весь состав наших боевых кораблей; десантных судов и транспортов переместился из Первого во Второй Курильский пролив, чтобы приступить к выполнению дополнительных задач, поставленных перед нами вышестоящим командованием. С этой целью я приказал капитану 3 ранга В. С. Денисову сформировать и возглавить отряд судов с десантными войсками для освобождения островов Онекотан, Харимкотан и Шиашкотан. Тогда же штаб 101-й дивизии получил распоряжение о подготовке расчетов по размещению войск на кораблях и судах, походного ордера и других документов на переброску выделенных частей и подразделений для разоружения и плениния японских войск в южной части Парамушира. Эта сложная и кропотливая работа была своевременно выполнена штабными офицерами во главе с начальником штаба командира десанта майором Ф. А. Слабинским и привлеченным к этому делу майором Г. Ф. Бочкаревым — начальником штаба 373-го стрелкового полка.

В связи с этим хочется сказать хотя бы несколько теплых слов в адрес талантливого штабного работника Филиппа Александровича Слабинского, рождения 1915 года. В 30 лет он был уже начальником оперативного отделения штаба дивизии и выделялся в среде штабных работников высокой эрудицией, трудолюбием и организованностью.

Именно поэтому его назначили начальником штаба командира Курильского десанта, и он успешно справился с этой сложной и весьма ответственной задачей. За умелые действия, отвагу и мужество он был награжден орденом Отечественной войны I степени. К сожалению, его жизнь оборвалась в расцвете сил (он умер в 1949 году).

Четко и слаженно произвели посадку личного состава частей и подразделений на суда с учетом возможных боевых действий против японских войск там, куда они направлялись, командиры 373-го стрелкового и 279-го артиллерийского полков подполковники В. Г. Губайдуллин и А. К. Тарасов. В дальнейшем они не только обеспечили разоружение войск противника в районе мыса Карабу (ныне мыс Васильева), бухты Сурибаци и населенного пункта Кокумобецу, но и были участниками создания там первых партийных, советских и хозяйственных органов. Для их укомплектования они выделили многих командиров, а по согласованию с политотделом соединения — и лучших политработников. Активное участие в этой работе принимали их заместители по политической части майор А. И. Моргоспеленко и капитан И. У. Сычев. Погрузившиеся тогда же на суда подразделения 302-го отдельного стрелкового полка (командир — подполковник С. И. Говоров) проследовали дальше на юг и участвовали в освобождении Матуя, Урупа и других островов.

Забегая вперед, скажу, что отряд В. С. Денисова успешно выполнил боевую задачу по освобождению Онекотана, Харимкатана и Шиашкотана. В разоружении и пленении японских войск находившихся там гарнизонов по-боевому действовали подразделения офицеров 373-го стрелкового и 279-го артиллерийского полков — старших лейтенантов Никитина, Хохлова, Шеремеева, лейтенанта Клинцова и других. Большую помощь им оказал переводчик-японист КОР лейтенант В. А. Давыденко. Возвратившись в Катаока, Денисов, как и было ему приказано, возглавил гарнизон этой, ставшей навсегда нашей военно-морской базы. За достойный вклад в разгром врага капитан 3 ранга В. С. Денисов был награжден орденом Отечественной войны I степени.

В ночь с 23 на 24 августа 7-й отдельный стрелковый батальон был переброшен с места его высадки в район военно-морской базы Касивабара и приступил там к разоружению и пленению войск 74-й

японской пехотной бригады. Этим же с утра 24 августа занимались и подразделения 198-го стрелкового полка в районе аэродрома Бандзе на Парамушире. Всего в северной части этого острова было разоружено и пленено более 8000 солдат и офицеров противника. Артиллерийскую поддержку нашим войскам в этой зоне, в случае необходимости, должны были оказать развернувшиеся к бою батареи 376-го отдельного артиллерийского дивизиона (командир – майор Богайчук, замполит — капитан П. И. Мочалкин). Отлично действовала в это время первая рота 7-го ОСБ (командир – капитан Мартюшов, парторг роты – лейтенант Н. Т. Попов). Под руководством представителя управления 101-й дивизии, начальника химической службы этого соединения майора А. Н. Курбатова она разоружила и взяла в плен 3600 человек.

Следует отметить, что у многих японских офицеров как пехотных, так и морских, взятых в плен на Шумшу и Парамушире, были обнаружены карты Камчатки с нанесенными на них важнейшими государственными и военными объектами, а в ряде случаев – со схемами нашей противодесантной обороны. На военно-морских базах Катаока и Касивабара в числе сданных противнику плавсредств оказались и легкие самоходные баржи, в том числе и катамараны, предназначенные для высадки десанта на камчатское побережье.

Эти доказательства агрессивных намерений Японии против СССР японское командование не успело скрыть. Зато различные документы и пропагандистские материалы, всякого рода антисоветские фальшивки и карты «великой Японской империи до Урала» японцы сжигали, сваливали в помойные ямы, уничтожали любыми способами, но полностью избавиться от этих улик не удалось: мы их находили полусожженными, изорванными на куски, спрятанными в тайниках.

24 августа в Катаока весь день шла погрузка частей и подразделений наших главных сил на корабли и суда для высадки на Парамушир, Онекотан и другие острова северной части Курильской гряды. Наши капитаны и штурманы кораблей и транспортов не были знакомы с прибрежной полосой, изобилующей рифами и подводными скалами, поэтому я приказал плененному японскому командованию выделить лоцманов и проводников в помощь нашим корабельным экипажам и судовым командам. Однако от них было мало пользы, так

как многие из них заявили, что плохо знают эти районы Охотского моря и Тихого океана. Был ли это саботаж или они действительно не знали, установить в той обстановке было довольно трудно. Но к чести наших военных и гражданских моряков следует сказать, что они и без этих «помощников» отлично справились с поставленными перед ними задачами.

24 августа при подходе на «ТЩ-344» к острову Онекотан в сопровождении сторожевого корабля «Дзержинский» я получил директиву Военного совета Второго Дальневосточного фронта о незамедлительном разоружении, интернировании и эвакуации японских гарнизонов и гражданских лиц на островах к югу от Онекотана до Урупа включительно. Таким образом, начался новый этап Курильской десантной операции, и надо было срочно перегруппировать силы и средства для выполнения приказа вышестоящего командования. Вся штабная документация к этому была под руководством Ф. А. Слабинского подготовлена буквально в считанные часы.

Директива Военного совета фронта была предельно ясна и в то же время очень сложна и трудна. И дело было не только в том, что в ночь на 24 августа резко ухудшилась погода,, поднялся шестибалльный шторм и видимость снизилась до 50 метров, а в иные периоды падала до нуля. Гораздо важнее было то, что японские войска, находившиеся на островах южнее Онекотана, подчинялись не подписавшему акт о капитуляции перед нами генерал-лейтенанту Цуцуми Фусаки, а непосредственно командованию 5-го фронта, штаб которого располагался на острове Хоккайдо. Кроме того, нам не было известно, какими силами и оборонительными сооружениями располагает противник на этих островах, где имеются удобные места для высадки, не было точных карт побережий островов. Мы уже испытали вероломство и коварство японцев в северной части Курил, и нам оставалось лишь предполагать, какие вражеские сюрпризы ожидают нас впереди.

Для выяснения обстановки на островах, куда мы держали курс, я распорядился создать разведывательный отряд с целью выяснения места расположения гарнизонов противника и выделил в его распоряжение сторожевой корабль «Дзержинский» с десантниками на

борту. Возглавить отряд было приказано подполковнику Р. Б. Воронову, который взял с собой в качестве представителя уже капитулировавших войск начальника оперативного отдела штаба 91-й японской пехотной дивизии (он мог быть полезен при переговорах с командованием тех гарнизонов противника, где проводилась разведка, об их разоружении и пленении). Три таких представителя, в том числе японский лоцман, были на борту «ТЩ-344», но, как я уже говорил, пользы от них никакой не было. Результатом действия этого отряда было вручение приказа о капитуляции начальнику японского гарнизона на острове Матуа и назначение комендантом этого острова нашего представителя – майора Кранихфельда, высадка его с воинским подразделением для разоружения войск противника. На острове был водружен флаг

Советского Союза. После подписания противником акта о капитуляции вражеский гарнизон сдал оружие. В плен взято 5000 солдат и офицеров, захвачено большое количество боевой техники и боеприпасов.

На острове Синсиру были обнаружены лишь разрушенные оборонительные сооружения и сожженные постройки, а сами японцы с наиболее ценным военным имуществом успели бежать в метрополию. Разведка западного и восточного побережий острова Уруп положительных результатов не дала, но все задачи по разоружению и пленению его гарнизона были вскоре выполнены главными силами.

В 9 часов утра 28 августа наши корабли и транспорты подошли к Урупу. Здесь были «ТЩ-344», сторожевой корабль «Киров» и присоединившийся к нему «Дзержинский», транспорты «Туркмен», «Урицкий», «Москальво» и «Рефрижератор № 2» с войсками на борту. На море продолжался штурм, стоял сильный туман, и видимость порой полностью исчезала. Высаженная на берег разведгруппа во главе с заместителем начальника оперативного отделения штаба КОР майором Л. Г. Радужановым возвратилась с двумя пленными японцами. Они показали, что в северной части Урупа большой гарнизон японских войск.

При вторичной высадке нашей разведроты разгорелся небольшой бой. Кровопролитие предотвратило только присутствие одного из японских представителей, которого я выделил в распоряжение

разведчиков из числа тех трех, что бездельничали на борту «ТЩ-344» (пригодился все-таки!). На этот раз майор Радужанов вошел в контакт с одним японским офицером, и ему пригодилось хорошее знание английского языка. Самурай сообщил на ломаном английском, что командир бригады, дислоцированный на Урупе, находится в войсках, и предложил поехать туда на автомобиле. Группа советских представителей во главе с Радужановым не отказалась от этого и вела себя в расположении штаба бригады противника с достоинством победителей. Они передали командиру бригады генерал-майору Нихо Сусуми приказ прибыть на флагманский корабль. Он уклонился от его выполнения.

Доставленный позднее на борт «ТЩ-344», японский генерал принес глубокие извинения за оказанное его войсками сопротивление. Тут же он получил указание о том, что останется на корабле до тех пор, пока на берегу не будет полностью разоружена и пленена вся его бригада и пока не будет погружено на наши транспорты все ее оружие. Тогда же советские офицеры вместе с японскими разработали график погрузки. На второй день началось пленение войск противника и интернирование гражданского населения. Остров заняли наши десантные силы. При этом отлично действовали офицеры подразделений 302-го стрелкового и 279-го артиллерийского полков— майор М. И. Савичев, капитаны П. И. Полищук, А. М. Бочков, Д. И. Марычев, старшие лейтенанты В. А. Заточкин, С. Н. Пудов, А. А. Чириков и др.

Вместе с командованием КОР и войсками, размещаемыми на Курильских островах к югу от Шумшу, все время находился представитель политотдела 101-й стрелковой дивизии майор Федор Иванович Кузьмин. Бывший первый секретарь Усть-Камчатского райкома и заведующий сельскохозяйственным отделом Камчатского обкома ВКП(б), он проявил себя в армейских условиях с самой лучшей стороны и за короткий срок вырос от замполита артдивизиона до секретаря парткомиссии политотдела соединения. При высадке десанта он, волгарь и отличный пловец, личным примером воодушевлял воинов на решительные действия, помогал тем, кто слабо держался на воде, а на берегу был в числе передовых на линии фронта. В моменты затишья в боевых действиях он вместе с членами парткомиссии из

частей осуществлял прием в партию бойцов и офицеров. На островах, где высаживались наши войска, он проводил инструктажи политработников и партактива, составлял с ними планы партийно-политической и культурно-массовой работы с личным составом в новых условиях, по поручению начподива вручал партбилеты и кандидатские карточки принятым в члены и кандидаты партии. За самоотверженную боевую и партийно-политическую работу в войсках майор Ф. И. Кузьмин награжден орденом Красного Знамени.

Мне кажется, достойно упоминания и то, что в течение всей Курильской операции находился в войсках корреспондент хабаровской краевой газеты «Тихоокеанская звезда» писатель А. М. Грачев. Его корреспонденции из района боевых действий печатали газеты «Камчатская правда», «Тихоокеанская звезда», «Боевая вахта», «Тревога». На основании личных наблюдений и бесед с нашими военачальниками, японскими офицерами и солдатами он в дальнейшем написал интересную повесть «Падение Тисимо-ретто» («Тисимо-ретто» — по-японски «Архипелаг тысячи островов»). Эта книга неоднократно переиздавалась и хорошо известна советским читателям.

После шестидневных кровопролитных боев за освобождение Шумшу и других северных островов Курильской гряды войска нашей десантной операции с 24 августа по 1 сентября завершили разоружение и пленение японских войск на островах к югу от Онекотана до Урупа включительно. Пехотинцы Камчатского оборонительного района, моряки Петропавловской военно-морской базы и воины 60-го Камчатского морпогранотряда успешно выполнили поставленную перед ними боевую задачу.

28 августа корабли северной Тихоокеанской флотилии совместно с 113-й отдельной Сахалинской стрелковой бригадой, другими сухопутными частями и батальонами морской пехоты высадили десант на остров Итуруп. А 1 сентября моряками-тихоокеанцами и пехотинцами были освобождены Кунашир и Малая Курильская гряда. Действия советских войск были настолько стремительными, что японцы не успели эвакуировать свои войска даже с этих островов, хотя они отделены от Хоккайдо лишь узким проливом Гаемай.

Таким образом, было завершено освобождение всей Курильской гряды. Советские воины — пехотинцы и моряки, летчики и

пограничники — вернули нашей Родине ее исконные земли общей площадью 15,6 тысячи квадратных километров. С этого времени Курильские острова перестали быть плацдармом японской агрессии. Они превратились в надежные ворота для больших плаваний советских кораблей.

В ходе освобождения Курильских островов—с 18 августа по 1 сентября 1945 года — на их территории было разоружено и взято в плен в общей сложности до 60 тысяч японских солдат и офицеров, захвачено более 300 орудий и минометов, уничтожено и захвачено в общей сложности 77 японских танков, 217 грузовых автомашин и тягачей, около 1000 пулеметов, огромное количество боеприпасов и другого военного имущества.

С чувством глубокой радости и гордости за нашу ленинскую партию, Советскую Родину, за славных советских воинов армии и флота докладывал я тогда командующему и членам Военного совета Второго Дальневосточного фронта:

«Поставленная перед войсками Курильской десантной операции задача выполнена. Все Курильские острова от Шумшу до Урупа включительно, освобождены от японских оккупантов и возвращены Родине — Союзу Советских Социалистических Республик. На всех островах высажены и дислоцированы соединения и части Камчатского оборонительного района, Петропавловской военно-морской базы и погранокруга. Отныне исконно русские земли Курильских островов воссоединены с территорией СССР и на них реют советские флаги»¹.

Курильская десантная операция была малой частицей исторических событий Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков на западе и японских империалистов на востоке. Но все мы, участники освобождения Курильских островов, безмерно счастливы тем, что и нам довелось внести посильный вклад в разгром ненавистного врага. Героические события тех дней, принесшие человечеству окончание второй мировой войны и долгожданный мир, никогда не изгладятся из памяти народной — всех людей доброй воли.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

¹ Гнечко А. Р. Навсегда советские острова. «Советский Сахалин», 16 июля 1975 г.

Наша встреча с ветераном Великой Отечественной войны, бывшим командующим войсками Камчатского I оборонительного района, возглавлявшим Курильскую десантную операцию, генералом А. Р. Гнечко, подходила к концу. Воспоминания не утомили Алексея Романовича, а словно бы придали ему новые силы. Он, как и вначале, был оживлен и в то же время по командирски собран. Точно и четко формулировал свои суждения и выводы, пересыпал речь шутками — его украинский юмор был неиссякаем. Как бы подводя итог нашей беседы, он сказал:

— Японский империализм готовился захватить наши дальневосточные земли и Сибирь вплоть до Урала. Но не зря бытует поговорка: «Не говори гоп, пока не перескочишь». Победа Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке навсегда похоронила притязания правящих кругов Японии и японской военщины.

Ожесточенные, кровопролитные бои советских десантников, разоружение и плenение противника 18—23 августа 1945 года на острове Шумшу, разгром его ударной силы на этой ключевой позиции сыграли решающую роль в успешном завершении Курильской десантной операции, в освобождении всех остальных Курильских островов. Эта операция осуществлялась с 17 по 31 августа и была составной частью кампании по разгрому японских войск на Дальнем Востоке. Вместе с тем она явилась и одной из ярких страниц советско-японской войны на ее завершающем этапе.

В связи с этим хочется сказать, что разгром советскими войсками Квантунской армии в Маньчжурии, а также японских войск в Северной Корее, на южном Сахалине и Курильской гряде явился важной составной частью второй мировой войны. Именно благодаря этому вторая мировая война закончилась на полтора-два года раньше, чем планировали завершить ее в свою пользу правительства и генеральные штабы США и Англии. Тем самым были спасены миллионы жизней военнослужащих армий и флотов обеих воюющих сторон и народных масс Японии.

Об этом сейчас не хотят вспоминать ни официальные американские и английские историографы, ни тем более реакционные правящие круги и военщина США и Англии. Но факты, как говорят,

упрямая вещь. А они убедительно свидетельствуют о том, что без помощи и решающего вклада в разгром врага Советских Вооруженных Сил победы союзных войск над Японией в 1945 году просто не было бы.

Попробую пояснить эту мысль. США и Англия, не открыв второй фронт в Европе ни в 1942, ни в 1943 году, переложили всю тяжесть войны против гитлеровской Германии на плечи Советского Союза, и эта позволило им перейти в 1944 году к активным действиям на Тихоокеанском театре войны. Им удалось потеснить противника, приблизить свои авиационные и военно-морские базы к собственно японским островам, но для вторжения в

Японию и победы над ней они явно не располагали достаточными силами. В составе флотов, и соединениях морской пехоты они имели здесь не более 600 тысяч человек, к тому же разбросанных на больших пространствах Тихого океана. Между тем Япония имела под ружьем 7 миллионов человек, в том числе более 2350 тыс. солдат и офицеров, предназначенных для обороны метрополии; ее военно-морские силы насчитывали около 500 боевых кораблей, а военно-воздушные – более 10 тысяч самолетов. Кроме того, в распоряжении Японии находился экономический потенциал Маньчжурии, Кореи, значительной части Китая, Сингапура и других полностью или частично оккупированных японскими войсками стран¹. Учитывая это, правящие круги Японии рассчитывали противостоять союзным флотам и армиям длительное время, перемалывая их живую силу и технику. При существовавшем тогда соотношении сил воюющих сторон на Тихом океане эти расчеты не были беспочвенными.

Это, конечно, понимали и руководители США, Англии. Поэтому они накапливали силы и планировали начать высадку 6-й американской армии на остров Кюсю лишь в ноябре 1945 года, а 8-й и 10-й армий – на остров Хонсю — в марте 1946 года. И это только начать! А для успешного завершения военных действий, прикидывали они, понадобятся 7 миллионов солдат и офицеров, из которых будет потеряно примерно миллион человек. Сама же война при этом должна продлиться еще не менее полутора лет. Среди американского и

¹ См.: История КПСС. М., 1970, т. 5, кн. 1, стр. 624; История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 11, стр. 174; 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, стр. 443—444.

английского командования были тогда и такие предположения, что их собственными силами Японию нельзя победить |до 1947 или даже до 1948 года.

Вот почему правящие круги США и Англии стремились как можно скорее включить Советский Союз в войну с Японией, чтобы и здесь взвалить на него все тяготы борьбы против японских сухопутных сил, которые вызывали у них наибольшую озабоченность. Это, полагали они, вынудит СССР воевать с Японией еще многие месяцы, приведет к дальнейшему ослаблению Советского Союза, при окончательном решении послевоенных проблем можно будет навязать нашей стране выгодные лишь им условия. Вместе с тем им хотелось запугать Японию своей возрастающей мощью и принудить ее к капитуляции без участия в этом Советского Союза. В таком случае они могли бы попытаться и вовсе устраниć Советский Союз от переговоров о послевоенном устройстве на Дальнем Востоке и в западной части Тихого океана и тем самым полностью оставить в стороне коренные интересы СССР.

Эту цель преследовала, в частности, Потсдамская декларация от 26 июля 1945 года, в которой США, Англия и гоминдановский Китай потребовали от Японии безоговорочной капитуляции.

Как известно сейчас из различных опубликованных источников, высший японский совет по руководству войной, обсуждая 27 июля этот вопрос, решил определить свое отношение к Потсдамской декларации лишь после того, как будет выяснена позиция СССР. Но, поскольку наша страна не сделала тогда по этому поводу никаких заявлений, японский премьер Судзуки на следующий день, 28 июля, сказал на пресс-конференции об отношении японского правительства к Потсдамской декларации буквально следующее: «Мы игнорируем ее. Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны»¹.

(В дальнейшем Советский Союз присоединился к Потсдамской декларации, и она была принята правительством Японии).

Другой, на этот раз варварской попыткой в этом же направлении была атомная бомбардировка японского города Хиросимы 6 августа 1945 года, не вызывавшая никакой военной необходимости.

¹ История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 11, стр. 155; «Правда», 18 июля 1945 года.

Япония и после этого не капитулировала. Тогда американцы 9 августа сбросили атомную бомбу еще на один японский город — Нагасаки, хотя заранее знали, что именно в этот день в войну против Японии вступает Советский Союз. Этот чудовищный акт вандализма был направлен и против нас — он был призван запугать СССР.

— Это позорнейшее нарушение США принципов человечности и гуманизма, — заметил я, — стоило японскому народу сотен тысяч жизней. Оно было осуждено всем прогрессивным человечеством. В этом признаются и сами американцы. «Применение атомной бомбы, — писал в «Нью-Йорк таймс» обозреватель этой газеты Хэнсон Болдуин, — обошлось нам дорого: мы теперь мечены клеймом зверя»¹.

— Да, — согласился Алексей Романович, — подлей, гнусней и кровожадней этого трудно что-либо придумать. Ради завоевания мирового господства американские империалисты и сейчас готовы на все. Но тогда им казалось, что они, как никогда, близки к этому, и они пытались, где только можно, ущемить интересы СССР. Так, например, в одобренном президентом США Г. Трумэном и врученном Верховному главнокомандующему США генералу Макартуру «Общем приказе № 1» о капитуляции японских войск совершенно обходился вопрос об участии Советского Союза в приеме капитуляции войск противника, в том числе и на Курильских островах. И этот документ президент США счел возможным направить 15 августа 1945 года главе Советского правительства и Верховному главнокомандующему Вооруженными Силами СССР И. В. Сталину. Но эта попытка разговаривать с Советским Союзом с позиции силы была решительно отвергнута.

Подойдя к полке с книгами, генерал взял одну из них и, возвратившись на прежнее место, сказал:

— Затронутая нами тема весьма интересна и поучительна. Вот послушайте, с каким дипломатическим тактом, но с предельным внутренним напряжением вел тогда Stalin переписку с Трумэном по этому и некоторым другим вопросам. Отвечая Трумэну, он писал 16 августа 1945 года:

¹ Деборин Г. А. Вторая мировая война. М., 1958, стр. 390.

«Ваше послание с «Общим приказом № 1» получил., В основном не возражаю против содержания приказа... Однако предлагаю внести в «Общий приказ № 1» следующие поправки:

1. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза.

2. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающего к проливу Лаперуз, находящемуся между Карафuto и Хоккайдо. Демаркационную линию между северной и южной половиной острова Хоккайдо провести по линии, идущей от гор. Кусиро на восточном берегу острова до города Румоэ на западном берегу острова, с включением указанных городов в северную половину острова.

Это последнее предложение имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919—1921 годах держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории.

Я бы очень хотел, чтобы изложенные выше мои скромные пожелания не встретили возражений»¹.

В ответе на это послание американский президент попытался свести просьбу СССР о предоставлении ему определенного района оккупации на острове Хоккайдо к выделению нашей страной каких-то мизерных сил, которые будут символически представлять союзные вооруженные силы в той части Японии, которую соизволит отвести им генерал Макартур. В то же время президент США, что называется, без всякого зазрения совести открыто высказал наглое притязание на военное присутствие США в зоне только что освобожденных нашими войсками Курильских островов.

«...Правительство Соединенных Штатов, — писал Г. Трумэн 18 августа, — желает располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов,

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: Политиздат, 1976. Т. 2, стр. 286—287.

предпочтительно в центральной группе для военных и коммерческих целей»¹.

В последующем ответе на этот наглый вызов И. В. Сталин с чувством горечи и возмущения сообщил:

«...Я понимаю содержание Вашего послания в том смысле, что Вы отказываетесь удовлетворить просьбу Советского Союза о включении северной половины о. Хоккайдо в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам. Должен сказать, что я и мои коллеги не ожидали от Вас такого ответа»².

Еще более твердым, хотя и сдержанным по форме, был ответ советской стороны по другому вопросу – о предоставлении США прав на авиационные базы на Курильских островах.

«...Что касается Вашего требования, – говорилось в ответе, – иметь постоянную авиационную базу на одном из Курильских островов, которые, согласно Крымскому решению трех держав, должны перейти во владение Советского Союза, то я считаю свою обязанностью сказать по этому поводу следующее. Во-первых, должен напомнить, что такое мероприятие не было предусмотрено решением трех держав ни в Крыму, ни в Берлине и ни в какой мере не вытекает из принятых решений. Во-вторых, требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории и выражает готовность ввиду этого предоставить своему союзнику соответствующую базу. Я не думаю, чтобы Советский Союз можно было причислить к разряду таких государств. В-третьих, так как в Вашем послании не излагается никаких мотивов требования о предоставлении постоянной базы, должен Вам сказать чистосердечно, что ни я, ни мои коллеги не понимаем, ввиду каких обстоятельств могло возникнуть подобное требование к Советскому Союзу»³.

Господину Трумэну пришлось в следующем послании от 27 августа изворачиваться и разъяснять, что он ведет речь якобы о

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Стр. 288.

² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Стр. 288.

³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Стр. 289.

возможности посадки коммерческих американских самолетов на одном из Курильских островов и притом в чрезвычайных случаях в период оккупации Японии. Ответ И. В. Сталина на эти объяснения президента США окончательно выбивал почву из-под ног американских любителей загребать жар чужими руками.

«Я, конечно, согласен с Вашим предложением, — говорилось в ответном послании И. В. Сталина от 30 августа, — обеспечить для Соединенных Штатов право посадки на наших аэродромах на одном из Курильских островов в чрезвычайных случаях в период оккупации Японии.

Я согласен также с тем, чтобы на советском аэродроме на одном из Курильских островов предоставить возможность посадки коммерческим самолетам. При этом Советское Правительство рассчитывает на взаимность со стороны Соединенных Штатов в отношении права посадки советских коммерческих самолетов на американском аэродроме на одном из Алеутских островов. Дело в том, что нынешняя авиационная трасса из Сибири через Канаду в Соединенные Штаты Америки нас не удовлетворяет ввиду ее большой протяженности. Мы предпочитаем более короткую трассу от Курильских островов через Алеутские острова как промежуточный пункт на Сиэтл»¹.

Но соблюдение прав взаимности и равных обязательств в отношениях между СССР и США не устраивало американские правящие круги. Поэтому президент США не обращался более к советской стороне по данному вопросу.

— Все это не было известно нам тогда, — добавил Алексей Романович, — но, несомненно, касалось всех нас — участников освобождения Курильских островов. Это касалось и всего нашего народа, которому мы вернули его исконные земли — острова Курильской гряды навсегда, навечно.

Курильская десантная операция стала предметом изучения военными специалистами и историками. Ейделено внимание в ряде официальных изданий, научных исследований, в многочисленных журнальных и газетных статьях, в которых отмечены ее

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Стр. 290.

положительные моменты и недостатки. Но мне думается, что о ней и в дальнейшем вспомнят еще не раз. И не только потому, что она вернула Родине ее исконные земли — Курильские острова, являла образец мужества и отваги наших пехотинцев и моряков, летчиков и пограничников, но и сама по себе — как пример успешного решения боевой задачи в неимоверно сложных условиях планирования и подготовки, перехода морем, боя за высадку и, особенно, в сражении на захваченном плацдарме, где была достигнута победа меньшинами силами над опытным и сильным противником, располагающим прочными оборонительными сооружениями, танками и артиллерией. Мы же, наши десантники, имели в начале боя лишь носимое стрелковое оружие — винтовки, автоматы, ручные и станковые пулеметы, гранаты, взрывчатку и несколько десятков противотанковых ружей. Четыре приготовленных к высадке 45-мм орудия были потоплены.

Несмотря на это, мы не только высадили войска, захватили плацдарм, но и расширили его, отбив ряд контратак японских танков и сопровождающей их пехоты. Высадив в дальнейшем всю свою артиллерию и бронемашины, мы были во всеоружии к дальнейшим наступательным действиям. Капитуляция противника предотвратила кровопролитие. И не только здесь, но и в более широком масштабе, потому что наша операция была лишь малой частицей великой победы Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке против империалистической Японии.

Необычность условий и трудности высадки войск на необорудованный берег под огнем противника привели к тому, что мы потеряли тогда убитыми и ранеными 1567 человек при меньших потерях противника (1018 человек)¹. Это был единственный случай во всей Дальневосточной кампании 1945 года, когда потери наших войск превысили аналогичные потери японской стороны. Но история войны на Тихом океане знала и более тяжелые случаи.

Посуровев лицом, генерал вдруг спросил меня:

— Вы что-нибудь читали о десанте американских войск на японский остров Иводзима?

¹ См.: «Морской сборник», 1975, № 9, стр. 27.

Я сказал, что помню лишь название острова и то, что он был захвачен американскими войсками незадолго до конца второй мировой войны.

— Однако о том, как все это происходило, — добавил я, — читал давным-давно, и подробности уже выветрились.

— Не хотите помешать моему рассказу — спасибо за деликатность, — ответил на это Алексей Романович. — Но если вы собираетесь писать об освобождении Курильских островов и нашей десантной операции, то, естественно, не можете не знать об этом. Тут уж и спрашивать нечего. Но я все-таки напомню.

— Тогда, в феврале—марте 1945 года, — продолжал он, — американское командование провело операцию по взятию острова Иводзима (Ио). Система его укреплений (развитая противодесантная и противотанковая оборона, подземные сооружения, артиллерийские батареи с перекрестным огнем по важнейшим направлениям: и пр.) была аналогична тем, которые японцы имели на островах Шумшу, Парамушир и других. Для захвата этого острова, меньшего по территории по сравнению с: Шумшу примерно в 10 раз и имеющего гарнизон примерно в 23 тысячи японских солдат и офицеров, американским войскам потребовалось несколько месяцев. Остров Иводзима (Ио) подвергался многодневным артиллерийским обстрелам и бомбардировкам с воздуха.. В его штурме участвовало 680 кораблей и судов, 1500 самолетов, танки, более 111 тысяч войск. Борьба за остров длилась 27 суток и стоила американцам больших: потерь (более 20 тысяч человек убитыми и ранеными, 2 потопленных корабля, 30 — поврежденных, 168 погибших самолетов)¹.

Нам же на подготовку десантной операции по овладению островами Шумшу, Парамушир и Онекотан отводилось всего 42 часа. Не хватало высадочных средств. Мы не имели перевеса над противником ни в живой силе, ни в технике. Многим подразделениям наших десантников пришлось добираться до берега вплавь, сражаться в мокрой одежде, а иным бойцам — и разутыми, без артиллерийской поддержки в боевых порядках, без подвоза горячей пищи, а временами — и без достаточного количества боеприпасов к стрелковому оружию.

¹ См.: История второй мировой войны. 1939—1945 гг. Т. 11, стр. 443; Багров В. Н. Южно-Сахалинская и Курильская операции (Август 1945). Стр. 110.)

Все это, разумеется, было, и с достаточным запасом, на кораблях, но в силу ряда причин, о которых я уже сказал, не могло быть своевременно доставлено на захваченный плацдарм.

Безусловно, наш успех объяснялся в значительной степени тем, что удалось использовать элемент внезапности, а также и тем, что моральный дух противника был подорван капитуляцией перед советскими войсками его ударной силы на материке: Квантунской армии в Маньчжурии, сухопутных и морских сил в Северной Корее, а также воинских гарнизонов в южной части острова Сахалин. И если говорить о том, в чем мы, участники освобождения Курил, имели бесспорный перевес над японскими войсками, то это была беззаветная преданность партии и народу, понимание того, что мы сражаемся за правое дело, готовность отдать все силы, а если надо, то и погибнуть во имя своего высокого долга перед Родиной — покончить с исторической несправедливостью, вернуть родной стране ее исконные земли — острова Курильской гряды.

Массовый героизм, присущий всем советским людям в борьбе за свободу и независимость нашей социалистической Родины, в условиях Курильской десантной операции был помножен на сознание каждым воином того, что поставленные перед нами боевые задачи мы должны решать только имеющимися в наличии силами. Мы не могли рассчитывать ни на чью помощь, так как ни справа, ни слева не имели соседей, а главные силы Второго Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота, в состав которых входили войска КОР и Петропавловской военно-морской базы, находились от нас за тысячи километров. В случае срыва операции мы были обречены. Пока к нам подошла бы подмога с юга, на это понадобилось бы в ту пору 8—10 дней, за это время превосходящий наши войска в живой силе и технике противник мог уничтожить нас всех до одного. Мы должны были устоять и победить — другого выбора у нас не было.

Победа, одержанная советскими войсками на Курильских островах, как и победоносное завершение нашим народом всей Великой Отечественной войны и второй мировой войны в целом, была не только проявлением чисто военного превосходства Вооруженных Сил Советского Союза над врагами Родины. Это была одновременно и победа нашего марксистско-ленинского мировоззрения, нашей

социалистической морали над идеологией империалистических захватчиков и поработителей, волчьями законами буржуазной морали. Это была победа добра над злом, светлых идей советского патриотизма и пролетарского интернационализма над человеконенавистническими фашистскими бреднями, самурайскими притязаниями правящих кругов страны «восходящего солнца» на «право» угнетать и эксплуатировать другие народы.

Партия, наш социалистический строй, семьи советских патриотов, школы и трудовые коллективы, а в конкретных условиях армии и флота – командиры и военачальники, политорганы и политработники всех рангов, партийные и комсомольские организации делали все возможное для того, чтобы каждый наш воин ясно понимал внутреннюю и внешнюю политику партии, был в курсе всех событий, глубоко понимал свои задачи, был сознательным исполнителем требований воинских уставов и наставлений, тверд и непреклонен, проявлял волю, инициативу и сноровку при исполнении приказов командования.

Одним из главных организаторов партийно-политической работы в условиях Курильской десантной операции был тогда мой заместитель по политической части, начальник политотдела КОР полковник В. В. Володко, член партии с 1927 года. Под его непосредственным руководством осуществлялась расстановка политработников соединений и частей на решающих участках, проводилось их инструктирование, обеспечение агитационно-пропагандистскими материалами.

Виталий Вячеславович Володко родился в 1907 году в Дагестане, с детских лет хорошо узнал цену труда и хлеба (его отец был рабочим, а мать батрачила у кулаков). Пришлось и самому подростком быть учеником у кустаря-кузнеца. В 1918 году отец вернулся с фронта полуинвалидом, но не нашел на месте своей семьи — она с эшелоном беженцев была вывезена на Кубань. Там после разгрома белогвардейцев отец ревкомом был назначен сторожем и хранителем имущества завода, перерабатывающего сахарный тростник. В 1922 голодном году умерли мать и младший брат. Чтобы спасти от такой же участи сестер, В. В. Володко бросил учебу и устроился подручным слесаря на заводе по выработке поташа. Здесь заметили его

старательность, трудолюбие и в 1925 году приняли в ряды ВЛКСМ, а затем избрали секретарем комсомольской ячейки. Через год он уже был членом бюро райкома ВЛКСМ. В марте 1927 года его приняли в кандидаты партии, а в ноябре этого же года он стал членом ВКП(б). Круто изменилась его жизнь: ему давали все более сложные поручения, стало труднее, но радостнее жить и работать. В 1929 году его послали на укрепление партийного ядра в мукомольной промышленности. Работал заведующим мельницей, помощником технического руководителя районного промкомбината и одновременно был парторгом этого предприятия.

Во время срочной службы В. В. Володко стажировали на политрука кавалерийского эскадрона. После этого он поступил в Ленинградский комвуз им. Крупской, но окончить его не удалось: с третьего курса он был направлен в кадры Красной Армии в качестве пропагандиста. С тех пор навсегда связал свою судьбу с Вооруженными Силами. В рядах РККА был пропагандистом отдельного батальона, полка, начальником агитационно-пропагандистской части политотдела стрелковой дивизии, старшим инструктором политуправления Отдельной армии. На Камчатку прибыл, имея опыт работы начальника политотдела корпуса. Человек прочной идейной закалки и высокой культуры, он в короткий срок сплотил вокруг политотдела КОР политработников не только сухопутных частей, но и других родов и видов войск.

Высококвалифицированным партийно-политическим работником был также начальник политотдела 101-й стрелковой дивизии полковник Михаил Андреевич Алентьев, член партии с января 1932 года. Он родился в 1907 году в сибирском селе Кожурла (Барабинский район Новосибирской области) в семье крестьянина-бедняка. Там же в 1925 году вступил в комсомол. С 17 лет — рабочий маслозавода, а затем — ликвидатор неграмотности среди взрослых. В мае 1927 года добровольно выехал на Сахалин и работал на острове заведующим избой-читальней, старшим милиционером, начальником райотдела милиции. Будучи призванным в ряды армии, экстерном сдал экзамены за 7 классов средней школы, а по окончании пехотного училища был избран секретарем комсомольской организации учебной батареи, где исполнял должность командира огневого взвода. По просьбе

командования остался на сверхсрочную, а позднее был зачислен в кадры РККА. Постоянно совершенствуя знания, он быстро продвигался по службе: политрук отдельной батареи, замполит батальона пехотного училища, заместитель начальника, а затем – и начальник политотдела этого же училища.

В июне 1943 года М. А. Алентьев был назначен начальником политотдела 101-й стрелковой дивизии и показал себя здесь с самой лучшей стороны: повысилось внимание командно-политического состава к боевой и политической подготовке войск, резко улучшилась партийная и комсомольская работа в частях и подразделениях, возросла авангардная роль коммунистов. Он пользовался большим авторитетом не только среди военных, но и у гражданских партийных и советских органов, с которыми установил прочный контакт. В послевоенные годы он вырос до начальника политотдела стрелкового корпуса. Был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и многими медалями. К сожалению, сейчас его уже нет в живых.

Многое сделал тогда для совершенствования партийно-политической работы среди личного состава Петропавловской военно-морской базы начальник ее политотдела полковник Петр Иванович Смирнов, член партии с 1930 года. Он родился в 1907 году в деревне Дядино Тверской губернии (Калининская область). Во время срочной военно-морской службы П. И. Смирнов был курсантом электроминной школы на Балтике, радистом канонерской лодки и курсантом училища береговой обороны Черноморского флота. С 1934 года – моряк-тихоокеанец. Пройдя стажировку на командирскую должность и став командиром транспорта, он через два года был переведен на политработу. Хорошо зарекомендовал себя на посту комиссара батареи, артдивизиона, начальника политотдела сектора береговой обороны.

В июне 1942 года П. И. Смирнов был назначен начальником политотдела ПВМБ, и здесь особенно ярко проявились его организаторские способности, умение воодушевлять моряков на успешное решение учебно-боевых и политических задач, на вдумчивое и глубокое изучение опыта Великой Отечественной войны. П. И. Смирнов в мае 1943 года удостоен ордена Красной Звезды. За высокие

результаты в работе по воспитанию личного состава в духе требований партии, храбрость и мужество, проявленные в Курильской десантной операции, он был награжден двумя орденами Красного Знамени — 23 августа и 20 сентября 1945 года.

Широко и целеустремленно проводилась партийно-политическая и культурно-просветительная работа в 128-й смешанной авиадивизии и в 60-м Камчатском морпогранотряде, политотделы которых возглавляли опытные, идейно закаленные коммунисты подполковник Константин Евтихеевич Коваль и Сергей Михайлович Лебедев.

В преимуществах политико-морального состояния наших десантников противник не раз убеждался в боях за освобождение Курильских островов. Не случайно один из японских пленных генералов после официального допроса сказал, в частном порядке, нашему переводчику: «Если бы я защищал Шумшу с советскими солдатами, то этот остров для любого неприятеля был бы неприступной крепостью». Но японский военачальник отметил лишь одну черту в многогранном облике наших воинов — их мужество и отвагу, массовый героизм. Но он не понимал многоного другого и, прежде всего, истоков этих замечательных качеств.

Стойкость и самоотверженность участников Курильской десантной операции, как и массовый героизм наших воинов-освободителей на всех других фронтах Великой Отечественной войны, убедительно подтверждают слова великого Ленина, которые я помню так же твердо, как номер своего партбилета. Владимир Ильич говорил: «...Каждый рабочий и крестьянин, взятый под ружье, знает, за что он идет, и сознательно проливает свою кровь во имя торжества справедливости и социализма. Это осознание массами целей и причин войны имеет громадное значение и обеспечивает победу».

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили мужество и отвагу воинов-освободителей, вернувших братской семье народов СССР Курильские острова. 101-я стрелковая дивизия была награждена орденом Ленина. Высшей правительственные награды — ордена Ленина был удостоен также 138-й стрелковый полк. Орденами Красного Знамени были награждены 373-й стрелковый полк, 279-й и 428-й артиллерийские полки, сторожевые корабли «Дзержинский» и «Киров», тральщик «ТЩ-525»,

орденом Красной Звезды — 302-й отдельный стрелковый полк. Минный заградитель «Охотск» стал гвардейским кораблем.

Почетного наименования «Курильская» была удостоена 128-я смешанная авиационная дивизия. Ее командиры, политработники, летно-технический состав, офицеры, сержанты и рядовые воины успешно обеспечивали воздушную поддержку Курильской десантной операции на всех ее этапах. Несмотря на сплошные туманы и дожди, застилающие цели, они наносили по врагу сокрушительные бомбовые удары. За отважные боевые действия 888-й истребительный и 903-й бомбардировочный авиаполки, как уже сообщалось, были награждены орденами Красного Знамени. Наиболее отличившиеся летчики, механики, стрелки и радисты получили ордена и медали.

«Курильским» стал тогда и 198-й стрелковый полк.

Высоких правительственные наград удостоились многие солдаты и матросы, сержанты и старшины, командиры и политработники передового отряда и главных сил Курильского десанта. Только среди личного состава 301-й стрелковой дивизии орденами и медалями было награждено более трех тысяч человек. В батальоне морской пехоты правительственные награды получили 377 матросов, сержантов, старшин и офицеров, в том числе 121 коммунист и 105 комсомольцев. В составе боевых экипажей минного заградителя «Охотск», сторожевых кораблей «Дзержинский» и «Киров» орденами и медалями были награждены соответственно 125, 45 и 82 моряка. В 373-м стрелковом полку высокие правительственные награды получили 410 рядовых бойцов, 291 сержант и 61 офицер.

За образцовое выполнение боевых заданий командования и подвиги в Курильской десантной операции высокого звания Героя Советского Союза были удостоены: боцман плавбазы «Север», старшина 1 статьи Н. А. Вилков (посмертно), рулевой катера «Морской охотник-253» матрос П. И. Ильичев (посмертно), старший инструктор политотдела 101-й стрелковой дивизии, заместитель командира передового отряда по политической части старший лейтенант В. А. Кот, командир Петропавловской военно-морской базы – командир высадки десанта капитан 1 ранга Д. Г. Пономарев, командир батальона морской пехоты передового отряда майор Т. А. Почтарев, старший лейтенант С. А. Савушкин (посмертно), старшина-механик самоходной

баржи Камчатморстроя, старшина 1 статьи В. И. Сигов, заместитель командира 138-го стрелкового полка, командир передового отряда десантных войск майор П. И. Шутов. Этой высокой чести удостоился и я — командующий войсками Камчатского оборонительного района и командующий Курильской десантной операцией.

— Прошу обратить внимание на то, — заметил Алексей Романович, — что шесть из девяти названных Героев Советского Союза входили в состав передового отряда наших десантных сил. Тем самым определяется место и роль этого отряда и каждого его десантника в Курильской операции. Ценой жизни многих своих товарищей они захватили плацдарм на острове Шумшу и своим мужеством и отвагой, стойкостью и самоотверженностью предрешили успех всех наших боевых действий за освобождение островов Курильской гряды. Поэтому им — особая честь и слава.

— Однако, — продолжал он, — при всем этом главными героями освобождения Курильских островов я считаю всю массу рядовых солдат и матросов — основную силу Курильского десанта. Порой мне кажется, что все то, что вынесли они и совершили в боевой обстановке, выше человеческих возможностей — ведь именно они штурмовали с моря хорошо укрепленный берег, в предельно короткий срок сокрушили такие бастионы противника, которые возводились японцами на протяжении многих лет. Наступая с моря под перекрестным огнем вражеских батарей, сквозь лавину артиллерийского, пулеметного, минометного огня, они сокрушили все вражеские преграды и в ожесточенном сражении на захваченном плацдарме овладели ключевой позицией японских агрессоров на Курильской гряде — островом Шумшу. Вечная им слава — и оставшимся в живых, и погибшим. Родина никогда не забудет их великого подвига.

— Не подумайте, что я хоть на йоту умаляю роль командного состава. Командиры частей, кораблей, подразделений на всех этапах десантной операции были той силой, которая возглавляла личный состав, осуществляла управление войсками, служила примером стойкости и мужества для каждого воина. Но весь успех их командирской деятельности, выполнение принятых ими решений зависели от массы рядового и сержантского состава, от того, как они

были подготовлены и закалены, как действовали в боевой обстановке. А в общем, можно сказать, что наши командиры, солдаты и матросы оказались достойными друг друга.

В связи с этим хочется назвать тех командиров, которые внесли особенно весомый вклад в разгром врага на Курилах, хотя и все другие достойны похвалы, действовали умело и отважно. Командир 101-й стрелковой дивизии генерал-майор П. И. Дьяков – я уже говорил о нем — хорошо подготовил дивизию к боям, но оказавшись на подбитом корабле, не смог сразу возглавить войска, и это привело к тому, что какое-то время управление боевыми действиями было нарушено. В дальнейшем он действовал смело и решительно, за мужество и отвагу был награжден орденом Суворова II степени.

Талантливым организатором боевых действий на захваченном плацдарме и душой солдат и моряков проявил себя в Курильском десанте заместитель командира 101-й стрелковой дивизии полковник Петр Алексеевич Артюшин, член партии с 1919 года. Возглавляя второй эшелон главных сил десанта, он в сложной боевой обстановке, когда было нарушено управление войсками, взял на себя всю ответственность за руководство боем и обеспечил выполнение боевой задачи в тяжелых и кровопролитных схватках — противник был сбит с господствующих высот 165 и 171. На них взвился наш красный флаг. За умелые боевые действия и отвагу П. А. Артюшин был награжден орденом Красного Знамени.

Смело и решительно действовали в боевой обстановке многие командиры частей, кораблей и подразделений — всех их невозможно перечислить. Однако трудно не назвать командиров полков, которые сыграли решающую роль в разгроме противника на острове Шумшу.

Командир 138-го стрелкового полка подполковник К. Д. Меркуьев был удостоен полководческого ордена Суворова III степени. Такую же награду получил и командир 373-го стрелкового полка подполковник В. Г. Губайдуллин. Командиры 279-го и 428-го артиллерийских полков подполковники А. К. Тарасов и И. Я. Пирогов были удостоены орденов Суворова III степени.

Огромную роль в обеспечении стойкости и наступательного порыва личного состава десантных войск в бою сыграла целенаправленная и разносторонняя партийно-политическая работа,

проводившаяся непрерывно во всех частях, на кораблях, в батальонах, ротах, батареях, эскадрильях. Постоянно работали в войсках на переднем крае политработники сухопутных и военно-морских сил: В. А. Кот, К. Ф. Бабич, В. Н. Быкасов, Н. Е. Гусев, Г. С. Крившенко, Ф. И. Кузьмин, А. П. Перм, В. В. Стрельцов, В. П. Тарасов, С. К. Татаринцев, Я. С. Эдельман (награждены орденами Красного Знамени), И. А. Безделов, Ф. М. Бобров, А. А. Бугров, К. А. Елмашов, А. И. Моргослепенко, А. С. Рожков, С. И. Рыбинцев (награждены орденами Отечественной войны I и II степени), П. Н. Давыденко, П. И. Мочалкин, С. Н. Павлов, Н. П. Панкратов, Ф. М. Потехин, И. В. Синицын, А. И. Шкилев (награждены орденами Красной Звезды) и многие другие.

Мы не имели времени для всесторонней и тщательной подготовки десантной операции и надлежащей тренировки войск для действий в необычной обстановке морского десанта, не располагали точными данными о силах противника и организации его противодесантной обороны. Это не могло не сказаться на результатах наших боевых действий. Были просчеты и ошибки – об этом уже написано в специальных исследованиях. Но мы располагали замечательными, закаленными и отважными советскими воинами, опытными и храбрыми, хорошо знающими свое дело командирами и политработниками.

Как уже было сказано, о Курильской десантной операции написаны книги, уделено ей должное внимание в солидных обобщающих трудах о войне. Но ряд моментов этой операции еще понастоящему не раскрыт, не исследован.

– Это, конечно, так, – согласился я. – Однако главное в оценке замысла и осуществления операции по освобождению Курильских островов высказано. – И я передал генералу ксерокопию статьи «Курильская десантная операция», опубликованной в четвертом томе «Советской военной энциклопедии». В ней был подчеркнут заключительный абзац:

«Операция поучительна тем, что была подготовлена в ограниченные сроки, искусно выбрано направление главного удара, хорошо организовано взаимодействие сухопутных войск, авиации и флота. При подготовке операции создан объединенный орган (штаб)

высадки из представителей штабов Камчатского оборонительного района, Петропавловской военно-морской базы и 128-й авиадивизии».

– Дело не только в оценках, – заметил А. Р. Гнечко. – Будет очень полезно, если кто-то из исследователей попытается проанализировать, в частности, весь комплекс боевой и политической подготовки воинов-дальневосточников, в том числе и личного состава КОР, применительно к требованиям и опыту Великой Отечественной войны.

Очень важно также обстоятельно осветить постоянные и тесные контакты воинов КОР, Петропавловской военно-морской базы, летчиков и пограничников с партийными, советскими, профсоюзными, комсомольскими органами и трудящимися Камчатской области. Наши командиры и политработники активно участвовали в общественно-политической жизни предприятий и колхозов, помогали местным организациям в налаживании оборонно-патриотической работы, шефских связей трудовых коллективов с воинскими частями и подразделениями. Это облегчило в дальнейшем мобилизацию всех сил Петропавловска и районов Камчатки для помощи войскам в период подготовки и проведения Курильской десантной операции.

– И вообще, – сказал он далее, – хотелось бы, чтобы ярче и разнообразнее освещались боевые действия, мужество воинов, самое главное, на мой взгляд, в Курильском десанте — боевая дружба, единство и сплоченность всех участвующих в нем войск — пехотинцев и моряков, летчиков и пограничников, осуществивших разгром врага общими силами, под единым руководством. Обращаю на это внимание потому, что в некоторых публикациях, особенно в местной печати, допускается выпячивание роли армейцев или моряков, в зависимости от того, кого из них представляет автор той или иной статьи. Это не соответствует тому, что было на самом деле, и поэтому следует воздержаться от подобных «перекосов».

– Это и к вам относится, – заметил он дружелюбно, – поскольку собираетесь писать о Курильском десанте как его участник. Кстати, на чем вы хотите сконцентрировать ваше внимание?

Я рассказал, что давно уже собираю различные материалы о Курильской десантной операции и тщательно накапливаю биографические сведения о тех бойцах, командах и

политработниках, которые особенно отважно действовали в боях за освобождение Курильских островов.

— Если удастся что-то сделать, это будет правдивый рассказ о массовом героизме воинов-освободителей. Хочется также написать и о том, что многие демобилизованные тогда бойцы и командиры остались осваивать освобожденную русскую землю и до сих пор работают на Курилах и на Сахалине.

— Да, все это очень важно, — заметил генерал и посоветовал не откладывать дело в долгий ящик. — Время идет, мы стареем, уходят из жизни ветераны, уцелевшие в боях. Память о прошлом нужна живым.

— А что касается весомости вклада наших десантников в освоение Курильских островов и Сахалина, — сказал он, — то в этом я лично убедился, когда в 1972 году по приглашению Сахалинского обкома КПСС побывал на местах боевых действий на Южном Сахалине и Курильских островах. Не узнать те места. Там выросли прекрасные города и поселки, предприятия, колхозы и совхозы. У меня был ряд встреч с трудящимися, в том числе и с бывшими фронтовиками — участниками Курильского десанта и освобождения Южного Сахалина. Многие из них стали передовиками труда, командирами производства, удостоены высоких наград за успехи в мирном созидательном труде.

Бывший подводник и боцман десантного судна ДС-2 (522) К. А. Числов, работая на Камчатке, вырос на производстве до капитана морозильного траулера и за высокие уловы удостоен звания Героя Социалистического Труда. Бывший партторг одного из батальонов 302-го стрелкового полка, ныне покойный, С. Н. Пудов долгое время работал на Сахалине секретарем ряда райкомов партии, в том числе 6 лет — секретарем Северо-Курильского райкома КПСС, а последние 14 лет жизни — председателем исполкома Анивского районного Совета народных депутатов Сахалинской области. За самоотверженный труд был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и дважды — орденом «Знак Почета». Участник разгрома японских захватчиков у озера Хасан и на Курильских островах, бывший замполит 5-го отдельного стрелкового батальона А. А. Чириков долгое время работал на Сахалине инструктором обкома КПСС, секретарем Южно-Сахалинского горкома партии по кадрам, первым заместителем

председателя Южно-Сахалинского горисполкома, первым секретарем Широкопадского райкома КПСС.

Подобных примеров можно привести множество.

Особенно порадовало глубокое уважение к памяти тех, кто освободил от врага эти исконно русские земли, совершил подвиги во славу Родины. На их могилах у памятников и обелисков — цветы и зелень.

— Я долгое время, — сказал в заключение генерал, — служил на командных должностях, но в душе я всегда был и остаюсь солдатом — солдатом нашей великой ленинской партии.

Алексей Романович подарил мне свою фотографию-с дружеской надписью: «На добрую память боевому соратнику по Курильской операции в августе 1945 года». А затем, открыв ящик стола, достал и протянул мне несколько исписанных убористым почерком листков бумаги.

— Возьмите, может, пригодится. Это краткие записи об основных событиях моей жизни.

На этом мы расстались. Но я долго находился под впечатлением этой встречи.

Как трудно и вместе с тем счастливо сложилась жизнь рабочего паренька, ставшего воином, а затем и командиром молодой еще тогда Красной Армии! В ее рядах он прошел славный путь от солдата до генерал-лейтенанта: командир взвода, роты, батальона, начальник штаба полка, командир полка, дивизии, корпуса, командующий войсками Камчатского оборонительного района. В послевоенные годы ему доверялись важные военные посты — старшего военного советника в войсках народно-освободительной армии Китая, заместителя командующего войсками Сибирского военного округа и др. Он неоднократно избирался в состав местных партийных и советских органов.

А. Р. Гнечко окончил две академии — Военную академию имени М. В. Фрунзе (1936 г.) и академию Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова (1952 г.). Но он постоянно продолжал совершенствовать свои специальные и политические знания, любил литературу, музыку, театр, кино.

В 1960 году боевые товарищи и сослуживцы тепло и сердечно проводили Алексея Романовича на заслуженный отдых. Но, и находясь в отставке, генерал продолжал оставаться в строю. Около десяти лет он работал заведующим кабинетом партийного просвещения в железнодорожном вагонном депо, возглавлял там совет музея Боевой славы предприятия. Являясь членом Всесоюзного общества «Знание», он часто выступал с лекциями и докладами на оборонно-патриотические темы, а также с воспоминаниями о Курильской десантной операции. Его статьи об этом времени появлялись в печати. Генерал вел большую переписку с комсомольцами и школьниками — красными следопытами.

«Вся жизнь, весь труд, все мои силы и энергия, — писал А. Р. Гнечко, — были посвящены и отданы до конца служению нашему народу, нашей партии и Родине. Не будь Советской власти, не мог бы и я, бедный крестьянский мальчишка, достигнуть таких высот — стать членом Коммунистической партии, генерал-лейтенантом Советской Армии, Героем Советского Союза.

Разве могла мечтать об этом моя мама, когда говорила: «Может быть, ты, Алеша, выйдешь в люди. Трудись. Уважай людей!»

Вот почему Советская власть — это наша родная власть труда. Она нам все дала. Мы, старое поколение, сполна отдавали и отдаём ей все, что можем, — всю трудовую жизнь. И в этом наше счастье¹.

Какие высокие мысли и благородные чувства вложены в эти строки! В них исповедь и память сердца. Они отвечают на самый сложный вопрос, волнующий каждого человека: как и ради чего стоит жить.

¹ Из личного архива автора.